

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Шаповалов Алексей Владимирович

**АВТОР КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА
В ЛЕТОПИСАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI-XIII ВВ.
(ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЙ КОНТЕКСТ)**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Пауткин Алексей Аркадьевич

Москва – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения категории автора в средневековых памятниках	19
§1.1 История изучения	19
§1.2. Методология	41
Глава 2. Высказывания книжников от первого лица	59
§2.1. Упоминания книжников о себе	60
§2.2. Источники повествования	68
§2.3. Принципы работы книжников	81
§2.4. Выражение эмоциональности и оценки	93
§2.5. Проблема самосознания книжников	99
Глава 3. Проявления субъективности	115
§3.1. Риторические вопросы и восклицания	116
§3.2. Эмотивные и оценочные высказывания	128
§3.3. Сравнения и эпитеты как авторские экспликации	146
Глава 4. Сочетания авторских проявлений	170
§4.1. Сочетания риторических фигур	171
§4.2. Сочетания эмотивных высказываний	179
§4.3. Сочетания оценочных высказываний	186
§4.4. Сочетания сравнений	196
§4.5. Сочетания эпитетов	203
Заключение	214
Список сокращений	219
Библиография	220

Введение

Понятие «автор» имеет в литературоведении несколько значений. Под автором могут понимать «реально существовавшего человека», «концепцию, некий взгляд на действительность» и «явления, характерные для отдельных жанров и родов» литературы¹. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением второго из приведенных значений, для которого также были предложены понятия «формы авторского присутствия» и «авторские экспликации». Под формами авторского присутствия в тексте произведения подразумевается автор не как биографическое лицо, а как его «внутритекстовое, художественное воплощение»². Об этом писали М.М. Бахтин (положение о «внеаходимости» автора по отношению к произведению³) и Н.Д. Тмарченко (мысль об «отграниченности» автора от писателя и других «изображающих субъектов» внутри произведения⁴). Подобный подход представляется нам продуктивным, поскольку позволяет реконструировать природу автора как создающего начала «по результату деятельности, т.е. по произведению»⁵. В последнее время получило распространение выделение форм авторского присутствия в художественном тексте на основе формальных признаков. В качестве авторских экспликаций выделяли рамочные компоненты текста⁶, повествование от первого (*Icherzählung*, речь рассказчика) или от третьего лица (*Erform*, речь повествователя)⁷. Авторские экспликации можно рассматривать не только

¹ *Корман Б.О.* Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Избранные труды по теории и истории литературы / Пред. и сост. В.И. Чулкова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992, с. 59.

² *Прозоров В.В.* Автор // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999, с. 11.

³ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986, с. 18.

⁴ *Тмарченко Н.Д.* Автор // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001, с. 18.

⁵ *Тмарченко Н.Д.* Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной, Интрада, 2008, с. 11.

⁶ *Прозоров В.В.* Автор ... , с. 11.

⁷ *Орлова Е.И.* Формы присутствия автора в литературном произведении. М.: Факультет журналистики МГУ, 2017, с. 8-20.

«как отражение человека», но и «как средство его познания»⁸, а анализ особенностей их употребления позволяет представить динамику художественной антропологии⁹.

В.В. Виноградов предлагал рассматривать проблему авторства «соотносительно с понятиями стиля и структуры литературного произведения», поскольку она «наполняется разным содержанием – применительно к художественной практике разных эпох»¹⁰. Для средневековых памятников формы авторского присутствия представляют особый интерес, поскольку часто единственным источником информации о книжниках, их мировоззрении и принципах работы является сохранившийся текст памятника. Творчество средневекового книжника обусловлено нормативным характером культуры, которая приводит к существованию «жанровых образов авторов» (агиограф, летописец, проповедник)¹¹. Во многих средневековых текстах есть высказывания, прямо не связанные с основным ходом повествования, которые можно рассматривать как «комментарий», «метатекст»¹². Подобные сообщения средневековых книжников о себе немногочисленны, но весьма показательны. Они позволяют судить о понимании книжниками целей исторического труда, его содержания и композиции, а также помогают понять замысел книжников и условия бытования созданных ими текстов.

Актуальность темы обусловлена неослабевающим интересом современной науки к различным аспектам категории средневекового авторства, недостаточной изученностью влияния социального окружения на принципы работы историописателей, вопросов об их менталитете, способах

⁸ *Макеев М.С.* Спор о человеке в русской литературе XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М.: Диалог-МГУ, 1999, с. 5.

⁹ *Чернец Л.В.* О типологическом изучении литературных персонажей // *Stephanos*. 2016. Т. 15. № 1, с. 87.

¹⁰ *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961, с. 38-39.

¹¹ *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947, с. 145.

¹² *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 402-421.

выражения оценки и эмоциональности, а также необходимостью интерпретации форм авторского присутствия как типичных или особенных проявлений.

Степень разработанности темы. Проблема авторства средневековых памятников давно привлекала внимание специалистов из разных областей гуманитарного знания. Традиционный характер средневековой культуры накладывает ограничения на применение термина «автор» к письменным источникам XI–XIII вв. По наблюдению Д.С. Лихачева, история составления летописей «не кончается в пределах творческих исканий одного автора, а захватывает творчество ... многих поколений редакторов и переписчиков текста, занимая иногда несколько столетий»¹³. Следствием множества авторов явилось накопление в летописных списках разночтений, которые затрудняют работу современных исследователей. Для решения этой проблемы Б.М. Клосс предлагал проводить стратификацию текста летописи, т.е. отыскивать «структурный пласт текста, где каждый автор имеет все же свои особенности»¹⁴. С другой стороны, на основании отсутствия разночтений в разных списках высказывались предположения о Начальной летописи как о целостном произведении (историческая концепция Повести временных лет «есть основа её композиции и основа её целостности»¹⁵). Реальное положение дел представляется нам более сложным, поскольку каждый летописный свод представляет собой совокупность разных точек зрения¹⁶, не характеризуется единым замыслом и не образует единого художественного пространства. Как отмечал И.Н. Данилевский, каждый список представляет собой «своеобразный авторский вариант, черновик текста последующего»¹⁷.

¹³ Лихачев Д.С., при участии Алексева А.А. и Боброва А.Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). СПб: Алетейя, 2001, с. 40.

¹⁴ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М.: Наука, 1980, с. 104.

¹⁵ Шайкин А.А. «Повесть временных лет»: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011, с. 320.

¹⁶ Подробнее о точке зрения в тексте см.: Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 320–335.

¹⁷ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004, с. 270.

В процессе историописания многочисленные фактические данные должны быть упорядочены, осмысленны, между ними должны быть установлены взаимосвязи (идея морфологического анализа памятников культуры¹⁸). Одним из первых подобный подход в области медиевистики использовал Й. Хёйзинга, который в работе «Осень средневековья» описал уклад жизни и мышления народов Франции и Нидерландов XIV-XV вв. Свой интерес к повседневности (нормам придворного этикета, защитительным речам, пословицам, девизам, обычаям, суевериям и т.п.) Хёйзинга объяснял так: «в обыденной жизни мы видим непосредственные и наивные проявления этих же форм (*форм мышления – А.Ш.*), не отягченных бременем неоплатонизма и прочих течений»¹⁹. Этот подход получил дальнейшее развитие в работах представителей французской школы «Анналов». Интерес к формам мышления²⁰ изменил взгляд исследователей на исторический источник, который теперь рассматривался как продукт определенного типа сознания (менталитета). В общем случае под менталитетом понимают «установки сознания», «представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога», которые «не подвергнуты логической систематизации»²¹. В области историографии понятие «ментальность» включает в себя социально-психологические установки, особенности мировосприятия людей некоторой культурно-исторической

¹⁸ Такой принцип был положен в основу монографии *Протт В.Я.* Морфология сказки. М., Наука, 1969. – 168 с.

¹⁹ *Хёйзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв во Франции и Нидерландах / Сост., пред. и пер. Д.В. Сильвестрова; комм. И указ. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011, с. 388.

²⁰ В области изучения сознания человека выделяют два основных подхода – законы психической жизни могут рассматриваться как проявления внутренних свойств человека или как продукт социальных процессов. В рамках второго подхода полагают, что разные формы психической деятельности могут отличаться для разных исторических эпох и культур. Подробнее см.: *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С. 7-24; об истоках и принципах историко-эволюционного подхода к изучению человека см.: *Асмолов А.Г.* Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007, с. 93-116.

²¹ *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3, с. 159.

общности²². Если на начальном этапе ментальность понималась как нечто единое, присущее всему обществу, то в последующее время происходит расширение исследовательского поля, и в фокусе внимания оказывается разнообразие менталитетов (история ментальностей). Применительно к традиционным обществам исследователи обращаются к изучению ментальностей разных уровней (сознание элиты, народное сознание)²³, а также различных социальных групп (средневековых голштинцев, нищенствующих орденов, властителей-самозванцев и др.)²⁴.

Представляет интерес сопоставление исследовательских подходов истории ментальностей и изучения категории автора средневековых памятников разных жанров, в частности, исторического повествования. Это обусловлено возросшим в последнее время интересом к изучению форм авторского присутствия в древнерусских летописях начального периода. Для изучения авторских экспликаций было предложено два подхода: описание сообщений книжников о себе или о своем отношении к описываемым событиям и анализ высказываний, организующих структуру погодной статьи или свода. В рамках первого подхода Е.Л. Конявская рассматривала субъективные высказывания и проблему самосознания книжников²⁵, О.В. Иванайнен изучала различные проявления «азь»-летописца²⁶, И.С. Юрьева на основе анализа грамматических и фонетических особенностей языка летописцев отмечала их противоположные речевые установки (ориентацию на книжные образцы и более широкое использование

²² Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М. 1989. Вып. 1, с. 75.

²³ Николаева И.Ю. Проблематика ментальности традиционных обществ и современная западная историография // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1994, с. 58-60.

²⁴ Левинсон К.А. Ментальности в средневековье: Концепции и практика исследований // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. Сост. Е.М. Михина. М.: РГГУ, 1996, с. 82-90.

²⁵ Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XVв.). М.: Языки русской культуры, 2000. – 199 с.

²⁶ Иванайнен О.В. “Азь” летописца в “Повести временных лет”, его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 16–17. М.: Наука, 2014, с. 394-534.

элементов живой речи²⁷). В отношении западноевропейских памятников исторического повествования вопросы самосознания авторов изучала З.Ю. Метлицкая²⁸. Однако в этих работах недостаточно рассмотрено влияние форм авторского присутствия на достоверность и субъективность повествования. В рамках второго подхода В.Ю. Франчук рассмотрела некоторые приемы организации летописного текста (хронологические и отсылочные формулы, оформление дат и иные методы редакторской работы²⁹), Т.В. Гимон изучал соотношение анналистического и хроникального начал в летописи³⁰, однако при этом мало внимания уделено собственно авторским проявлениям. На наш взгляд, при изучении форм авторского присутствия в средневековых летописях и хрониках продуктивны как автобиографические, эмотивные и оценочные высказывания книжников, так и особенности их повествовательной манеры, организующие фрагмент летописного текста.

Целью исследования является рассмотрение и анализ форм авторского присутствия и их трансформаций в древнерусских летописях раннего периода, а также их сопоставление с авторскими экспликациями в текстах некоторых латинских хроник.

Задачи исследования.

- Выявление и анализ различных видов высказываний книжников от первого лица (сообщений о себе, упоминаний очевидцев и источников, рассуждений о методах работы и т.п.).

²⁷ Юрвева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Оломоуц: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. С. 65–77.

²⁸ Метлицкая З.Ю. Историческое самосознание англосаксонских анналистов IX–XI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. – 20 с.

²⁹ Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986, с. 53–76.

³⁰ Подробнее о соотношении летописей, хроник и анналов см.: Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012, с. 53–76.

- Определение характера высказываний книжников от первого лица (оригинальные или заимствованные), а также проявления в них элементов субъективности и самосознания.
- Изучение других проявлений субъективности книжников (риторических вопросов и восклицаний, эмотивных и оценочных суждений, сравнений и эпитетов как авторских экспликаций), а также их сочетаний друг с другом.
- Интерпретация осознанных изменений (случаев редакторской правки), вносимых книжниками в текст летописи.
- Обнаружение генетических и типологических сходств и отличий между авторскими экспликациями в текстах разных историографических традиций.
- Изучение обусловленности форм авторского присутствия социальными факторами (происхождением книжников, их социальным окружением и условиями жизни).

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена возникновением обобщающих сочинений по истории в Древней Руси и некоторых других славянских государствах на рубеже XI-XII вв. Верхняя хронологическая граница определяется изменением проблематики этих источников в XII-XIII вв., которое было обусловлено переходом от общерусского летописания к местному и произошло в силу внутривосточных (междоусобные войны) и внешнеполитических (монголо-татарское нашествие) причин.

Объект исследования и характеристика источников. Историческое повествование (нарратив) представляет собой «тип повествовательного текста как интерпретации прошлого», «форму и способ презентации исторической реальности»³¹. В настоящей работе изучается категория автора

³¹ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 316.

в памятниках историописания³², т.е. в оригинальных произведениях об истории своего народа³³. В качестве основного источника выбран Ипатьевский летописный свод первой половины XV в., имеющий южнорусское происхождение, в котором исследователями последовательно выделяются четыре памятника: «Повесть временных лет», «Киевская летопись», «Галицкая летопись» и «Волинская летопись». Это позволяет проследить эволюцию авторских экспликаций в рамках южнорусского летописания XI-XIII вв. Для сопоставления южнорусской и северорусской³⁴ летописных традиций привлекаются тексты Суздальской и Новгородской первой летописей. Владычный характер новгородского летописания (когда смена правящего архиерея влекла за собой смену летописца) представляет дополнительные возможности для изучения самосознания книжника, принципов его работы, отношения к своему труду и предшествующему летописанию. С целью вписать древнерусские памятники в западославянский контекст указанные летописи сопоставляются с западославянскими хрониками, которые описывают синхронный ПВЛ период средневековой истории и также лежат в основе историографии своих народов – с «Чешской хроникой» Козьмы Пражского и с «Хроникой и деяниями князей или правителей польских» Галла Анонима. Это позволяет оценить влияние жанра (летопись, хроника, деяния) на авторские экспликации, а также рассмотреть отношение предшествующей книжной и языковой традиции к процессу историописания.

³² Подробнее о соотношении терминов «историописание» и «историография» см.: Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание: сб. ст. Отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 14 – 27.

³³ В работе не рассматриваются переводные исторические сочинения и сборники, бытовавшие в древних Руси, Чехии и Польше в XI-XIII вв., а также «Поучение» Владимира Мономаха, входящее в состав Повести временных лет по Лаврентьевскому списку.

³⁴ О различии памятников разных культурных центров Древней Руси см.: Демичева Н.А. Древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому: к вопросу о влиянии места создания произведения на его содержание // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 309 – 311.

«Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) представляет собой общерусский летописный свод, описывающий события с древнейших времен (самая ранняя датировка – 852 г.) до 1117 г. (по Ипатьевской летописи). Оригинал памятника не сохранился, известно 7 ее списков XIV-XVI вв., а также ряд позднейших переработок. К письменным источникам ПВЛ относят Хронику Георгия Амартола, Житие Василия Нового, Хронограф особого состава, Откровение Мефодия Патарского, Поучение о казнях Божьих и другие памятники³⁵.

«Чешская хроника» Козьмы Пражского (далее – ЧХ) написана на латыни³⁶ и повествует о событиях с древнейших времен (самая ранняя датировка – 894 г.) до 1125 г. Оригинал хроники не сохранился, известно 15 ее списков XII-XVII вв.³⁷. Хроника состоит из трех книг, каждой книге предшествует предисловие автора. К письменным источникам ЧХ относятся Привилегия Моравской церкви, Житие святого Вацлава, Житие святого Адальберта, Пражские анналы, Список епископов Пражской церкви и некоторые другие тексты³⁸.

«Хроника и деяния князей или правителей польских» Галла Анонима (далее – ХГА) не содержит дат, что затрудняет использование ее в качестве исторического источника (предполагается, что она описывает события 850-1113 гг.). Оригинал хроники не сохранился, известно 3 рукописных ее списка XIV-XV вв. Хроника состоит из трех книг, первой книге предшествуют письмо, стихотворный эпилог и введение, второй и третьей книгам – письмо и стихотворный эпилог. К письменным источникам ХГА относят Житие

³⁵ Подробнее об источниках ПВЛ см.: *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 36-150.

³⁶ О роли латыни в средние века см.: *Hellmann S.* *Ausgewählte Abhandlungen zur Historiographie und Geistesgeschichte des Mittelalters.* Darmstadt: Beumann, 1961, s. 18-20. О средневековой латыни XI-XII вв. см.: *Sidwell K.* *Reading Medieval Latin.* Cambridge: Cambridge University Press, 1995, p. 173-252.

³⁷ Подробнее о списках ЧХ см. предисловие к изданию: Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. статья, перевод и коммент. Г.Э. Санчука; под. ред. Л.В. Разумовской, В.С. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1962, С. 19-21.

³⁸ Подробнее об источниках ЧХ см. там же, С. 13.

святого Войцеха, «Жизнеописание Карла Великого» Эйнхарда и другие памятники³⁹.

В последующем тексте общерусского свода южной редакции по Ипатьевской летописи, которая сохранилась в 5 списках⁴⁰, исследователи выделяют «Киевскую летопись» (далее – КЛ), «Галицкую летопись» (далее – ГЛ) и «Волынскую летопись» (далее – ВЛ). КЛ представляет собой великокняжеский свод Рюрика Ростиславича и описывает события 1118 – 1200 гг. К основным источникам КЛ относят Киевский летописец, Летописец Переяслава Южного и черниговский Летописец Игоря Святославича⁴¹. ГЛ описывает события 1201-1261 гг., а ВЛ – 1262-1292 гг. К их источникам относят Хронику Иоанна Малалы⁴², «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона и предшествующее великокняжеское летописание Киева⁴³.

«Суздальская летопись» (далее – СЛ, другое название – «Московско-Академическая летопись») представляет собой фрагмент Лаврентьевской летописи и описывает события 1113-1305 гг. Появление летописания в Северо-Восточной Руси было обусловлено политическим усилением Владимира, где в Успенском соборе был составлен свод 1178 г, в котором были использованы сведения местных летописцев⁴⁴ и КЛ. Владимирская летопись велась до 1276 г⁴⁵, после чего она была отредактирована в Ростове,

³⁹ Подробнее об источниках ХГА см.: предисловие к изданию: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Вступ. статья, перевод и коммент. Л.М. Поповой; под. ред. В.Д. Королюка. М.: Изд-во АН СССР, 1961, С. 12-13, 17; *Zeissberg H.* Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig: S. Hirzel, 1873. S. 29; *Plezia M.* Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejetności, 1947. S. 123-130; *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М.: Наука, 1990. С. 35, 58.

⁴⁰ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб: Дмитрий Буланин, 1996, С. 84-85.

⁴¹ Там же, С. 88-90.

⁴² *Орлов А.С.* О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 20.

⁴³ *Пауткин А.А.* К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (31). С. 119.

⁴⁴ Личные Летописцы Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского отличались крайней тенденциозностью, см.: *Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967, С. 34-68.

⁴⁵ *Лимонов Ю.А.* Летописание ... , С. 186.

Переяславле и Твери и стала одним из источников Первого московского свода 1330 г.⁴⁶.

«Новгородская первая летопись» (далее – НПЛ) сохранилась в двух вариантах – старшем изводе (далее – НПЛ СИ) и младшем изводе (далее – НПЛ МИ). НПЛ СИ представлен единственным Синодальным списком, а НПЛ МИ – группой списков, основными из которых являются Академический и Комиссионный списки⁴⁷. В Синодальном списке отсутствуют первые 16 тетрадей и одна тетрадь в середине, поэтому сохранившийся текст НПЛ СИ описывает события 1016-1273, 1298-1352 гг. Текст НПЛ МИ описывает события с древнейших времен (самая ранняя датировка относится к 854 г.) до 1447 г. Предполагается, что тексты НПЛ СИ и НПЛ МИ независимо друг от друга восходят к общему протографу⁴⁸.

Предметом исследования являются формы авторского присутствия в указанных памятниках, выделяемые на основе формальных признаков, – высказывания книжников в форме первого (или реже третьего) лица и различные проявления субъективности (риторические вопросы и восклицания, оценочные и эмотивные высказывания, сравнения и эпитеты), а также их сочетания.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведено комплексное исследование форм авторского присутствия в летописях разных культурных центров Древней Руси XI-XIII вв. (Киева, Галича, Владимира-Волынского, Владимира-на-Клязьме, Суздаля, Новгорода-на-Волхове) в сопоставлении с хрониками древних Чехии и Польши.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации форм авторского присутствия в летописях Древней Руси XI-XIII вв., а также в

⁴⁶ Подробнее о владимирском великокняжеском летописании второй половины XIII – начала XIV вв. см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания ... , С. 147-168.

⁴⁷ *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 2000 года (ПСРЛ, том III). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 5-7.

⁴⁸ Подробнее о соотношении НПЛ СИ и НПЛ МИ и об источниках синодального списка НПЛ см.: *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. №6 (16). М. 1997. С. 19-34.

выявлении типичных и особенных черт стиля древнерусских летописцев в контексте развития западнославянской книжности рубежа XI–XII вв.

Практическая ценность исследования связана с тем, что применяемый подход может использоваться для изучения форм авторского присутствия в произведениях исторического повествования разных жанров и эпох. Частные результаты исследования могут представлять интерес для различных медиевистических дисциплин, изучающих вопросы авторства и соотношения культурных и историографических традиций. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по истории древнерусской литературы; в литературоведческих и междисциплинарных исследованиях; при самоподготовке студентов, магистрантов и аспирантов, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям.

Методология. В работе применен междисциплинарный подход, сочетающий методы литературоведения и новой исторической науки. К первым относятся историко-литературный (изучение особенностей жанра⁴⁹ и выразительных средств⁵⁰ летописей и хроник), текстологический (работа с разными списками⁵¹ или изводами⁵² одного произведения) и герменевтический методы (реконструкция замысла книжников⁵³). Ко вторым можно отнести методы истории ментальностей (анализ биографических и экспрессивно-эмоциональных выражений книжников⁵⁴) и истории повседневности (изучение высказываний книжников в повседневном

⁴⁹ Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Исследования по древней русской литературе акад. М.И. Сухомлинова. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. 85. № 1. С. 1-247.

⁵⁰ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. – 360 с.

⁵¹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб: Типография М.А. Александрова, 1908. – 686 с.

⁵² Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 112-125.

⁵³ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

⁵⁴ Шенкао М.А. Изучение ментальностей во французской школе «Анналов» // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. № 1. С. 60-72.

контексте⁵⁵). При изучении единичных явлений привлекался сопоставительный метод⁵⁶ с целью обнаружения генетических или типологических сходств изучаемых форм авторского присутствия.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Установлена корреляция между количеством высказываний книжников от первого лица и жанром исторического повествования (чем чаще упоминались даты и хронологические формулы, тем реже книжники высказывались «от себя»).
2. Большое число высказываний книжников от первого лица в общерусском летописании по сравнению с местными памятниками связано с более сильным анналистическим характером последних.
3. Показана обусловленность содержания авторских экспликаций социальным статусом книжника (монах, настоятель собора, городской житель, лицо, приближенное к князю). Это позволило расширить представления о попытках раскрытия книжником своего внутреннего мира и об элементах рефлексии своего труда.
4. Разнообразие выразительных средств или использование цитат и топосов говорит не только о степени образованности и кругозоре книжника, но и об уровне развития книжной культуры в данный период времени.
5. Уровень развития книжной культуры обуславливает круг используемых книжниками источников: при более длительном развитии книжности сокращается использование в историческом повествовании сведений, содержащихся в других источниках, а также устных сообщений и отсылок к библейскому тексту.
6. Расширен круг высказываний книжников, которые можно рассматривать как первые попытки раскрытия их внутреннего

⁵⁵ *Борисов Н.С.* Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. – 529 с.

⁵⁶ *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. – 317 с.; *Жирмунский В.М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение: Восток и запад. М.: Наука, 1979. С. 158-173.

мира (помимо некрологических похвал ими являются разнообразными сочетания авторских проявлений).

7. Показано, что с конца XIII в. наблюдается уменьшение числа форм авторского присутствия в древнерусских летописях, что в значительной степени обусловлено работой переписчиков (сообщения книжников о себе или высказывания от первого лица могли опускаться, а риторические фигуры в ряде случаев заменяться эмоционально нейтральными высказываниями).
8. На основе повторяемости или обращения к непосредственному опыту проведено различие между устойчивыми выражениями (топосами) и авторскими экспликациями (упоминаниями о событиях своей жизни, эмоциональными высказываниями, сопоставлениями действий людей с повадками животных).
9. Обнаружен ряд типологических сходств и отличий древнерусских летописей и западославянских хроник. К сходствам относятся способы самопрезентации книжников, упоминаемые ими ситуации и используемые при этом образы, а к отличиям – выбор способа изложения материала (повествование или рассуждение, описание события в символическом ключе или как реально происходившего).
10. Различное употребление в летописях и хрониках генетически общих библейских образов обусловлено жанром и задачами составления памятника (стремление книжника к документально точно передаче или к интерпретации описываемых событий).

Достоверность результатов обеспечивается большим объемом исследуемого материала, широкой теоретической базой, последовательной аргументацией и использованием различных методологических инструментов истории литературы, теории литературы, текстологии, герменевтики, истории ментальностей.

Апробация. Материалы диссертационного исследования были апробированы на 6 научных конференциях: VIII, IX и X Международных

конференциях молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2019, 2020 и 2021 гг.); III и V Международных конференциях молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии» (ИМЛИ РАН, Москва, 2020 и 2022 гг.); II Международном филологическом коллегииуме «Слово и общество» (университет «Епископ Константин Преславски», Шумен, 2020 г.). Данное исследование прошло апробацию при защите научно-квалификационной работы на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты работы отражены в 6 публикациях:

I. Статьи, входящие в базы Scopus, Web of Science и ISI:

1. *Шаповалов А.В.* Эволюция форм авторского присутствия в южнорусском летописании XI-XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 6. С. 182 – 194. ИФ РИНЦ 2021 – 0,230.
2. *Шаповалов А.В.* К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI-XIII вв. (интерпретация и типология) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 105 – 113. ИФ РИНЦ 2022 – 0,274.
3. *Шаповалов А.В.* Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI-XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. № 3. С. 256 – 268. ИФ РИНЦ 2022 – 0,216.

II. Статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

4. *Шаповалов А.В.* Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи // Славянский альманах. 2022. №1 – 2. С. 148 – 161. ИФ РИНЦ 2022 – 0,209.

5. *Шановалов А.В.* Формы авторского присутствия и история ментальностей: проблемы изучения (на материале славянского исторического повествования рубежа XI-XII вв.) // *Litera*. 2022. № 5. С. 184 – 191. ИФ РИНЦ 2022 – 0,169.

III. Статьи в других рецензируемых научных изданиях:

6. *Шановалов А.В.* Особенности употребления сравнений в «Повести временных лет» и «Хронике Галла Анонима» // *Слово и общество: сборник статей международного филологического колледиума*. Шумен: Университет Константина Преславского, 2021. Т. II. С. 109 – 118.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и библиографии. Первая глава включает в себя обзор научной литературы, посвященной изучению категории автора в средневековых памятниках, а также содержит описание использованных в работе методов исследования. Вторая глава посвящена анализу основных видов высказываний авторов летописей и хроник от первого лица, их функциям в тексте и значению для формирования самосознания человека своего времени. В третьей главе анализируются способы актуализации субъективности исторического повествования посредством отдельных высказываний (риторические вопросы и восклицания, эмотивные и оценочные выражения, сравнения и эпитеты). В четвертой главе приводятся примеры сочетания проявлений субъективности (риторических фигур, эмотивных и оценочных высказываний, сравнений и эпитетов) и обсуждается возможность рассмотрения их как элементов рефлексии книжниками фрагмента историографического текста.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения категории автора в средневековых памятниках

§1.1. История изучения

Первые попытки изучения средневекового авторства относятся к XIX веку, когда исследователей интересовали обстоятельства жизни (элементы биографии) книжников. В начале XX века научный интерес сместился в сторону изучения способов исторического повествования, а во второй половине XX века фигура летописца привлекала внимание исследователей преимущественно в контексте работ по изучению поэтики. На рубеже XX-XXI вв. вновь возник интерес к творчеству книжников в аспекте изучения принципов работы и их самосознания. В этом разделе мы последовательно рассмотрим основные работы каждого из перечисленных направлений по изучению категории автора в средневековом историческом повествовании.

Упоминания книжников о себе и способ изложения

Одним из первых обратил внимание на автора летописи А.Л. Шлёцер. В монографии «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке» (1809) он попытался по доступным в начале XIX века источникам восстановить «жизнь Несторову» (который по косвенным данным родился в 1056 году⁵⁷). Помимо биографических упоминаний, А.Л. Шлёцер уделял внимание таким особенностям стиля Нестора, как приоритет погодного изложения событий («весь времянникъ его сдѣланъ на покрѣй Византійскій», которому он «очевидно подражалъ и въ хронологическомъ разположеніи»), обилие прямой речи описываемых лиц (Нестор «заставляетъ дѣйствующіе лица говорить самихъ, точно какъ въ историческихъ книгахъ древняго

⁵⁷ Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1809, с. 9, 11.

завѣта»), стремление излагать современные события (Нестор «о многомъ писалъ ... какъ современникъ»)⁵⁸. Интересно, что уже в начале XIX века А.Л. Шлёцер отмечает типологическое сходство основных тем древнерусских летописей с другими европейскими историческими сочинениями (киевский летописец «занимается болѣе чудесами и знаменіями, а еще болѣе войнами и повѣстями о смертубійствахъ», что типично для временников «современныхъ южноевропейскихъ монаховъ»)⁵⁹. Исследователь писал, что с XIII в. наблюдается изменение числа книжников и основной темы летописи («съ 1203 г. ... сдѣлалось много современныхъ лѣтописателей»), которые «подробно описывали происшествія *своя* земли, не касаясь до прочихъ княжествъ»⁶⁰). Это говорит о том, что уже на раннем этапе изучения древнерусского летописания обращалось внимание не только на обстоятельства жизни книжников, но и на особенности их стиля.

В отличие от А.Л. Шлёцера, Д.И. Прозоровский уделяет большее внимание времени работы летописцев. Исследователь начинает статью «Кто был первым писателем первой Новгородской летописи?» (1852) с вопроса: «нѣтъ ли возможности опредѣлить числа ея Писателей и узнать время, каждамыъ описанное?»⁶¹ Прозоровский полагает, что «Тимоѳей переписчикъ и Тимоѳей Лѣтописецъ – одно и то же лицо», а «первый Писатель Синодальной Новгородской Лѣтописи есть Священникъ церкви Св. Іакова на Добрыниной улицѣ, Германъ Воята»⁶². На основании различия почерков Д.И. Прозоровский определяет хронологические границы ведения летописи: «Отъ начала Лѣтописи до 1188 (6696) года писал Германъ ... отъ сего до 1273 (6781) года предположеніе падаетъ на Тимоѳея», а после 1299 года «писали разныя неизвѣстныя лица»⁶³. Приведенные Д.И. Прозоровским доводы

⁵⁸ Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи ... , с. 17-18, 21.

⁵⁹ Там же, с. 22.

⁶⁰ Там же, с. 23-27.

⁶¹ Прозоровский Д.И. Кто был первым писателемъ первой Новгородской летописи? // ЖМНП. 1852. Ч. 75, с. 3, 6.

⁶² Там же, с. 18, 23.

⁶³ Там же, с. 18, 23, 26.

показывают, что принципы ведения летописи в Киеве и Новгороде в XII-XIII вв. оказываются сходными.

М.И. Сухомлинов отметил историко-литературное значение древнерусских летописей. В работе «О древней русской летописи как памятнике литературном» (1856) он обратил внимание на наличие у летописца «целей литературных»⁶⁴ и сделал ряд важных наблюдений о сходстве древнерусских летописей и западнославянских хроник (в частности, отмечал наличие в них «пустых дат», т.е. обозначений лет, после которых не следует описание происходивших событий). Мысли, высказанные М.И. Сухомлиновым, положили начало историко-литературному изучению древнерусских летописей в различных аспектах (формирование основных жанров, элементов стиля и поэтики).

Во второй половине XIX века внимание европейских исследователей привлекают авторы некоторых западнославянских хроник, синхронных по времени появления и описываемому периоду «Повести временных лет». Г. Цейсберг в монографии «Польское средневековое историописание» (1873) уделяет внимание происхождению Галла Анонима (автора первой польской хроники), который был приближенным ко двору Болеслава III Кривоустого монахом, но не был поляком⁶⁵. Исследователь отмечает образованность Галла (что подтверждает его знакомство с сочинениями Саллюстия и Лукиана), а также простоту и напыщенность стиля⁶⁶. В.Э. Регель в статье «О хронике Козьмы Пражского» (1890) отмечает, что автор первой чешской хроники «любить блеснуть своей ученостью» и в ряде случаев стремится «придать своему рассказу миѳическій колоритъ»⁶⁷. Подобные особенности

⁶⁴ Сухомлинов М.И. Исследования по древней русской литературе акад. М.И. Сухомлинова. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб: Типография М.А. Александрова, 1908, Т. 85, № 1, с. 5.

⁶⁵ Zeissberg H. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig: Bei S. Herzel, 1873. S. 26-27.

⁶⁶ Там же, S. 29.

⁶⁷ Регель В.Э. О хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Ч. 270, с. 238.

важны тем, что в них «отражается личность ... самого историка»⁶⁸. Это проявилось и в стиле автора первой чешской хроники, по поводу которого исследователь приводит изречение Ф. Палацкогo: «слогъ его изысканъ, субъективенъ и все-таки привлекателенъ ... всюду онъ выступаетъ намъ живымъ челоуѣкомъ, со всей своей открытой сердечностью, своимъ здравымъ мужественнымъ умомъ и своей тонкохитростной ученостью, своимъ поэтическимъ воображеніемъ и веселой болтливостью» (Ф. Палацкий⁶⁹). Помимо Козьмы Пражского В.Э. Регель упоминает двух его продолжателей⁷⁰, с которыми связана «неравномерность» стиля Чешской хроники. Приведенные работы свидетельствуют о том, что на начальном этапе изучения первых западнославянских хроник исследователей интересовали преимущественно факты о жизни средневековых авторов и способ изложения ими исторических событий.

В России исследователи рубежа XIX-XX вв. также уделяли внимание сопоставлению древнерусских и западнославянских памятников. В.С. Иконников в работе «Опыт русской историографии» (1908) отмечает, что выражения летописца **«но мы на предняя возвратимся»**, **«послѣ же скажемъ»** находят соответствия у западных авторов (**«sed ad coeptum, unde digressi sumus, redeamus»** – Ламберт Херсфельдский⁷¹, **«nec tacere cupio; nec praetereundum censeo»** – Козьма Пражский). Размышляя об описании убийства Бориса и Глеба в Начальной летописи, исследователь говорит, что летописец судит о нем «не съ точки зрѣнія современныхъ политическихъ отношеній, а съ общей религіозной»⁷². По этой причине русский книжник (как и другие средневековые авторы) соотносит чудесные знаменія «съ

⁶⁸ Регель В.Э. О хронике Козьмы Пражского ... , с. 238.

⁶⁹ Цит. по: там же, с. 256.

⁷⁰ В.Э. Регель полагает, что ими могли быть «магистр Гервасій», «такъ-называемый Сазавскій монахъ» и «незвѣстный намъ переписчикъ, вѣроятно, изъ Вышеграда или Сазавы», см. там же, с. 259-261.

⁷¹ Ламберт Херсфельдский (около 1025 – около 1081) – монах бенедиктинтского аббатства, автор латинских анналов, излагающих события в германских землях от сотворения мира до 1077 года, жития Лулла Майнцского и истории Херсфельдской церкви.

⁷² Иконников В.С. Опыт русской историографии. В 2 т. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1908, Т. 2, Книга 1, с. 299.

известными событиями, какъ предзнаменованіе съ слѣдствіемъ»⁷³. Рассуждая о «міросозерцаніи лѣтописца», В.С. Иконников пишет, что поучительная сторона летописи у древнерусских и европейских книжников «оказывается часто заимствованною», тогда как при описании событий из монастырской жизни «нерѣдко видны оригинальныя черты»⁷⁴. При этом он замечает, что по ряду параметров («народный характер, который оказываетъ вліяніе на способъ изложенія и языкъ повѣствованій») «рѣзкое различіе замѣчается между лѣтописями южными и сѣверными»⁷⁵. Для изучения категории автора представляет интерес следующее наблюдение исследователя: «умственное развитіе, степень начитанности по тѣмъ или другимъ книгамъ, своеобразныя размышленія, пристрастіе къ любимымъ идямъ, различіе въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, заставляли лѣтописцевъ излагать событія самостоятельно, сообразно съ своею личностью и были причиною различія взглядовъ на историческіе факты»⁷⁶. Приведенное высказывание свидетельствует о том, что уже в начале XX века медиевистов начинает интересовать герменевтика летописных памятников.

На толкование событий средневековым книжником обращает внимание и специалист по истории Древней Британии Р.Дж. Колингвуд. В монографии «Идея истории. Автобиография» (1919) он писал, что в отличие от античных историописателей (таких как Тит Ливий) «средневековый историк обрабатывает свой материал с универалистской точки зрения», т.е. он пишет не об устремлениях человека, а об «истории как воле бога»⁷⁷. Исследователь также обращает внимание на эсхатологический компонент сознания средневекового автора. В частности он указывает на известное изречение Шиллера «*Die Weltgeschichte ist das Weltgericht*» («Всемирная история – это всемирный суд»), которое «представляет собой старую средневековую

⁷³ Иконников В.С. Опыт русской историографии ..., с. 308-309.

⁷⁴ Там же, с. 319.

⁷⁵ Там же, с. 320-321.

⁷⁶ Там же, с. 321. О средневековых европейских писателях см. там же, с. 59-61.

⁷⁷ Колингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Перевод и комментарии Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980, с. 53.

максимуму, возрожденную в конце восемнадцатого столетия»⁷⁸. Это свидетельствует о постепенном формировании интереса исследователей не только к способу изложения (стилю), но и к сознанию средневекового книжника, который получит развитие в последующее время.

Продолжая традиции М.И. Сухомлинова, М.Д. Приселков в статье «Нестор летописец. Опыт историко-литературной характеристики» (1923) попытался дать историко-литературную оценку деятельности киевского книжника⁷⁹. М.Д. Приселков не только уделяет внимание фактам биографии Нестора (получение диаконского сана при игумене Стефане, вынужденный перерыв в ведении летописи, уважительное отношение к труду игумена Иоанна), но и таким его качествам, как «вдумчивая широта исторического кругозора», способность дать «очерк этнографии для всех племен русского славянства», «внимательное отношение ко всем историческим терминам» (названия племен, словенский язык и т.п.)⁸⁰. Кроме того, анализ упоминаний имени Яна Вышатича в «Повести временных лет» позволил М.Д. Приселкову получить представление о биографии древнерусского дружинника XI-XII вв.⁸¹ Это представляется важным для установления социального круга летописца и его информантов. Исследователь отмечает, что после Нестора летописание «начинает упадать в своей полноте, ... утрачивая взвешенность рассказа и ... обще-русские горизонты»⁸². Это свидетельствует о внимании исследователей к изменению характера летописания и его связи с фигурой книжника.

Изучение поэтики

Использование в историческом повествовании различных выразительных средств также позволяет получить важную информацию о

⁷⁸ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории ... , с. 53.

⁷⁹ Приселков М.Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Петербург: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1923, с. 5.

⁸⁰ Там же, с. 89-94, 107-108.

⁸¹ Приселков М.Д. История русского летописания ... , с. 51-54.

⁸² Приселков М.Д. Нестор Летописец ... , с. 111.

средневековых книжниках. Одной их первых обратила внимание на этот аспект В.П. Адрианова-Перетц. В монографии «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947) она стремится восстановить «систему художественных средств, с помощью которой древнерусский писатель решал возникавшие перед ним задачи»⁸³. Ее внимание привлекают повторяющиеся выразительные средства постоянной формы (формулы) и явления семантического переноса как результата уподобления (метафоры-символы, метафорические сравнения и эпитеты)⁸⁴. В.П. Адрианова-Перетц рассматривает разные типы метафор-символов: жадный человек – волк (о князе Игоре), варианты метафор Богородица – утреннее солнце, христианское учение – источник воды (в похвале княгине Ольге), язычество – тьма, храбрый воин – пардус (т.е. гепард, о Святославе Игоревиче), желанное качество – свет (о Владимире Святолавиче), смерть – закат солнца, рано убитый святой – незрелый колос, виноградная лоза (о Борисе и Глебе), распространение христианства – сеяние-жатва (о Ярославе Владимировиче), герой – орел, лев, тур⁸⁵ (о Романе Галицком). В то же время исследовательница отмечает редкость употребления в произведениях XI–XIII вв. растительных и воинских метафор⁸⁶. Анализируемые метафоры В.П. Адрианова-Перетц рассматривает как «отражение художественного сознания средневековья»⁸⁷ и считает их одним из основных аспектов изучения истории произведений древнерусской литературы⁸⁸. Подобный

⁸³ Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947, с. 5.

⁸⁴ В.П. Адрианова-Перетц приводит слова Аристотеля, который полагал, что «большая часть изящных оборотов получается с помощью метафор», а «если метафора кажется рискованной – надо превратить ее в сравнение ... сравнение есть расширенная метафора» (цит. по: Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля ... , с. 12-13).

⁸⁵ Там же, с. 95-96; 25; 50; 38-39; 90; 36; 21; 50; 64, 71; 61; 83-84, 87, 91.

⁸⁶ Там же, с. 55, 104.

⁸⁷ Там же, с. 10.

⁸⁸ В этом же аспекте изучались западнославянские хроники, см. главу “Rozbior literacki kroniki” в монографии Plezia M. Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków: Nakładem Polkiej Akademii Umiejętności, 1947, s. 51-134, и главу “Kosmova kronika jako literární dílo” в монографии Třeštilk D. Kosmova kronika: Studie k počátkům českého dějepiscetví a politického myšlení. Praha: Academia, 1968, s. 65-152.

подход при изучении категории автора произведений XI-XIII вв. представляется нам продуктивным.

Изучая поэтику древнерусских летописей, И.П. Еремин уделял внимание вопросу о «природе его, летописца, исторического и художественного мышления»⁸⁹. В статье «“Повесть временных лет” как памятник литературы» (1947)⁹⁰ летописец предстает не как «прожженный политик, хитрый дипломат, в руках которого история – послушный материал» (как у М.Д. Приселкова), а скорее как «моралист, чем политик по умонастроению»⁹¹. Исследователь отмечает, что комментарии летописца посвящены преимущественно «происхождению добра и зла», основа понимания книжником истории Русской земли – это «история божественного попечительства над человеком»⁹². Подобная проблематика была несколько скорректирована в статье «Киевская летопись как памятник литературы» (1949), в которой И.П. Еремин выделяет в летописном тексте погодную запись, рассказ и повесть. Одним из критериев их различия является степень присутствия автора: погодная запись документальна (она «собственного, “авторского” отношения к тому или иному факту ... никак не отражает»), рассказ содержит информацию об идеологических предпочтениях книжника (летописец излагает событие «как он его видел, как его воспринял и понял»), а повесть обычно выдержана в рамках агиографического стиля⁹³. В статье «Волынская летопись 1289-1290 гг. как памятник литературы» (1957) И.П. Еремин указывает на сужение основной темы летописи («предметом ее внимания являются прежде всего волынские князья, их дела и дни»⁹⁴) и отмечает, что автор Волынской летописи «был начитанный, хорошо усвоивший практику и традиции летописного дела, –

⁸⁹ Еремин И.П. Литература Древней Руси ... , с. 45-46.

⁹⁰ Эта статья во многом развивает идеи главы «“Повесть временных лет”, как литературное произведение» работы Приселков М.Д. Нестор Летописец ... , с. 102-112.

⁹¹ Еремин И.П. Литература Древней Руси ... , с. 63-64.

⁹² Там же, с. 64, 68, 70.

⁹³ Там же, с. 100, 104-105, 127.

⁹⁴ Там же, с. 174, 177.

видимо, местный монах или священник»⁹⁵. Приведенные работы И.П. Еремина наглядно демонстрируют изменение художественных задач летописания Древней Руси в XI-XIII вв., однако связь этих изменений с фигурой летописца изучена недостаточно.

Как и И.П. Еремин, Д.С. Лихачев уделял внимание особенностям стиля летописцев. В монографии «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947) он рассматривает отношение Нестора⁹⁶ и Сильвестра⁹⁷ к созданию «Повести временных лет». Исследователь характеризует Нестора как автора, «склонного к большим историческим обобщениям», к «тщательной проверке исторического материала» и отмечает типичную для него «манеру изложения от первого лица», использование им сокращений, упрощений и осторожную «переработку освещения событий»⁹⁸. Изменения, внесенные Сильвестром в текст Нестора, более скромные: они «коснулись лишь вопросов текущей политики» и «не внесли ничего нового в самую форму Повести временных лет»⁹⁹. Этот же аспект исследуется в монографии «Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.)» (1962). Д.С. Лихачев пишет о «бережном отношении» сводчика к труду своих предшественников («ни произвольного искажения текста, ни фантастических добавлений ... летописцы, работавшие до XVI в, как правило, не допускали»¹⁰⁰). Помимо особенностей поэтики и стиля, Д.С. Лихачев отмечает важность для текстологических исследований вопроса о социальном происхождении летописцев, поскольку среди них были «рядовые монахи, игумены и епископы, представители белого духовенства и князья, дьяки

⁹⁵ *Еремин И.П.* Литература Древней Руси ... , с. 183.

⁹⁶ Имя Нестора сохранилось в заглавии Повести временных лет в Хлебниковском, Голицынском и Раскольничьем списках.

⁹⁷ Имя Сильвестра присутствует в финальной части Повести временных лет по Лаврентьевскому списку (под 1110 г).

⁹⁸ *Лихачев Д.С.* Русские летописи ... , с. 165-168.

⁹⁹ Сильвестр добавил легенду о посещении Руси апостолом Андреем (которая «прочно держалась в семье Мономаха»), переработал последнюю часть летописи, описывавшую княжение Владимира Мономаха, и добавил несколько вставных сюжетов, в том числе Повесть об ослеплении Василька Теробовльского. Подробнее см.: там же, с. 170-172.

¹⁰⁰ *Лихачев Д.С.* Текстология ... , с. 350, 352-353.

великих князей московских и псковские посадники, послы, бояре и монастырские библиотекари»¹⁰¹.

Изучение особенностей стиля летописцев продолжил А.А. Пауткин. В монографии «Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания» (2002) он указывает на стилевую закономерность древнерусских летописей – описывать «события и поступки, а не состояния и признаки», которая была «обусловлена мировоззрением эпохи»¹⁰². При повествовании о давно прошедших временах «с их широким охватом» манеру летописца можно уподобить взгляду «с птичьего полета» (сравнение Лукиана)¹⁰³, а в сообщениях о недавних событиях «свидетельские и личные впечатления не только признаются, но и высоко ценятся»¹⁰⁴. Тот факт, что детализированные описания, как правило, сохранялись переписчиками, позволяет А.А. Пауткину заключить, что «конкретика была важна и с функциональной точки зрения», поскольку она «облегчала использование летописей для поиска исторических аналогий, прецедентов, юридически значимых ситуаций»¹⁰⁵. Помимо детализированных описаний, исследователь обращает внимание на такие «приметы индивидуальной манеры летописца», как комбинации устойчивых формул и «формы проявления душевных состояний рассказчика» («восклицания, обращения, вопросы, моралистические сентенции, молитвы»)¹⁰⁶. Это подтверждает точку зрения, согласно которой особенности стиля и поэтики средневекового текста могут содержать важную информацию о его авторе.

Соотношение поэтики летописей и категории автора изучал также А.А. Шайкин. В статье «Тропы в “Повести временных лет”» (2004) он

¹⁰¹ Лихачев Д.С. Текстология ... , с. 355.

¹⁰² Пауткин А.А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Издательство Московского университета, 2002, С. 213.

¹⁰³ В связи с этим Б.Л. Рифтин отмечал, что подобная манера повествования «происходит обычно из-за того, что описываются события давнего времени, очевидцем которых историк не был и масштаб которых выбирался намеренно крупным». См.: Рифтин Б.Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974, с. 16.

¹⁰⁴ Пауткин А.А. Беседы с летописцем ... , С. 214-215.

¹⁰⁵ Там же, С. 221.

¹⁰⁶ Там же, С. 233-238.

рассматривает глагольные «живописующие слова», эпитеты, сравнения и метафоры¹⁰⁷. К основным целям использования в летописи метафорической образности исследователь относит «конкретизацию абстрактных религиозных понятий», оценку летописцами выдающихся личностей и отмечает сходство летописных тропов и фольклорных паремий как средств обозначения определенных ситуаций и отношений между людьми¹⁰⁸. При этом А.А. Шайкин обращает внимание на опасность модернизации «материала древнего слова»¹⁰⁹ и ставит под сомнение сознательный характер выделения художественной детали книжником. Это представляется нам вполне справедливым, поскольку указывает на границы интерпретации выразительных средств как форм авторского присутствия. Летописные тропы и фигуры, которые являются устойчивыми выражениями, могут рассматриваться как «типичные», а не «индивидуальные» проявления книжника как человека своего времени.

Это направление получило развитие в исследованиях О.В. Иванайнен. В статье «“Азь” летописца в “Повести временных лет”, его варианты и способы выражения» (2014) исследовательница рассматривает древнерусского книжника как текстовую категорию, т.е. «изучает то, в каких формах, в каких экспликациях предстает автор летописи»¹¹⁰, «в каких ситуациях преодолевается безличность летописного изложения, и текст окрашивается ... авторской оценкой, пронизывается субъективизмом»¹¹¹. О.В. Иванайнен выделяет «*прямые (очевидные)*» и «*косвенные (неявные)* ... формы авторских экспликаций» (которые образуют «очевидческую» и «аксиологическую» группы текстов)¹¹². Среди отличительных признаков

¹⁰⁷ Пауткин А.А. Беседы с летописцем ... , С. 506-521.

¹⁰⁸ Там же, с. 521-522.

¹⁰⁹ Шайкин А.А. Тропы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. Сборник 11. С. 505.

¹¹⁰ Подобный подход был применен ранее к изучению Хроники Галла Анонима, см. раздел “Ślady oszycania i wykształcenia autora” в монографии Plezia M. Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków: Nakładem Polkiej Akademii Umiejętności, 1947, s. 122-134.

¹¹¹ Иванайнен О.В. «Азь» летописца ... , с. 393.

¹¹² Там же, с. 535.

«очевидческих» текстов («азь-позиция») О.В. Иванайнен называет «прямые сообщения автора о себе, высказывания от первого лица, ... субъективно-эмоциональные отклики на происходящее, апелляцию к свидетелям для утверждения достоверности/ложности факта»¹¹³. Для «аксиологических» текстов характерны «непрямые формы авторского комментирования и оценок: описание ситуации и поведения в ней персоны, описание заслуг, поступков», отождествления с библейскими персонажами¹¹⁴. Эти тексты отражают «религиозные, политические, идеологические предпочтения древнерусского автора», в данном случае сливаются личностная и коллективная точки зрения (последняя часто представлена в тексте высказываниями с местоимением «мы» – «мы-позиция»)¹¹⁵. К внешним (словесным) формам О.В. Иванайнен относит «авторские ремарки, цитации, пояснения», которые позволяли книжнику «сочетать документальность с личными наблюдениями»¹¹⁶. Исследовательница также отмечает случаи «отсутствия маркированного автора» и определяет их как «минус-позицию»¹¹⁷. Отметим, что в этой работе на примере «Повести временных лет» наиболее подробно изучены формы авторского присутствия в Начальном русском летописании, а также исследованы особенности поэтики летописного текста как авторские экспликации.

Принципы работы летописцев

Поскольку средневековая книжная культура имела традиционный характер, в ней преобладали готовые формы (топосы и цитаты¹¹⁸), а индивидуальные решения воспринимались как отступление от нормы. Однако случаи изменения устойчивых выражений (литературных формул)

¹¹³ Иванайнен О.В. «Азь» летописца ... , с. 536.

¹¹⁴ Там же, с. 538-540.

¹¹⁵ Там же, с. 542.

¹¹⁶ Там же, с. 541.

¹¹⁷ Там же, с. 539.

¹¹⁸ О важности учета инородных элементов при анализе текста см.: Вежбицкая А. Описание или цитация // Новое зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). Сост., ред. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 237 – 262.

позволяют понять принципы работы средневекового книжника. Помимо топосов, о манере его работы свидетельствуют также упоминания источников или очевидцев описываемых событий.

На эти моменты обращает внимание И.П. Еремин в своей работе «К характеристике Нестора как писателя» (1961). Исследователь отмечает, что в «Житии Феодосия Печерского» Нестор несколько раз упоминает по имени своих «информантов» – келаря¹¹⁹ Феодора и чернеца (монаха) Илариона¹²⁰. К особенностям памятника И.П. Еремин относит также частые упоминания событий истории Печерского монастыря, которые придали Житию «черты летописного способа изложения – по событиям», что, в частности, проявилось в употреблении летописных формул («**в то же время**», «**тогда же**», «**тогда во**», «**по сих же**», «**по сем же**»)¹²¹. Помимо использования топосов, во вступлении к Житию «Нестор делится с читателем своими сомнениями и колебаниями, своими страхами и надеждами ввиду предстоящего ему литературного подвига», и это придает повествованию «искренность и лирическую теплоту»¹²². Житие написано от первого лица (только один раз Нестор «передает слово другому рассказчику – иноку Илариону», повествование которого «входит в состав Жития как “рассказ в рассказе”») и содержит элементы сказа – «обращения к читателю (“**братии**”), размышления автора по поводу излагаемого, частые оговорки – знаки авторского самоконтроля ... (“**но сице на первое исповедание возвратимся**”))»¹²³. Приведенные примеры говорят о незаурядности печерского монаха как автора и свидетельствуют о высоком уровне книжной культуры Древней Руси во второй половине X века.

¹¹⁹ Келарь – хозяйственно-административная должность в монастыре. В обязанности келаря входило «хранение и распределение среди братии запасов продовольствия», подробнее см. Православная энциклопедия. Т. 32. 2013. с. 340-342.

¹²⁰ Еремин И.П. Литература Древней Руси ... , с. 28-29.

¹²¹ Там же, с. 34-35.

¹²² Там же, с. 29.

¹²³ Там же, с. 39.

Изменения книжниками устойчивых выражений привлекли внимание О.В. Творогова. В статье «Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси» (1964) он отмечал, что поскольку в летописи их «словесное оформление постоянно варьируется», это позволяет установить «то новое, что вносилось на следующих этапах развития литературы»¹²⁴. Повтор или варьирование устойчивых выражений обусловлены тем, что «в сознании их авторов воинские картины облекались стереотипными выражениями хорошо знакомого книжникам литературного рода» (А.С. Орлов¹²⁵). Для изучения вносимых книжниками изменений О.В. Творогов предлагал исследовать «систему литературных формул Древней Руси», а также проследить ее эволюцию¹²⁶ – задача, которая и спустя более 50 лет остается актуальной.

Рассуждая о манере работы книжников, Д.М. Буланин обратил внимание на отношение автора к своему труду и к описываемым событиям. В статье «О некоторых принципах работы древнерусских писателей» (1983) он отмечает, что в средние века «писатель в наименьшей степени “сочинитель”», потому что для средневекового человека культура представляет собой «сумму вечных и вневременных идей»¹²⁷. С таким пониманием книжной культуры Д.М. Буланин связывал «зыбкость границы между автором, редактором и писцом»¹²⁸ и появление такой формы бытования древнерусских произведений, как сборники и летописные своды, поскольку книга понималась как «круг знания» (А.С. Орлов¹²⁹). При изучении летописей подобный подход позволяет рассматривать каждый свод как отражение кругозора конкретного книжника и определить, какие части свода остались неизменными, а какие подвергались редакторской правке.

¹²⁴ Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. 1964. Т. 20, с. 30-34.

¹²⁵ Цит. по: там же, с. 29.

¹²⁶ Там же, с. 40.

¹²⁷ Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. 1983. Т. 37, с. 5.

¹²⁸ Там же, с. 6.

¹²⁹ Цит. по: там же, с. 6.

Сходный подход применил Т.В. Гимон в статье «Работа новгородского летописца XV века: Комиссионный список Новгородской первой летописи» (1998). Исследователь стремится на лексическом и фразеологическом уровнях текста определить, «какие изменения внес в текст своего источника один единственный летописец»¹³⁰. Вносимые в текст летописи изменения исследователь разделяет на осознанные и неосознанные. К числу осознанных изменений Т.В. Гимон относит ряд информационных сообщений (расширение датировок по числу месяца, сведений о святых или церковном строительстве) и добавлений как отдельных слов («**ЧЕСТЬЮ ВЕЛИКОЮ**» вместо «**ЧЕСТЬЮ**»), так и высказываний от первого лица («**НЬ НЕДОУМЕЮ, РЕЧЕ, СКАЗАТИ**», «**И СИЦЕ ПАКЫ ТАКО ПРЕДЛОЖИХОМЪ**»). Т.В. Гимон отмечает, что указанные дополнения «изменяют текст не в фактическом, а в эмоциональном отношении» и имеют своей целью «улучшить текст протографа, сделать его более соответствующим запросам XV в.»¹³¹. Это свидетельствует об изменении отношения древнерусского книжника к своему труду (зарождение рефлексии, которая в начальный период явно не проявлялась). К неосознанным изменениям текста исследователь относит «гаплогрфические и иные пропуски, принятие одних слов» или «грамматических форм за другие»¹³², количество которых незначительно.

Д.А. Добровольский также считает, что большинство вносимых в летопись изменений имели осознанный характер. В статье «Личностное начало в летописании: проблемы выявления и изучения в источниковедческих исследованиях» (2002) он отмечает, что хотя средневековая культура предписывала «скрывать свое “я”», при внесении событий в летопись книжникам «приходилось делать индивидуальный,

¹³⁰ Т.В. Гимон рассматривает Синодальный, Комиссионный и Академический списки Новгородской первой летописи и исходит из предположения А.А. Шахматова о том, что «Ком. и Акад. независимо друг от друга восходят к общему протографу». Подробнее см.: *Гимон Т.В.* Работа новгородского летописца XV века: Комиссионный список Новгородской первой летописи // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М. 1998, с. 91.

¹³¹ Там же, с. 91-92.

¹³² Там же, с. 91.

личностный выбор»¹³³. Исследователь полемизирует с Е.Л. Конявской и полагает, что эмоциональные высказывания книжника в Новгородской первой летописи («**И кто не пожалуеть сего**»¹³⁴, «**О, горе, братье, толь лють бяше пожаръ**»¹³⁵) являются не проявлениями субъективизма, а ветхозаветными образами («жених и невеста и/или свадебный пир», «огонь, жгущий в воде»)¹³⁶. На наш взгляд, используемый в этой работе формальный анализ позволяет понять осознание книжниками задач своего труда и их отношение к ведению летописи.

А.С. Дёмин обратил внимание на то, что тип творчества в средневековой культуре был связан с теми выразительными средствами, которые книжник использовал в своем тексте. В монографии «О древнерусском литературном творчестве. Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова» (2003) он высказывает мысль о том, что при определении типа литературного творчества необходимо «изучение семантики повествовательных форм и средств»¹³⁷. Фрагментарность характеристик внешности персонажей («**взоръ**», «**лице**», «**тело**»), принцип «первым называть главное» в перечислениях на историко-этнические, социальные и материально-бытовые темы А.С. Демин относит к архаическому типу литературного творчества¹³⁸. Сделанные наблюдения представляют интерес, однако их использование существенно осложняется тем, что в летописях XI-XIII вв. сложно говорить о сознательном «образном творчестве»¹³⁹.

Несколько с другой стороны подошел к проблеме изучения принципов работы летописца Д.В. Аникин. Интерпретируя лексические замены в

¹³³ Добровольский Д.А. Личностное начало в летописании: проблемы выявления и изучения в источниковедческих исследованиях // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV научной конференции. М. 2002, с. 196-197.

¹³⁴ НПЛ СИ, с. 72 (1233).

¹³⁵ Там же, с. 85 (1267).

¹³⁶ Иер 7:34, Прем 16:15-19. См.: Добровольский Д.А. Личностное начало ... , с. 197.

¹³⁷ Дёмин А.С. О древнерусском литературном творчестве ... , с. 41.

¹³⁸ Там же, с. 49-51, 55.

¹³⁹ Там же, с. 43.

«Повести временных лет», исследователь предпринял попытку моделирования языковой личности книжника¹⁴⁰. На основе частотных лексем (которые «указывают на значимые для личности блоки текста») Д.В. Аникин определяет «тезаурусную стратегию составителя летописи» («торжество сил хаоса – восстановление гармонии», «создание бинарного (Русь – Византия) мира», «освоение новых территорий»)¹⁴¹. После этого он переходит к стратификации текста на основе выявленных 154-х лексических замен разных типов¹⁴² и отмечает, что большинство из них относятся к уровням лексикона (91 замена: «судити – рядити», «воевати – плѣнити») и тезауруса (54 замены: «городъ – родъ», «градьскыи – людьскыи»), тогда как на прагматическом уровне всего 9 замен («привѣсти – приити»)¹⁴³. Д.В. Аникин заключает, что изначальная организация «Повести временных лет» в XIV-XV вв. «не претерпела существенных трансформаций», что свидетельствует о сформированности «устойчивой книжно-письменной традиции русской средневековой анналистики»¹⁴⁴. Полагаем, что это могло иметь место в силу отношения переписчиков и сводчиков к предшествующей летописи как к авторитетному тексту.

Самосознание книжников

Для изучения категории автора средневекового текста полезными оказываются упоминания, свидетельствующие об элементах самосознания книжников, о понимании ими окружающего мира и своего места в нем. Термин «авторское самосознание» применялся при исследовании памятников античной литературы (С.С. Аверинцев), византийских исторических

¹⁴⁰ Аникин Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет». Автореф. дисс. ... филол. ист. наук. Барнаул, 2004, с. 11.

¹⁴¹ Там же, с. 10, 13.

¹⁴² Д.В. Аникин рассматривает лексические замены, затрагивающие частотную доминанту и сюжетные схемы (тезаурусный уровень), изменяющие цели и задачи составителя предыдущего свода (прагматический уровень) и являющиеся вариацией лексических средств (лексический уровень). Подробнее см. там же, с. 11.

¹⁴³ Там же, с. 15-16.

¹⁴⁴ Там же, с. 17.

сочинений IV-IX вв. (И.С. Чичуров), творчества Петрарки (Л.М. Баткин), романтического искусства (В.В. Прозоров), а применительно к произведениям древнерусской литературы отдельных аспектов этого вопроса касались В.О. Ключевский, В.В. Виноградов, В.М. Живов¹⁴⁵.

На важность изучения самосознания человека другого исторического времени указывал один из основателей французской школы «Анналов» М. Блок, который в монографии «Феодальное общество» (1939) писал: «очень наивно пытаться понять людей, не зная, как они себя чувствовали»¹⁴⁶. В другой своей монографии «Апология истории или ремесло историка» (1942) исследователь обратил внимание на культурные изменения, которые происходили во Франции в XI-XII вв., когда в результате распространения образования в Европе почти повсеместно появлялась литература, открывавшая «широкий доступ к целой культурной традиции»¹⁴⁷. Во многих средневековых исторических сочинениях, написанных по латыни, М. Блок отмечал наличие «краткой сводки всемирной истории», являющейся «драгоценным свидетельством умственной жизни» средневековых книжников, которые «не ограничивали свой кругозор намеренно»¹⁴⁸. Постепенно подлинная история вытесняла эпос из коллективной памяти народа, а в Священной истории средневековый книжник видел уже «не столько картину событий, самодовлеющих по своему значению, сколько предвосхищение грядущего, “тень будущего”, по выражению святого Августина»¹⁴⁹. Произведения этого времени «не ограничиваются описанием деяний», но постепенно обращаются к «неуклюжему, но весьма усердному» анализу чувств¹⁵⁰. Книжность начинает размышлять над «я» человека, который становится все более образованным и сознательным. Наблюдения

¹⁴⁵ Подробнее см. *Коняевская Е.Л.* Авторское самосознание ... , с. 8-12.

¹⁴⁶ *Блок М.* Феодальное общество / Пер. М.Ю. Кожевниковой. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003, с. 78.

¹⁴⁷ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. Перевод Е.М. Лысенко, примечания А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1973, с. 156.

¹⁴⁸ Там же, с. 142.

¹⁴⁹ Там же, с. 143.

¹⁵⁰ Там же, с. 157.

М. Блока о росте самосознания и его причинах¹⁵¹, о том, как книжники понимали описываемые ими исторические события, важны при изучении категории автора и в древнерусских памятниках.

Некоторые особенности самосознания средневекового человека отмечал А.Я. Гуревич в монографии «Категории средневековой культуры» (1984). К ним исследователь относит сочетание противоположных взглядов на мир (что проявилось в некоторой гротескности¹⁵²), символизм и целостность («невычлененность отдельных его сфер»)¹⁵³. Эти особенности мировосприятия оказали влияние на представление книжника об истории, которую он понимал как «поток событий, развертывавшийся во времени», приобретающий смысл «только при рассмотрении его в плане вечности к осуществлению божьего замысла»¹⁵⁴. Рассматривая компоненты средневековой «модели мира» (время, пространство, право, труд, богатство, собственность) А.Я. Гуревич формулирует важное методологическое положение: «мы не навязываем эти проблемы тем памятникам, которые мы превращаем в исторические источники и изучаем; мы лишь подходим к этим памятникам с новой точки зрения ... историк действительно как бы создает свой предмет, но этот предмет возникает лишь тогда, когда источник откликается на наш вопрос, когда удастся посредством постановки нового вопроса по-новому раскрыть глубины, которые таятся в источниках»¹⁵⁵.

Количество и важность получаемой информации из средневекового текста

¹⁵¹ Отметим, что еще Вальтер Скотт в романе «Айвенго» (1819) писал: «Единственным источником сведений о наших предках стали старые летописи, авторы которых как бы сговорились замалчивать все интересные подробности для того, чтобы дать место цветам монашеского красноречия ... мелкие указания на нравы и обычаи наших предков разбросаны повсюду, в различных исторических трудах; конечно, они представляют совсем ничтожный процент по отношению ко всему содержанию этих сочинений, но все же, собранные вместе, они могут пролить свет на *vie privée* («частную жизнь» – А.Ш.) наших предков». См.: Скотт В. Собрание сочинений в 20 т. / Под общ. ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского. Том 8. Айвенго. Пер. Е.Г. Бекетовой. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962, с. 21-23.

¹⁵² См. главу «Гротескный образ тела у Рабле и его источники» в монографии Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990, с. 337-406.

¹⁵³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984, с. 19-22.

¹⁵⁴ Там же, с. 21.

¹⁵⁵ Там же, с. 83.

при обращении к нему с позиций изучения картины мира человека и его самосознания указывают на продуктивность такого подхода.

Формирование мифологического и исторического сознания рассмотрел М.А. Барг в монографии «Эпохи и идеи. Становление историзма» (1987). Согласно его наблюдениям, о возникновении исторического сознания свидетельствует способность человека различать «исторические времена и ареалы», «вычленив себя из мира природы и противопоставить себя ему»¹⁵⁶. В историографии оно выполняет нормативную и рефлексивную функцию: историописатель всегда «производит отбор фактов, их группировку, определял место каждого из них в системе значений, находил способ их сцепления» (даже анналистика основывалась на «системе предпочтений»)¹⁵⁷. Характерной особенностью средневекового сознания М.А. Барг считал его символический характер. Символ позволял ввести любое рассуждение «в мир христианских образов и значений», поэтому средневековый человек жил в исключительно усложненном мире, в котором многие предметы и понятия содержали скрытые за ними смыслы¹⁵⁸. Первоисточником христианской символики было Священное писание, и к окружающей действительности применялись аналогичные методы интерпретации (бестиарий как сочинение о животном мире, лапидарий как труд о минералах), и даже сама средневековая картина мира понималась как «вселенская аллегория ... символа веры»¹⁵⁹. Сделанные М.А. Баргом наблюдения во многом справедливы и в отношении древнерусских летописных памятников.

Несколько с другой стороны к проблеме самосознания книжника подошла Е.Л. Конявская. В статье «Проблема авторского самосознания в летописи» (2000) исследовательница предлагает рассматривать

¹⁵⁶ Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987, с. 7-8.

¹⁵⁷ Там же, с. 12.

¹⁵⁸ Там же, с. 159-164. В этой связи интересно высказывание Гуго Сент-Викторского (XII в): «Я ... порицаю тех, кто стремится ... там обнаружить мистический смысл и глубокую аллегория, где их нет, равно как и тех, кто упорно его отрицает там, где таковой имеется». Цит. по: Барг М.А. Эпохи и идеи ... , с. 165.

¹⁵⁹ Там же, с. 162-163.

«самосознание книжника как писателя, т.е. осознанность им целей сочинения и их качество, эстетические принципы и идеалы, осознание своего труда в рамках традиции и т.п.»¹⁶⁰. Е.Л. Конявская называет ряд черт, объединяющих фрагменты 1140-1170-х гг. Новгородской первой летописи (по выражению А.А. Гиппиуса, признаки «одной руки»): интерес к погодным явлениям, церковному строительству и монастырской жизни, редкое использование прямой речи, а также некоторые характерные словоупотребления – «**ГОЛОВ**» о перечислении военных потерь, «**КАМЯНА**» о церквях, «**ЯКО И ЧИСЛА НЕЪТ҃҃҃҃҃**»¹⁶¹. Эти признаки исследовательница привлекает для описания авторской манеры одного из новгородских летописцев – пономаря Тимофея. В то же время Е.Л. Конявская отмечает, что отсутствие рефлексии у средневекового историографа затрудняет применение к его труду понятий «сознание» и «самосознание». Она справедливо замечает, что «менталитет летописца во многом близок к менталитету историка нового времени», поскольку «близки их субъективные установки»: ими обоими «владеет стремление истолковать исторические события, интерпретировать известное, додумать неизвестное, установить закономерности исторического поступательного движения»¹⁶².

Аналогичный подход использован в диссертации З.Ю. Метлицкой «Историческое самосознание англосаксонских анналистов IX-XI вв» (2005). Исследовательница рассматривает тексты как «порождение определенной культуры, определенного типа сознания», которое проявляется в представлениях «о собственном прошлом», «о роли божественного провидения в истории»¹⁶³. На основе содержания текста и анализа формальных приемов (повторяющихся выражений, перефразировок, стилистических параллелей) З.Ю. Метлицкая выделяет в Англосаксонской хронике фрагменты, которые относятся к разным историографическим

¹⁶⁰ Конявская Е.Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. Выпуск 2, с. 65.

¹⁶¹ Там же, с. 66.

¹⁶² Там же, с. 75.

¹⁶³ Метлицкая З.Ю. Историческое самосознание ... , с. 1-4.

традициям («история англосаксов как единого христианского народа», «пласт, принадлежащий монастырской анналистической традиции», а также «поэтические вставки», для которых характерно «достаточно четко выраженное авторское начало»¹⁶⁴). К особенностям исторического самосознания англосаксонских анналистов З.Ю. Метлицкая относит «выделение борьбы с внешними захватчиками как главный сюжет истории» (с присущими ему «эпическим началом» и рассказом о «крушении героического мира» в результате нормандского завоевания 1066 года), представления о Боге как о «помощнике и покровителе людей» и практически никогда как о «судье или мстителе», а также то, что «необычные природные явления и стихийные бедствия не входили в область истории»¹⁶⁵. Содержащиеся в данном исследовании результаты полезны при изучении самосознания древнерусских летописцев в типологической перспективе.

Рассуждая о соотношении «общих мест» и авторского начала в древнерусских памятниках, А.Л. Юрганов в статье «Древнерусский автор и топосы» (2007) обращает внимание на то, что топосы «всегда индивидуально осмысливаются, ... соединяются с авторской интенцией и таким образом порождают контекст»¹⁶⁶. Возможность наделения топоса «авторской интенцией» обусловлена тем, что топос «всегда содержит в себе *вариативность прочтения*» и «различные толкования»¹⁶⁷. Исследователь последовательно и критически разбирает теорию «литературного этикета» Д.С. Лихачева, центонно-парафразный подход И.Н. Данилевского, попытку буквального понимания древнерусских текстов Б.М. Клосса и отмечает, что существующие подходы недостаточно разработаны (они «либо отрицают

¹⁶⁴ Метлицкая З.Ю. Историческое самосознание ... , с. 18.

¹⁶⁵ Там же, с. 19.

¹⁶⁶ Юрганов А.Л. Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. Альманах I. М. 2003, с. 325.

¹⁶⁷ Там же, с. 347.

самосознание древнерусского книжника, либо лишают его конкретно-исторического своеобразия»¹⁶⁸).

Для понимания самосознания средневекового книжника важными оказываются исследования в области теории коммуникации. В.С. Савельев в статье «Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам “Повести временных лет”» (2010) рассматривает основные компоненты коммуникативного события (экстралингвистическая ситуация, подготовительный этап, высказывание, восприятие, ответ)¹⁶⁹. Анализируя трудности интерпретации прямой речи адресатом, исследователь выделяет ряд обстоятельств, затрудняющих понимание: эллиптичность (неполнота) устной речи, неопределенность цели высказывания¹⁷⁰. В.С. Савельев отмечает случаи использования двойных глаголов с различными целями: провокация на произнесение реплики («**УДИВИШАСЯ, РЕКОША**»), указание на эмоциональное состояние говорящего («**ВЪЗДОХНУВЪ РЕЧЕ**»), сообщение об общей когнитивной базе коммуникантов («**СЛЫШАВ ГЛАГОЛЯ**»), называние символического жеста («**УЗВЫСИ ХРЕСТ, ГЛАГОЛЯ**»), указание цели косвенного речевого акта («**ОТОПРЪСЯ, РЕКА**») и др.¹⁷¹. На основании сделанных наблюдений исследователь заключает, что понимание коммуникативного события в Древней Руси существенно не отличается от современного.

§1.2. Методология

В настоящей работе применен комплексный подход, сочетающий историко-литературный, текстологический и герменевтический методы изучения категории автора в средневековых летописях и хрониках. В

¹⁶⁸ Юрганов А.Л. Древнерусский автор ... , с. 346.

¹⁶⁹ Савельев В.С. Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // Герменевтика древнерусской литературы. 2010. Сборник 14, с. 484.

¹⁷⁰ Там же, с. 496-498.

¹⁷¹ Там же, с. 505-510.

некоторых случаях используются подходы ряда направлений исторической науки (истории ментальностей, истории повседневности), направленные на изучение сознания индивида и его социального окружения.

Историко-литературный метод

История литературы изучает «возможности толкования» литературных произведений, их «биографические, социальные и идеологические контексты»¹⁷², активно использует дедукцию, индукцию, абстракцию, классификацию¹⁷³, компаративистику¹⁷⁴, а также достижения смежных гуманитарных наук (хронологии, генеалогии, библиографии, геральдики, истории философии, истории языка, истории религии, истории общественной мысли и социально-политических учений¹⁷⁵). Предпосылкой истории литературы является критика источника, поскольку «только на этой основе она обретает возможность оперировать научно установленными текстами произведений и апеллировать к их истории»¹⁷⁶. Теоретические основы историко-литературного метода сформировались в эпоху предромантизма и были обусловлены развитием национального самосознания¹⁷⁷. Стремление осознать своеобразие национальных литератур в первой половине XIX в было дополнено идеей о связи литературы с политическими и природными условиями (в частности, И. Тэн предполагал «влияние на литературу естественного фактора (расы), исторического (среды) и публицистического (момента)»¹⁷⁸). Во многом принцип историзма соблюдается в статьях о

¹⁷² *Ивинский Д.П.* История русской литературы. Введение. М.: Р.Валент, 2019, с. 11.

¹⁷³ *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пгг: Academia, 1922, с. 10-12.

¹⁷⁴ Подробнее об исходных теоретических принципах литературной компаративистики, ее предмете, целях и задачах, месте в литературоведении см.: *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения ... , с. 59-95.

¹⁷⁵ *Ивинский Д.П.* История русской литературы ... , с. 13.

¹⁷⁶ Там же, с. 13.

¹⁷⁷ Предпосылки историко-литературного метода присутствуют в работах Дж. Вико «Основания новой науки» (1725), И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791), Ф. Шлегеля «Критические фрагменты» (1797). Подробнее см. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина М.: Интелвак, 2001, стб. 330-331.

¹⁷⁸ Там же, стб. 331.

русской литературе В.Г. Белинского¹⁷⁹ и лекциях по истории русской словесности С.П. Шевырева¹⁸⁰. Со второй половины XIX века история литературы становится одной из основных областей литературоведения, изучает историю литературных форм (жанров, сюжетов, приемов композиции), литературных направлений, жизнь и творчество авторов, взаимоотношения литературы с другими искусствами. Многие из этих аспектов оказываются в фокусе внимания медиевистов.

Статья Я.С. Лурье «К изучению летописного жанра» (1972) посвящена «основным жанровым признакам летописания», таким как сводный характер памятника, единицей которого являются погодные статьи, отсутствие индивидуального автора, редкость замечаний от первого лица¹⁸¹. По мнению исследователя, летописание «с литературно-художественной точки зрения – это ... конгломерат нескольких жанров, имевших разное происхождение и неодинаковое художественное значение»¹⁸². Ярким примером является «Повесть временных лет», которая предсавляет собой «сочетание различных элементов» («эпических сказаний легендарно-фольклорного происхождения, рассказов о важнейших исторических событиях и кратких погодных записей чисто информационного характера»), не столько «“информацию” о событиях», сколько «сюжет – “концепцию действительности”»¹⁸³. Я.С. Лурье отмечает, что летописные подробности «имели далеко не только документальное значение», поскольку «автор помогал читателю увидеть изображаемую им картину, подсказывал свое отношение к описанным событиям» (например, детали в рассказах об ослеплении Василька Тербовльского или об убийстве Андрея Боголюбского)¹⁸⁴. Основными

¹⁷⁹ См., например, цикл статей «Сочинения Александра Пушкина» в издании *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в 3 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948, Т. 3, с. 172-640.

¹⁸⁰ *Шевырев С.П.* История русской словесности. М.: Русская цивилизация, 2017. – 1088 с.

¹⁸¹ *Лурье Я.С.* К изучению летописного жанра // Труды отдела древнерусской литературы, 1972, Т. 27, с. 76.

¹⁸² Там же, с. 85.

¹⁸³ Там же, с. 86.

¹⁸⁴ Там же, с. 87.

приемами построения летописных рассказов, по мнению исследователя, были «конкретное описание и идеализация» («достоверность и художественность»)¹⁸⁵, которые могли сочетаться в одном летописном фрагменте или, наоборот, противостоять друг другу. Исследователь полагает, что часто особенности летописных памятников «объясняются не особым “художественным мышлением” древнерусских людей, а конкретными политическими задачами, стоявшими перед летописцем»¹⁸⁶.

В качестве альтернативы жанровому подходу Р. Пиккио предложил изучать зависимость «средневековой литературы восточных и южных славян ... от общих принципов, обусловленных догматическим учением православной церкви»¹⁸⁷, ориентирующих средневековых книжников на Священное Писание как на «идеал риторического мастерства»¹⁸⁸. В статье «Функции библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства» (1997) исследователь ввел понятие «библейских тематических ключей» – «библейских отсылок», которые помогали читателю «обнаружить скрытое значение исторических и собственно художественных произведений православной славянской литературы»¹⁸⁹. Библейские цитаты могут оставлять «непосредственный экзегетический комментарий», благодаря которому «сама “история” в ее земном значении становится ... буквальной аллегорией своего библейского образца»¹⁹⁰. Среди приемов, которые средневековые книжники использовали для связи «буквального и духовного смысла произведения», Р. Пиккио называет «маркированность позиции» библейских отсылок (их положение «в первых строках текста, либо непосредственно после введения, если таковое имеется») и развитие заявленной в начале темы в лейтмотив «непрерывности действия

¹⁸⁵ Лурье Я.С. К изучению летописного жанра ... , с. 88, 91.

¹⁸⁶ Там же, с. 92.

¹⁸⁷ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М.: Знак, 2003, с. 466.

¹⁸⁸ Там же, с. 434.

¹⁸⁹ Там же, с. 437.

¹⁹⁰ Там же, с. 446.

божественной Благодати на протяжении веков человеческой истории»¹⁹¹. Анализ подобных приемов позволяет исследовать «семантику композиции средневековой православной литературы», ее символический характер, «интерпретировать основную тему» произведения, «проследить смену авторской позиции»¹⁹². В ряде случаев изучение библейских тематических ключей помогает «лучше понять функциональное различие, которое существует между ... произведениями различных текстовых традиций», а также позволяет «реконструировать библейский корпус, который постоянно использовался для передачи традиционных экзегетических сообщений»¹⁹³.

Эти положения были дополнены А.С. Деминым, который в статье «Взаимосвязь разных жанровых форм в памятниках XII-XVII вв. и умонастроения древнерусских авторов» (2016) отмечает пользу изучения «взаимодействия разных жанровых форм» для «характеристики древнерусских авторов» и читателей¹⁹⁴. Отмечая «резкость поучительных и пояснительных вставок» в летописный текст, А.С. Демин обращает внимание на то, что они связаны «с историческим повествованием ... смысловыми и фразеологическими лейтмотивами» (в частности, мотивы погодной записи о визите княгини Ольги к византийскому императору (955) встречаются в дальнейшем тексте «Повести временных лет» в некрологических похвалах княгине Ольге (969), князьям Владимиру, Борису и Глебу (1015), а также Феодосию Печерскому (1091))¹⁹⁵. Замена похвал и поучений историческими экскурсами в конце третьей редакции «Повести временных лет», вероятно, связана с тем, что «читатели летописи ... начали теперь нуждаться больше в исторических подробностях, чем в общих поучениях»¹⁹⁶. При этом «феномен взаимодействия разных жанровых форм в произведении» обусловлен

¹⁹¹ Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa ...*, с. 437, 444.

¹⁹² Там же, с. 437, 457-458.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Демин А.С. Взаимосвязь разных жанровых форм в памятниках XII-XVII вв. и умонастроения древнерусских авторов // *Studia Litterarum*, 2016, Т. 1, № 1-2, с. 240-241.

¹⁹⁵ Там же, с. 242-243.

¹⁹⁶ Там же, с. 245.

наличием у автора «фактографической, философской, проповеднической, эмоциональной и изобразительной»¹⁹⁷ задач.

Текстологический метод

В общем случае под текстологией понимают вспомогательную филологическую дисциплину, которая изучает «рукописные и печатные тексты ... произведений до их издания и интерпретации»¹⁹⁸. К основным задачам текстологии Б.В. Томашевский относил изучение истории текста и изучение изданий автора¹⁹⁹. Для решения задач текстологии привлекается целый комплекс методологических средств: поиск автографов, представление их в хронологической последовательности авторской работы, выявление разночтений (рукописных и печатных), сопровождение их редакторскими пояснениями, учет «воли автора»²⁰⁰. Любопытно предложенное Д.С. Лихачевым сравнение текстологии с «физиологией» литературоведения, тогда как интерпретация выступает как «психология» этого процесса²⁰¹. Истоки текстологии как научной дисциплины восходят к текстуальной критике наследия Гомера и к аллегорическому толкованию Священного Писания, которые имели своей целью установить наиболее точный текст оригинала²⁰². Рационалистическая мысль XVIII в. понимала текстологию как изучение ошибок, что порождало отношение к первоначальному тексту как к наименее испорченному. В первой половине XIX в чешский филолог Й. Добровский предложил учитывать все

¹⁹⁷ Дёмин А.С. Взаимосвязь разных жанровых форм ... , с. 254.

¹⁹⁸ Литературная энциклопедия ... , стб. 1064. Несколько иное определение предложил С.Н. Азбелев: «Текстология — вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их», см.: Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР, 1966, № 4, с. 91.

¹⁹⁹ Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М., Искусство, 1959, с. 31.

²⁰⁰ Примером подобного текстологического труда является издание «Каменного гостя» А.С. Пушкина, подготовленное Б.В. Томашевским в 1923 году.

²⁰¹ Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998, с. 168-169.

²⁰² О предыстории научной текстологии см.: Мецгер Б.М., Эрман Б.Д. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М.: Издательство ББИ, 2013, с. 213-220.

разночтения (варианты) сохранившихся рукописей и по ним восстанавливать архетип произведения, наиболее близкий к первоначальному авторскому тексту²⁰³. На рубеже XIX-XX вв. филологи обратились к анализу происхождения единичных ошибок и их сочетаний²⁰⁴.

А.А. Гиппиус применил текстологический подход для стратификации текста Начальной летописи. В своей докторской диссертации «История и структура оригинального древнерусского текста (XI-XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция» (2006) исследователь изучил способы оформления прямой речи и обнаружил, что старые и новые формы аориста глагола речи (**рѣша-рекоша, рѣхъ-рекохъ**) распределены в Начальной летописи неравномерно: до 1016 г соотношение старых и новых форм составляет 61 к 12, а в погодных статьях 1044-1104 гг. их соотношение примерно одинаково (24 к 23)²⁰⁵. А.А. Гиппиус полагает, что преобладание старых форм аориста (типа **рѣша**) свидетельствует о более древнем²⁰⁶ характере фрагментов летописи, а новые формы (типа **рекоша**) «выступают во фрагментах, которые, по тем или иным причинам, могут считаться вставками в первоначальный текст»²⁰⁷. Исследователь видит в этом «лингвистическое доказательство гипотезы А.А. Шахматова», полагавшего, что Начальный свод лучше отразился в Новгородской первой летописи, а некоторые фрагменты²⁰⁸ Повести временных лет являются более поздними вставками.

²⁰³ Такой подход был применен немецким филологом К. Лахманом, который подготовил первое критическое издание «Песни о Нибелунгах» (1826).

²⁰⁴ Краткий обзор истории текстологии см. в работе *Лихачев Д.С.* Текстология ... , с. 14-29.

²⁰⁵ *Гиппиус А.А.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI-XIV вв.): комплексный анализ и реконструкция. Автореф. ... докт. филол. наук. М.: 2006, с. 23.

²⁰⁶ А.А. Гиппиус считает вероятным появление отдельных фрагментов Повести временных лет «ранее середины XI в, возможно еще при Владимире Святославиче». Подробнее см. там же, с. 26.

²⁰⁷ Там же, с. 23-24.

²⁰⁸ К ним А.А. Гиппиус относит недатированное Введение, Сказание о славянской грамоте (898), повествование о четвертой мести княгини Ольги (945), пророческую часть Речи философа (986), рассказ о белгородском киселе (997).

Другим важным выводом, к которому пришел А.А. Гиппиус посредством текстологического метода, является владычней²⁰⁹ характер новгородского летописания. В статье «Новгородская владычня летопись XII-XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении)» (2006) исследователь на основе анализа широкого круга параметров²¹⁰ выделяет в тексте Новгородской первой летописи с 1016 по 1330 г несколько рубежных швов²¹¹. Предполагается, что эти швы разделяют разные по происхождению фрагменты летописного текста, при этом «одна и та же текстологическая граница может на формальном уровне быть “обставлена” несколькими швами разных типов»²¹². Оказалось, что в тексте Новгородской первой летописи наблюдается небольшое количество швов, которые образуют компактные группы (из «44 швов ... только 12 не находят себе соответствий среди швов други типов»²¹³). Сопоставление обнаруженных групп швов и времени пребывания архиереев на кафедре в Новгороде позволило А.А. Гиппиусу сформулировать «фундаментальную для истории НПЛ закономерность: смена новгородского (архи)епископа регулярно влекла за собой смену летописца»²¹⁴.

Т.В. Гимон отмечает, что при выборе текстологической методики необходимо учитывать видовые особенности исследуемых текстов (дискретность структуры, изменчивость состава погодной статьи), общее

²⁰⁹ «Владыка» - неофициальный титул архиереев вне богослужебного обихода (в официальной обстановке употребляются титулы «Преосвященство», «Высокопреосвященство», «Блаженство», «Святейшество»). Подробнее см. Православная энциклопедия. Т. 9. 2008. с. 101.

²¹⁰ А.А. Гиппиус выделяет 76 формальных параметров, которые сгруппированы в семь разделов (кодиология и палеография; графика, орфография, фонетика; морфология; синтаксис; лексика и словообразование; структура текста; стиль). Подробнее см.: *Гиппиус А.А.* Новгородская владычня летопись XII-XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004-2005>. М.: Древнелхранилище, 2006. С. 129-194.

²¹¹ Под «швом» понимается «граница, отделяющая отрезок текста, на котором рассматриваемый формальный признак представлен систематически, от смежного отрезка, на котором он отсутствует или же представлен единичными (изолированными) примерами». В зависимости от типа оппозиции коррелирующих элементов А.А. Гиппиус выделяет двусторонние, правые и левые швы, Подробнее см. там же, с. 124-127.

²¹² Там же, с. 194.

²¹³ Там же, с. 205.

²¹⁴ *Гиппиус А.А.* Новгородская владычня летопись ... , с. 211.

количество наиболее типичных разночтений, их характер, количество и объем сравниваемых рукописей. В его монографии «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси» (2012) приводится следующая схема сравнительно-текстологического анализа²¹⁵:

- разделение произведения на текстологические зоны – «участки, для которых соответствие между сравниваемыми текстами может быть охарактеризовано более или менее однозначно (например: последовательное сходство, полная текстуальная независимость, текстуальное родство части известий и т.п.)»²¹⁶;
- «сравнение по три»²¹⁷ (последовательный поиск родственных фрагментов текста рукописей А, В и С по принципу: «А + В против С, С + В против А, А + С против В»);
- выявление и интерпретация рядов однотипных разночтений, а также анализ разночтений, не составляющих рядов;
- построение стеммы²¹⁸ на основе интерпретации полученных данных.

Такой подход позволил реконструировать несохранившиеся англосаксонские анналы, выяснить этапы работы над ними, определить «объем и характер использования при пополнении анналов письменных источников»²¹⁹.

Герменевтический метод

В широком понимании герменевтика – это «универсальная теория интерпретации знаков»²²⁰. Герменевтический метод является одним из

²¹⁵ Гимон Т.В. *Историописание раннесредневековой Англии ...*, с. 333-335.

²¹⁶ Там же, с. 333.

²¹⁷ Метод «тройных чтений» был предложен Эдвардом Хаттоном (1911) для анализа рукописей Нового Завета, подробнее см.: *Мецгер Б.М., Эрман Б.Д. Текстология Нового Завета ...*, с. 251-252.

²¹⁸ Пример стеммы, реконструирующей историю англосаксонской анналистики 1040-1070-х гг, см. в работе Гимон Т.В. *Историописание раннесредневековой Англии ...*, с. 460.

²¹⁹ Гимон Т.В. *Историописание раннесредневековой Англии ...*, с. 331-332.

²²⁰ *Соболева М.Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический проект, 2013, с. 5. Термин происходит от имени древнегреческого бога торговли Гермеса, который передавал волю олимпийских богов людям и должен был объяснять ее. Подробнее см.: Литературная энциклопедия ...*, стб. 170-174.

наиболее древних подходов к изучению текста: еще в Древней Греции было распространено толкование произведений Гомера и других поэтов (*классическая герменевтика*). В первые века христианства формируется традиция толкования книг Священного Писания (*библейская герменевтика*), направленная на постижение внешней логики работ автора в их хронологической последовательности. Широкое распространение термин «герменевтика» получил после выхода трактата Иоганна Даннхаура «Идея хорошего толкователя» (1630), в котором герменевтика понималась как междисциплинарная наука (*общая герменевтика*). Основоположником современной герменевтики считается Фридрих Шлейермахер, который в трактате «Герменевтика» (1836) писал о необходимости изучения внутренней логики и целостной конструкции произведения («необходимо правильно определить местную значимость каждого слова в речевом контексте»²²¹). В этот период пробуждается интерес к индивидуальности, и объектом герменевтического анализа помимо понятий становятся чувства. Следствием этого является изменение отношения к художественному тексту, который воспринимается не только как средство понимания мира, но и как средство переживания жизни. Происходит разграничение понятий «экзегетика» (процесс толкования смысла), «герменевтика» (сумма принципов толкования) и «критика» (индивидуальное оценочное понимание).

Эссе В. Дильтея «Возникновение герменевтики» (1900) посвящено пониманию как интуитивному самопостижению (герменевтика как пространство рефлексии). При этом процесс и объект гуманитарного познания Дильтей понимал исторически, т.е. рассматривал историчность как один из принципов герменевтического подхода («герменевтика ... послужит важным соединительным звеном между философией и историческими

²²¹ Шлейермахер Ф. Герменевтика / Перевод с немецкого А.Л. Вольского. СПб.: Европейский дом, 1977, с. 113.

науками»²²²). Идеи В. Дильтея были развиты представителями школы анналов²²³, предполагавшими преодолеть пробелы в письменных источниках по истории античности и средневековой Европы с помощью интуиции познающего субъекта. Критически к такому подходу отнесся А.С. Лаппо-Данилевский, который в своем труде «Методология истории» (1923) предложил рассматривать интерпретацию как диалог создателя текста и его исследователя («истолкователь может придавать объективно-данное психическое значение своему источнику лишь в том случае, если он имеет основание утверждать, что он приписывает ему то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению»²²⁴). Важный шаг в развитии герменевтического метода был сделан Х. Гадамером, который в книге «Истина и метод. Основы философской герменевтики» (1960) отметил, что текст является герменевтическим феноменом только при условии, что его понимают, а без попытки понять текст остается просто артефактом (*рецептивная герменевтика*: «лишь благодаря одному из участников герменевтического разговора, интерпретатору, другой участник, текст, вообще обретает голос»²²⁵). Также Х. Гадамер указал на важность учета исторической дистанции между говорящим и интерпретатором (т.е. на необходимость отказа интерпретатора от своих собственных понятий) и на плодотворность рассмотрения произведения искусства в рамках культурной традиции²²⁶.

Рассуждая об историческом повествовании как репрезентации прошлого, Ф. Анкерсмит предложил термин «нарративная субстанция»

²²² Дильтей В. Собрание сочинений в 6 томах / Под ред. А.С. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001, Т. IV, с. 254.

²²³ Это направление сформировалось вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», основанного Л. Февром и М. Блоком (1929), которые говорили о необходимости использования в исторических исследованиях методов различных гуманитарных наук. Подробнее см. Bloch M., Febvre L. Text d'ouverture // Annales d'histoire économique et sociale. 1929. №1. P. 3.

²²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010, Т. 2, с. 65.

²²⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общая редакция и вступительная статья Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988, с. 451.

²²⁶ Об особенностях интерпретации культурных явлений см.: Гириц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. с. 29-37.

(«нарративная интерпретация прошлого»), который противопоставлен «нарративному субъекту» («историческому ... человеку из плоти и крови») ²²⁷. В монографии «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков» (1983) исследователь рассматривает два взгляда на проблему субъекта в историческом повествовании – нарративного идеалиста и нарративного реалиста. Реалист воспринимает исторический нарратив как текст, «состоящий из высказываний, отсылающих к человеку, жившему в прошлом», а идеалист – как «“образ” или “картину” прошлого, которые историк желает нам представить» ²²⁸. Он полагает, что «образы» наделяют смыслом фрагменты прошлого и являются «руководящим принципом в построении нарратива», его «содержанием или когнитивным ядром», поэтому без них историописание невозможно ²²⁹. По мнению исследователя, нарративная субстанция представляет собой в дополнение с субъекту и предикату «третью логическую сущность», поскольку высказывания в нарративе «а) могут отсылать ... к прошлой реальности» и «б) ... используются историками для передачи своей собственной точки зрения относительно прошлого» ²³⁰. Эти компоненты могут быть в разной степени выражены в памятниках историографии: «компонент а) будет более выражен в историческом исследовании о ценах на зерно в годы, предшествующие Великой французской революции, нежели в нарративе, рассказывающем, как в этот же период идея человека как представителя всего рода человеческого постепенно уступила место убеждению, что человек сам по себе есть универсум» ²³¹. Необходимость введения понятия «нарративная субстанция» исследователь объясняет тем, что «нарративная историография находит

²²⁷ Нарративная субстанция – это совокупность высказываний данного автора о некотором фрагменте действительности («Наполеон» – реальное историческое лицо, «Наполеон историка N» – нарративная субстанция). Подробнее см.: Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Перевод О. Гавришиной и А. Олейникова, под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003, с. 140-148.

²²⁸ Анкерсмит Ф. Нарративная логика ... , с. 141.

²²⁹ Подобные “образы” «эффективно ... используются в социологии, психологии, а также в политической теории», подробнее см. там же, с. 143.

²³⁰ Там же, с. 149.

²³¹ Там же, с. 149.

более тонкие смысловые оттенки в репрезентируемой исторической реальности, а не просто стремится к тому, чтобы нужный предикат был связан с нужным субъектом»²³². При создании историографических текстов имена или факты привлекаются не ради них самих, а как «иллюстрация» к некоторому тезису, и такое «“иллюстративное” применение ... настолько нетривиально, что становятся возможными новые и плодотворные прочтения прошлого»²³³.

Развивая идеи Х. Гадамера применительно к анализу летописных текстов, И.Н. Данилевский отмечал необходимость перехода от интерпретации источника в соответствии с концепцией исследователя к пониманию того смысла, который автор вкладывал в свое произведение²³⁴. В монографии «Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов» (2004) представлен подход, позволяющий изучать следующие структурные элементы текста летописи:

- цитаты (которые «представляют собой чрезвычайно важный для историка источник информации о восприятии, оценках и характеристиках ... нарративного источника»²³⁵);
- топосы (они выражают «некоторый идеал, очень точно отражающий историко-социальные и морально-эстетические представления и устремления эпохи»²³⁶);
- указания на пространство (которые «помимо буквальных значений ... чаще всего наделяются выраженными

²³² Анкерсмит Ф. Нарративная логика ... , с. 198.

²³³ Там же, с. 199. О понимании текста как «воплощенной множественности» интерпретаций писал Р. Барт, см.: Барт Р. S/Z / Под ред. Г.К. Косикова. М.: URSS, 2001. С. 34.

²³⁴ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ... , с. 32, 39. О необходимости соответствия способа повествования изображаемой эпохе писал А.С. Пушкин в письме (1830) по поводу романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский или русские в 1612 году»: «В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстук нынешнего dandy» (цит. по: Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941. С. 519).

²³⁵ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ... , с. 45.

²³⁶ Выражение А.А. Гогешвили, цит. по: там же, с. 58.

аксиологическими характеристиками») и время (в летописи «точные временные указания могли выполнять определенные символические ... функции»²³⁷);

- отдельные летописные сюжеты (поскольку «выявление во внешне не связанных между собою эпизодах “пересекающихся” смыслов ... должно помочь в восстановлении целостного понимания летописного текста»²³⁸).

Предположение, что древнерусские летописи «строились преимущественно по центонно-парафрастическому принципу» (т.е. представляли собой компиляцию цитат), позволяет рассматривать цитаты «в качестве важных источников информации об идеях» древнерусских летописцев²³⁹. Основной способ летописного изложения – это описание событий «через прямое или опосредованное цитирование сакральных текстов, прежде всего Библии» как своего рода «семантического фонда, из которого оставалось лишь выбрать готовые клише для восприятия, описания и одновременной оценки происходящего»²⁴⁰. Летопись (как и любой средневековый текст) имела «кроме буквального ... еще, по меньшей мере, три смысла: аллегорический, моральный и символический»²⁴¹. Подобный текстологический анализ позволяет восстановить *генетическое досье* произведения (последовательность изменений текста, происхождение содержащихся в нем цитат, круг его источников), после составления которого можно «реконструировать генезис текста источника» и использованных в нем образов, понять «логику его автора»²⁴². В результате проясняется «базовый концепт произведения, авторский замысел – основной фильтр, сквозь

²³⁷ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ..., с. 232.

²³⁸ Там же, с. 135.

²³⁹ Там же, с. 270.

²⁴⁰ Там же, с. 138.

²⁴¹ Там же, с. 139. Это наблюдение согласуется с мыслью Симеона Полоцкого, который в стихотворении «Писание» выделял **«Первый разум – письменный ... Второй – аллегоричный ... Третий нравомъ учящий ... онагогический в четвертом лъжащий / мѣстѣ»**. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный: в 3 томах. Подготовка текста и комментарий Антони Хипписли и Лидии И. Сазоновой. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, с. 492-493.

²⁴² Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ..., с. 271.

который автор источника “просеивает” всю информацию, которую он получает извне» и который «влияет на форму повествования, поскольку ориентирует автора (редактора) текста источника на определенные литературные параллели»²⁴³. И.Н. Данилевский отмечает, что результаты каждого этапа такого исследования верифицируемы, и предлагаемый подход «уточняет сферу действия» традиционных методов анализа летописных текстов: он ограничен «повторяющейся (неоригинальной) информацией источников» и осознанными «изменениями предшествующего текста», а «любой случай ненамеренного ... изменения текста должен быть доказан и исключен из сферы приложения предлагаемого метода»²⁴⁴.

Анализируя современные герменевтические подходы, А.М. Ранчин отмечает, что при толковании средневековых текстов медиевист «вынужен выводить правила, по которым они построены, из самих этих текстов»²⁴⁵. Здесь важно наличие контекста²⁴⁶ из других произведений того же жанра, а «в случае анализа уникальных, единичных текстов» различные понимания «могут претендовать лишь на права гипотезы»²⁴⁷. В статье в статье «К герменевтике древнерусской словесности» (2007) исследователь указывает на обязательность соблюдения следующих герменевтических правил: «презумпция религиозной семантики интерпретируемого текста», «требование о разграничении генезиса и функции», «предлагаемая интерпретация должна основываться на данных текста как целого, а не его отдельного фрагмента»²⁴⁸. Также необходимо учитывать только такие сведения, которые «имеют “общеобязательный” характер» и «содержат набор категорий, присущих средневековому сознанию», а неясные смыслы текста должны «подтверждаться *несколькими* свидетельствами этого

²⁴³ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ... , с. 271.

²⁴⁴ Там же, с. 271-272.

²⁴⁵ Ранчин А.М. Вертоград златословный. М.: Новое литературное обозрение, 2007, с. 12.

²⁴⁶ О невозможности истолковать произведение, «не выходя за его пределы», писал Ц. Тодоров, см.: Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 38.

²⁴⁷ Ранчин А.М. Вертоград златословный ... , с. 15.

²⁴⁸ Там же, с. 15-17.

текста»²⁴⁹. А.М. Ранчин приходит к заключению, что при интерпретации средневековых произведений «необходима постоянная рефлексия по поводу используемых подходов и инструментов анализа»²⁵⁰.

Методы новой исторической науки²⁵¹

При изучении категории автора оказываются полезными методики, направленные на изучение «Человека во всем его единстве»²⁵². Решение подобной проблемы требует междисциплинарного подхода, что является характерной особенностью современной исторической антропологии. Это направление не имеет своего специфического метода (он каждый раз конструируется исследователем заново). Тематическое поле исторической антропологии составляют различные исследовательские практики, из которых для нас особое значение представляют история ментальностей и история повседневности.

Изучение ментальностей предполагает исследование автоматизмов и социально-психологических установок некоторой социальной общности в определенный исторический период. Предмет истории ментальностей весьма широк (это изучение не только текстов, но и понимание человеком своего места в мире, пространства и времени, природы, религиозности, элитной и фольклорной культуры), в котором центральное место занимает вопрос о «системе социально-культурных представлений» (картине мира) некоторого общества или индивида²⁵³. При изучении категории автора средневекового

²⁴⁹ Ранчин А.М. Вертоград златословный ... , с. 18, 20.

²⁵⁰ Там же, с. 23.

²⁵¹ Под «новой исторической наукой» понимают направление неклассической исторической науки, для которого характерны переход от собирания фактов к их интерпретации, сосредоточение внимания на человеке и различных аспектах его деятельности, междисциплинарный характер исследований (использование методов социологии, лингвистики и статистики). Предметными областями новой исторической науки являются история детства, история маргинальности, гендерная история, новая интеллектуальная история, история ментальностей и др., см.: Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014, с. 335-337.

²⁵² Там же, с. 167.

²⁵³ Хромова Е.Б. А.Я. Гуревич и история ментальностей // Вестник Пермского университета: История. 2014. Вып. 1 (24), с. 165-166.

исторического повествования такой подход предполагает обращение не только к явным высказываниям книжников (проявлениям «азь» летописца), но и к анализу явлений, которые могут казаться побочными (оговорок книжника²⁵⁴, ситуаций, которые летописец отбирал для своего труда, условий, в которых он работал и в которых бытовал созданный летописцем текст). С изучением ментальностей связано внимание к культуре «безмолвствующего большинства», т.е. к исследованию истории повседневности, «специфического опыта и поведения индивидов в повседневной жизни»²⁵⁵. Это расширяет круг источников, к которым помимо традиционно изучаемых текстов относят памятники «низших» (бытовых) жанров. В рамках подобного подхода при рассмотрении категории автора летописей и хроник внимание исследователя привлекают не только упоминания о себе, рассуждения и комментарии книжников, но и сообщения повседневного характера, а также случаи их изменений переписчиками.

* * *

Проведенный анализ исследований, посвященных изучению категории средневекового автора, свидетельствует о том, что к настоящему времени получен значительный аналитический и фактографический материал, способствующий постановке новых вопросов и появлению новых интерпретаций давно известных науке текстов. Опубликовано большое количество оригинальных работ, однако не хватает компаративных и комплексных исследований по проблеме изучения авторов средневековых летописей и хроник. Наиболее полным на настоящий момент является изучение вариантов и форм выражения «азь»-летописца, проведенное О.В. Иванайнен для «Повести временных лет». Вместе с тем в этой работе не

²⁵⁴ В этой связи представляет интерес суждение Я.С. Лурье о том, что исследователь «должен искать такие случаи, когда источник проговаривается – говорит нечто такое, что необязательно или даже прямо излишне с точки зрения его тенденции», цит. по: *Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ...*, с. 284.

²⁵⁵ Теория и методология исторической науки ... , с. 198.

рассматривается ряд важных аспектов этой проблемы, такие как социальная и ментальная стороны авторских экспликаций (статус книжника, его интеллектуальная среда), а также вопросы о принципах работы летописцев. Представляется целесообразным расширение круга изучаемых текстов, причем как в рамках древнерусской книжности, так и в пределах разных (восточно- и западнославянских) историографических традиций. Это позволит полнее представить комплекс форм авторского присутствия в историческом повествовании и предложить их более корректную интерпретацию.

Рассмотрение методик изучения средневекового авторства приводит к выводу о междисциплинарном характере изучаемой проблемы. С одной стороны, это обуславливает необходимость применения различных методов литературоведения (историко-литературного изучения высказываний книжников и употребляемых ими выразительных средств, текстологического сопоставления разночтений авторских экспликаций и их герменевтического объяснения). С другой стороны, недостаточность источниковой базы объясняет необходимость обращения к компаративистике и методам новой исторической науки (в частности, к истории ментальностей и истории повседневности).

Глава 2. Высказывания книжников от первого лица²⁵⁶

Основной формальной категорией, свидетельствующей об авторском присутствии в произведении, являются высказывания²⁵⁷ от первого лица. В своей совокупности они позволяют получить представление о создателе текста, хотя почти всегда реконструируемый читателем образ существенно отличается от «конкретного автора», жившего в определенное историческое время²⁵⁸. К семантическим особенностям повествования от первого лица относят актуализацию достоверности излагаемых событий, раскрытие субъективного взгляда на мир, различия в изображении внутреннего мира повествователя и других лиц²⁵⁹. Хотя для средневекового книжника не было задачи проявления индивидуально-авторского начала в тексте, его высказывания оказываются ценными свидетельствами о себе, окружавших людях и происходивших с ним событиях. Подобные сообщения в памятниках исторического повествования XI-XIII вв. краткие и эпизодические. Вместе с тем для разных традиций и даже для разных культурных центров в пределах одной историографической традиции они имеют свои особенности. В настоящей работе высказывания книжников от первого лица в летописях и хрониках разделены в зависимости от содержания на несколько групп: «биографические» сообщения о себе, упоминания устных или письменных источников, элементы нарративной структуры летописи или хроники,

²⁵⁶ При написании главы использованы следующие публикации автора: *Шаповалов А.В.* Эволюция форм авторского присутствия в южнорусском летописании XI-XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 6. С. 182-194; *Шаповалов А.В.* Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи // Славянский альманах. 2022. №1-2. С. 148-161; *Шаповалов А.В.* Формы авторского присутствия и история ментальностей: проблемы изучения (на материале славянского исторического повествования рубежа XI-XII вв.) // *Litera*. 2022. № 5. С. 184-191.

²⁵⁷ Высказывание М. Фуко называл «функцией существования», «атомом дискурса». О соотношении понятий «высказывание», «предложение», «суждение», «речевой акт» см.: *Фуко М.* Археология знания / Пер. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вст. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. С. 161-174.

²⁵⁸ *Атарова К.Н., Лессикс Г.А.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 343.

²⁵⁹ Там же. С. 346, 348, 353.

средства проявления эмоции или выражения оценки, а также свидетельства об элементах самосознания человека своего времени.

§2.1. Упоминания книжников о себе

Уже первые обращения к упоминаниям летописцев о событиях своей жизни в Начальной летописи показали невозможность составления их биографии по причине отрывочности и крайней скудости сведений²⁶⁰. Вместе с тем М.Д. Приселков считал подобные сообщения ценными, поскольку они могут представить «надежные точки опоры для попытки не только предствпить себе жизнь и деятельность Нестора, но и оценить его в общественном и литературном отношениях»²⁶¹. В этом параграфе рассмотрены основные упоминания книжников о себе в летописях и хрониках и предпринята попытка их интерпретации.

Древнерусские летописи создавались и переписывались на продолжении длительного времени, поэтому в них о себе упоминали несколько книжников. В тексте ПВЛ присутствует сообщение Нестора²⁶² от первого лица («аз-позиция» по определению О.В. Иванайнен²⁶³) о том, что он пришел в Печерский монастырь при игумене Феодосии («к немѹ же *(Феодосию – А.Ш.)* и азъ придохъ хѹдыи и недостонныи равѹ пригати ма лѣтъ ми сѹщю зѣ *(17 – А.Ш.)* ѿ рожениа моего»²⁶⁴). Атрибуцию этого

²⁶⁰ Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи ... , с. 9-13.

²⁶¹ Приселков М.Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Петербург: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1923. С. 10.

²⁶² Имя Нестора сохранилось в заглавии ПВЛ по Хлебниковскому, Голицынскому и Раскольничьему спискам.

²⁶³ Иванайнен О.В. «Азь» летописца ... , с. 408.

²⁶⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 149 (1051). Здесь и далее тексты источников цитируются по изданиям: ПВЛ (по ИЛ), КЛ, ГЛ, ВЛ – Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. ПВЛ (по ЛЛ) и СЛ – ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под. ред. А.Н. Насонова. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. ЧХ – Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. статья, перевод и коммент. Г.Э. Санчука; под. ред. Л.В. Разумовской, В.С. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1962 (латинский текст – Cosmae Chronica Boemorum. Ed. R. Koerke // MGH SS. 1851. Т. IX. S. 1–132). ХГА – Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Вступ. статья, перевод и коммент. Л.М. Поповой; под. ред. В.Д. Королюка.

сообщения конкретному человеку затрудняет то, что в Житии Феодосия Печерского Нестор говорит, что был принят в монастырь при игумене Стефане²⁶⁵ («азъ грѣшныи Несторъ мѣнии всѣхъ въ монастыри блаженаго и оца всѣхъ Феодосиѣа прѣятъ же быхъ въ нь прѣдвѣнимъ игоуменѣмъ Стефанѣмъ и тако же ѿ того остриженъ бывъ и мѣнишьскыѣ одежа съподобенъ паки же и на дѣяконьскыи санъ ѿ него изведенъ сынъ»²⁶⁶). Вместе с тем принадлежность летописца Печерской обители не вызывает сомнений, что подтверждают и его высказывания о нападении половцев на монастырь («намъ сущимъ по кѣльгамъ почивающимъ ... намъ же вѣжащимъ задомъ монастырѣ»²⁶⁷) и об участии в перенесении мощей Феодосия Печерского (см. §2.4)²⁶⁸. Если применительно к новому времени справедливо утверждение, что «история развития нарратива характеризуется как постепенное уменьшение роли повествователя – как непрерывное понижение роли прямого комментария в повествовании»²⁶⁹, то наблюдение над текстом ПВЛ обнаруживает противоположную тенденцию. Летописец упоминает о себе при сообщении о современных ему событиях, а при повествовании о более ранних временах ограничивается краткой формулой «до сего днѣ»²⁷⁰.

М.: Изд-во АН СССР, 1961 (латинский текст – *Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / Transl. and annotated by P.W. Knoll and F. Schaer with a preface by Th.N. Bisson. Budapest: Central European University Press, 2003*). После запятой указаны номера страниц (для НПЛ, ЧХ и ХГА), для ПСРЛ возможно указание страниц или столбцов, в круглых скобках указан год погодной записи (для ПСРЛ, НПЛ и ЧХ). Стихотворные строки выделены курсивом, заимствования подчеркнуты (для ЧХ и ХГА).

²⁶⁵ О невозможности атрибуции этих известий одному лицу писал М.Д. Приселков, см.: *Приселков М.Д. Нестор Летописец ...*, с. 7.

²⁶⁶ ЖФП, с. 134-135.

²⁶⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 222 (1096).

²⁶⁸ Приблизительную хронологию событий жизни Нестора см.: *Ранчин А.М. Нестор Летописец. М.: Молодая гвардия, 2022. С. 347-348.*

²⁶⁹ *Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 214.*

²⁷⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 29 (912), стб. 43 (945) стб. 49 (947), стб. 71 (984). Эту формулу авторы ПВЛ употребляли наиболее часто, см.: *Иванайнен О.В. «Азь» летописца ...*, С. 518-522.

Помимо Нестора, в ПВЛ есть высказывания от первого лица других летописцев²⁷¹. Одним из них является известная приписка игумена Сильвестра, которая читается в тексте ПВЛ по Лаврентьевской летописи (**«Игумень Силвестръ святаго Михаила написах книги си Лѣтописецъ, надѣяся от бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта»**²⁷²). Примечательно, что если Нестор упоминает о себе в повествовании об игумене Печерского монастыря и помещает эту запись под годом, в который произошло событие, то Сильвестр соотносит себя с фигурой киевского князя и сообщает о себе при окончании летописи, что указывает на этикетный²⁷³ характер данного высказывания. Еще одним примером сообщения о себе является упоминание летописца о беседе с другим человеком, которое содержится в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского», помещенной в ПВЛ под 1097 годом (**«и мнѣ тѣ сѣщю ... присла по ма князь Двѣдъ и придохъ к нему ... азъ же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Двѣву»**²⁷⁴). Этот фрагмент в Лаврентьевском списке ПВЛ содержит упоминание о том, что книжник был тезкой Теробовльского князя (**«да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома»**²⁷⁵), на основании которого высказывалось предположение, что автором этих строк является поп Василий (однако этот социальный статус не подтверждается фактически). Увеличение числа лиц, сообщавших о себе в летописном тексте, расширяет его субъектную перспективу за счет добавления новых «осей»: помимо ряда летописцев появляются отношения

²⁷¹ Кроме Нестора в создании ПВЛ могли принимать участие Василий, Сильвестр, Никон, Иоанн, в качестве гипотетически возможного автора рассматривался также киевский митрополит Иларион, см.: Шлёйер А.Л. Несторъ. Русскія лѣтописи ... , с. 9, 11; Приселков М.Д. Нестор Летописец ... , с. 89-94; Лихачев Д.С. Русские летописи ... , с. 147-148, 165-166; Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X – XIII вв. СПб: Алетейя, 2003, с. 59-67.

²⁷² ПСРЛ, Т. I, с. 123 (1110).

²⁷³ О литературном этикете см.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы ... , С. 80-102.

²⁷⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 239 (1097).

²⁷⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 112 (1097). В Ипатьевской летописи это высказывание сокращено: **«да се Василю шлю тѣ иди к Василкови со сима отрокома»**, ПСРЛ, Т. II, стб. 239 (1097).

летописец-заказчик (о чем свидетельствуют вторая и третья редакции ПВЛ, сочувственно изображающие Владимира Мономаха²⁷⁶), летописец-читатель («**ИЖЕ ЧТЕТЬ КНИГЫ СІЯ, ТО БУДИ МИ ВЪ МОЛИТВАХЪ**»²⁷⁷), летописец-персонаж (благодаря включению в ПВЛ «Поучения Владимира Мономаха» изображаемое лицо Владимир Мономах становится повествующим субъектом). Это говорит о формировании правил ведения летописей в Киевской Руси и о широком круге летописцев.

По сравнению с общерусским летописанием сообщений Козьмы Пражского о себе от первого лица несколько больше. Из них мы узнаем о некоторых событиях его жизни: во время обучения в школе Козьма был псаломщиком в церкви Козьмы и Дамиана в Праге («**мне пришлось видеть и слышать, когда я был еще в школе ... когда я находился в приделе святых мучеников Козьмы и Дамиана, читая там псалмы**»²⁷⁸), потом учился в университете Льежа («**ты, Муза, достаточно позабавилась со мной у магистра Франка в Лютихе, на ниве грамматики и диалектики! ... О, Софистика ... Мы уже тебя извели достаточно**»²⁷⁹), участвовал в успешном посольстве к князю Оттону по поводу спора о праве торгового договора в деревне Секиржкостел («**я был послан от братии с жалобой ... Перед лицом князя и его комитов я пожаловался**»²⁸⁰). В конце хроники Козьма упоминает о своем возрасте («**О, если бы бог вернул мне, 80-летнему,**

²⁷⁶ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). В кн.: Повесть временных лет. Часть 2. Приложения. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 127-132. Подробнее о Владимире Мономахе см.: Орлов А.С. Владимир Мономах. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – 191 с.; Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. – 386 с.

²⁷⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 123 (1110).

²⁷⁸ ЧХ, с. 145 (1073, «**eodem anno nobis adhuc positus in scolis contigit audire et videre ... dum psalmiculos ruminarem stans in cripta sanctorum martirum Cosmae et Damiani**», ССВ, S. 89). Точность передачи высказываний в русских переводах ЧХ и ХГА требует отдельного изучения.

²⁷⁹ Там же, с. 238 (1125, «**Musa ... quibus olim Leodii sub Francone magistro tum grammaticae tum dialecticae artis in viretis pratis mecum lusisti satis! ... O sophistica cornupeta ... nobis autem iam satis experta**», ССВ, S. 130-131).

²⁸⁰ Там же, с. 210 (1109, «**ego missus ex parte fratrum, coram duce et eius comitibus conquestus sum**», ССВ, S. 118-119). Комит – в римской империи чиновник, сопровождавший императора в провинции; с IV в. так стали называть всех придворных чиновников.

прошедшие годы»²⁸¹), что позволило его биографам предположительно установить его годы жизни (1045-1125)²⁸². О своем статусе хронист сообщает от третьего лица (первую книгу ЧХ «составил декан Пражской церкви Козьма»²⁸³). В отличие от него Галл Аноним не называет своего имени и только однажды «проговаривается» о своем социальном положении («будучи у вас изгнанником и пришельцем ... я стал писать этот труд ... чтобы ... сохранить навыки в письме и не есть даром хлеб польский»²⁸⁴). В литературе высказывались различные точки зрения относительно его происхождения: «одни считают Галла венгром, другие – итальянцем, третьи – французом, четвертые – поляком»²⁸⁵. Привлечение западославянских хроник показало, что упоминания имени и сообщения о событиях своей жизни являются не особенностью древнерусских летописей, а типологически общей чертой восточноевропейского историописания XI-XII вв.

Обе рассматриваемые хроники отличает то, что авторы сообщают об окружавших их лицах. Так Козьма Пражский сообщает о своей супруге²⁸⁶ («Десятых календ в день февральских ушла Божетеха моя»²⁸⁷), слуге своего сына («Умер также, 6 августа, и Бертольд, слуга моего сына

²⁸¹ ЧХ, с. 238 (1125, «O si mihi iam octogenario praeteritos Deus referat annos», ССВ, S. 130).

²⁸² Там же, с. 6-7.

²⁸³ Там же, с. 31 («composuit Cosmas Pragensis ecclesiae decanus», ССВ, S. 32). Декан – в католической церкви глава объединенных, рядом расположенных приходов, в обязанности которого входит координация деятельности приходов, инспекция церквей, часовен и духовенства, участие в епархиальных собраниях, извещение епископа о важных событиях. Должность декана впервые была введена в VII в. во Франкском королевстве. В православной церкви этой должности соответствует благочинный (административная должность священника, который становится помощником епископа по надзору в части епархии – благочинии).

²⁸⁴ ХГА, с. 106 («nec ut patriam vel parentes meos exul apud vos et peregrinus exaltarem ... ut me quasi ceteris preferendo, vel quasi facundiozem in sermone referendo, hunc laborem suscepi; sed ut otium evitare et dictandi consuetudinem conservarem et ne frustra panem Polonie manducarem», GPP, p. 210).

²⁸⁵ Оболевич В.Б. История польской литературы (средневековье, ренессанс). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983, с. 23.

²⁸⁶ Это несколько контрастирует с постановлением папы римского о celibate. Celibat (от лат. caelibis – холостой) – обет безбрачия, состояние вне брака, обязательное для диаконов и священнослужителей после рукоположения. Постановление о celibate в католической церкви было принято во второй половине XI века.

²⁸⁷ ЧХ, с. 222 (1117, «Bis Februi quinis obiit Bozetecha Kalendis», ССВ, S. 123).

Генриха»²⁸⁸) и о своем «коллеге» («следовала бесчисленная толпа благородных людей со скованными руками и с цепями на шеях. Среди них, увы! шел пленник – *Мой сотоварищ по клиру, по положенью священник*»²⁸⁹). В предисловиях к книгам ЧХ и ХГА оба хрониста называют по именам людей, которым они посвятили свой труд:

«Господину Северу, настоятелю Мельницкой церкви, Священнику Гервазию»²⁹⁰,
 «Духовному отцу Бржевновского монастыря, Клименту»²⁹¹.
 «Святому отцу Мартину ... Симону, Павлу, Мавру, Жирославу, преосвященным и досточтимым епископам страны польской, а также ... канцлеру Михаилу»²⁹²,
 «господину Павлу ... канцлеру Михаилу»²⁹³,
 «Досточтимым капелланам княжеским и другим достойным упоминания славным клирикам польским»²⁹⁴.

Наличие в хрониках подобных высказываний позволяет полнее представить социальное окружение хронистов, что важно для понимания особенностей их менталитета²⁹⁵. Кроме того, некоторые из названных лиц были читателями²⁹⁶ хроник, на которых авторы ориентировались при написании своего труда.

²⁸⁸ ЧХ, с. 227 (1123, «*similiter et Bertholdus cliens Heinrici, filii mei, 8. Idus Augusti moritur. Impedior lacrimis nec possum promere scriptis*», ССВ, S. 125).

²⁸⁹ Там же, с. 109 (1039, «*quas sequitur innumera nobelium virorum turma, asstricti manicis ferreis et contriti colla bagis, inter quos, heu! male captus adductus est meus attavus, Consorts in clero, presbiter officio*», ССВ, S. 70).

²⁹⁰ Там же, с. 27-28 («*Domno Melnikensis ecclesiae praeposito Severo ... archigerontae Gervasio*», ССВ, S. 31).

²⁹¹ Там же, с. 99 (1038, «*Spiritali Breunenens coenobii patri Clementi*», ССВ, S. 66).

²⁹² ХГА, с. 23 («*Domino M(artino) ... Symoni, Pavlo, Mauro, Syrosloao, Deo dignis ac venerandis pontificibus Polonie regionis, nec ... cancellario Michaeli*», GPP, p. 2).

²⁹³ Там же, с. 63 («*Domino Paulo ... Michaeli cancellario*», GPP, p. 110).

²⁹⁴ Там же, с. 106 («*Capellanis ducalibus venerandis aliisque bonis clericis per Poloniam memorandis*», GPP, p. 210).

²⁹⁵ Подробнее о социальном направлении истории ментальностей см.: Шенкао М.А. Изучение ментальностей ... , С. 62-69.

Следующий за ПВЛ текст южнорусского летописания по Ипатьевскому списку сообщений книжников о себе практически не содержит, поэтому атрибуция фрагментов памятника носит гипотетический характер. Среди возможных авторов КЛ Б.А. Рыбаков называл игуменов Поликарпа (1141-1171)²⁹⁷ и Моисея (1171-1198), а также Кузьмищу Киянина (1160-1184)²⁹⁸. Это предположение исследователь основывал на том, что текст КЛ содержит «явные черты авторства Поликарпа» (сочувственное отношение к бегству Святослава Ольговича из Новгорода в 1141 г, повествование от первого лица в погодной статье 1170 г, замена «въ» на «у» в предлогах и в начале слов)²⁹⁹. Подобная атрибуция фрагментов КЛ представляется нам сомнительной, поскольку в тексте летописи отсутствуют прямые сообщения о себе или событиях своей жизни³⁰⁰. В ГЛ и ВЛ мы также не встречаем упоминаний книжников о себе, что показательно: если при повествовании обо всей Русской земле летописец говорил о себе (в том числе для придания достоверности повествованию), то в местных памятниках на первый план выходили деяния князей, и упоминания летописцев о себе становились излишними³⁰¹. Кроме того, местный характер летописания ставил перед книжниками другие задачи, поэтому они не имели возможности сослаться на

²⁹⁶ О возникновении категорий «писатель» и «читатель» в славянской книжной культуре XI-XII вв. см.: *Топоров В.Н.* Предыстория литератур у славян: Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М.: РГГУ, 1998, с. 33-35. О читательской аудитории в средние века см.: *Jackson W.T.W.* The Literature of the Middle Ages. New York: Columbia University Press, 1960, p. 45-61.

²⁹⁷ Здесь и далее после имен книжников в скобках указаны вероятные хронологические рамки их работы над летописью.

²⁹⁸ *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972, с. 36-72, 79-131.

²⁹⁹ Там же, с. 36-42.

³⁰⁰ А.А. Горский считает, что в древнерусских летописях «случаи, когда автор называл бы себя в тексте в третьем лице, ... отсутствуют», и справедливо отмечает, что «атрибуции, основанные на таком допущении, нуждаются в пересмотре». Подробнее см.: *Горский А.А.* Янь Вышатич «против» Петра Бориславича ... , С. 11, 13.

³⁰¹ На основании ряда косвенных данных А.Н. Ужанков атрибутировал первую редакцию ГЛ и «Житие Александра Невского» печатнику Кириллу, см.: *Ужанков А.Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 3. М.: Наука, 1992. С. 175-176. Подробнее о галицких чертах в житии Александра Ярославича см.: *Лихачев Д.С.* Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 36-56.

признанный авторитет (как в случае Нестора и Феодосия Печерского) и могли не решиться сообщить что-то о себе.

В СЛ содержится известная приписка, в которой упоминаются не только имя и статус переписчика («**равъ Божій Лаврентей мнихъ**»³⁰²), но и время начала и окончания его работы над летописью («**Началъ есмъ писати ... мѣсяца генваря въ 14, на память святыхъ отецъ нашихъ аввадъ въ Финан и въ Раифѣ избъеныхъ ... и кончалъ есмъ мѣсяца марта въ 20, на память святыхъ отецъ нашихъ иже въ монастыри святого Гавы избъеныхъ отъ Брацинъ, въ лѣто 6885**»³⁰³). Столь подробная датировка свидетельствует о стремлении сообщить достоверные хронологические границы своей работы, что подтверждает осознание летописцем себя не как автора, а как переписчика. Этот факт нетипичен для древнерусского летописания (приведенная выше приписка игумена Сильвестра подобных элементов рефлексии не содержит). Помимо датировки, высказывания Лаврентия относятся к принципам его работы (о них см. §2.3). Как показал кодикологический анализ, над ЛЛ работали три человека³⁰⁴, однако высказывания других книжников о себе в памятнике не читаются.

В тексте НПЛ СИ присутствуют два упоминания летописцев о себе, которые связаны с церковью святого Иакова на Добрыне улице в Новгороде³⁰⁵ и давно привлекают внимание исследователей³⁰⁶. Первое сообщние принадлежит священнику Герману по прозвищу Воята (1164-1186)³⁰⁷ и содержит информацию о его новом статусе («**постави мя попомъ**

³⁰² ПСРЛ, Т. I, с. 209 (1305).

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV в. // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 55.

³⁰⁵ Гиппиус А.А. К истории сложения текста ... С. 11.

³⁰⁶ Одна из первых работ на эту тему: Прозоровский Д.И. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // ЖМНП. 1852. Часть 75. С. 1-28.

³⁰⁷ Здесь и далее рассматриваются особенности стиля новгородских летописцев, вероятные хронологические границы работы которых были определены в статье: Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись ... С. 215. Е.Л. Коняевская считает, что ряд известий 1140-1170-х гг можно отнести к творчеству Германа Вояты, см.: Коняевская Е.Л. Проблема авторского самосознания ... С. 66.

архиепископъ святыи Нифонтъ»³⁰⁸). Второе высказывание более традиционно («и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю»³⁰⁹). А.А. Гиппиус полагает, что время его работы приходится на XIII в. (1226-1274)³¹⁰. Продолжительный (более 50-ти лет) период работы пономаря Тимофея над летописью мог быть обусловлен его приближенным положением ко двору архиепископа. Отметим, что в отличие от ЛЛ и СЛ в НПЛ СИ имена обоих книжников содержатся в основном тексте летописи, а не в приписке к ней. Их отсутствие в тексте НПЛ МИ³¹¹ указывает на то, что составитель младшего извода воспринимал эти высказывания как несущественные и согласуется с наблюдением М.И. Сухомлинова, что «не только авторы, но и самые переписчики не считали нужным называть себя по имени»³¹².

§2.2. Источники повествования

Высказывания от первого лица свидетельствуют о способе доступа к сообщаемой информации (т.е. о том, каким образом книжники узнали то, о чем сообщают) и в современной грамматической типологии относятся к семантической зоне эвиденциальности³¹³. Различают прямой доступ (непосредственное восприятие ситуации посредством органов чувств или участие в ней) или непрямой доступ к информации (когда сведения получены иным способом). С другой стороны, выделяют личный (полученный непосредственно человеком) и неличный (полученный от другого лица)

³⁰⁸ НПЛ СИ, с. 27 (1144).

³⁰⁹ Там же, с. 70 (1230).

³¹⁰ Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись ... С. 215.

³¹¹ НПЛ МИ, с. 181 (1144), с. 278 (1230).

³¹² Сухомлинов М.И. О псевдонимах в древней русской словесности // Исследования по древней русской литературе» акад. М. И. Сухомлинова. «Сборник Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук». СПб, 1908. Т. LXXXV. № 1. С. 443.

³¹³ Плузган В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011, с. 463-464. О соотношении категорий эвиденциальности и первого лица см. главу 7 в работе: Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 452 p. О понятиях «эвиденциальность» и «субъективность» см.: Макарец М.М. Эвиденциальность в пространстве Балканского текста. М., СПб.: Нестор-История, 2014. С. 55-57.

доступ к информации³¹⁴. Рассмотрим, какую информацию в средневековых текстах содержат свидетельства очевидцев и высказывания книжников об использованных устных или письменных источниках.

Сообщения очевидцев

В Начальной летописи книжники упоминали о себе как об очевидцах с целью подчеркнуть достоверность описываемых событий в глазах читателей³¹⁵. Текст ПВЛ содержит три упоминания летописцем себя как очевидца («его же позоровахомъ и до вечера»³¹⁶, «а другому и самовидци быхомъ»³¹⁷, «его же повелѣнью быхъ азъ грѣшныи первок самовидецъ се же и скажу не слухомъ бо слышавъ но самъ в собѣ началникъ»³¹⁸). Такие высказывания появляются при повествовании о современных книжнику событиях и указывают на их синхронность жизни летописца. Это говорит об осознании историописателем важности отделения событий, свидетелем которых он был, от тех, о которых узнал из других источников. Примечательно, что во втором примере речь идет о чудесах печерского старца Исакия, поэтому высказывание летописца помимо констатации факта имело цель убедить читателя в подлинности этого события.

В отличие от ПВЛ, упоминания о себе как об очевидце в ЧХ выполняют структурообразующую функцию. Границу между первой и второй книгами хроники Козьма объясняет началом описания событий, очевидцем которых был сам или о которых слышал от очевидцев («мы всегда лучше рассказываем о том, что нам лучше известно, поэтому мы теперь попытаемся ... рассказать о том, что мы или сами видели, или

³¹⁴ Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику ... , с. 345-346.

³¹⁵ Подробнее о достоверности повествования от первого лица см.: Атарова К.Н., Лессик Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4, с. 346-347.

³¹⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 153 (1065).

³¹⁷ Там же, стб. 187 (1074).

³¹⁸ Там же, стб. 201 (1091).

достоверно установили со слов тех, кто сам видел [описываемое]»³¹⁹). В этом примере интересна не только причина разделения материала между книгами хроники, но и ссылка на Иеронима Стридонского (343-420) – создателя канонического латинского текста Библии (вульгаты³²⁰). В первой книге ЧХ Козьма не говорит о том, что он сам видел (показательны его слова о стихотворной эпитафии княгине Гемме: «**я то ли сам видел, то ли мне кажется, что я ее видел**»³²¹), а во второй и третьей книгах упоминает о себе как об очевидце несколько раз («**Я видел лично**»³²², «**сказать, что сам видел, немного я все же хочу**»³²³, «**как мы сами его (чудо – А.Ш.) видели**»³²⁴). В отличие от Козьмы Пражского, о себе как об очевидце описываемых событий Галл Аноним не упоминает. Однако о понимании автором польской хроники важности сообщений очевидцев свидетельствуют его стихотворные строчки («**Кто сидел в темнице князя, – знает его силу тот / Говорили ж мы лишь правду тут для прославления**»³²⁵), а также его рассуждение, предваряющее описание того, как Болеслав III в отрочестве убил медведя («**Этот поступок вызвал достаточно удивления у присутствующих, а тем, кто не видел, должно рассказать о такой смелости отрока**»³²⁶). Различие в отношении хронистов к сообщениям очевидцев обусловлено разной жанровой природой создаваемых ими текстов: хроника (ЧХ) больше ориентирована на документально точное

³¹⁹ ЧХ, с. 98 (1038, «*quae melius scimus, melius et proferimus, nunc ... ea fert animus dicere, quae ipsimet vidimus, vel quae ab his referentibus qui viderunt, veraciter audivimus*», ССВ, S. 66).

³²⁰ Первоначально термин «вульгата» (от лат. *versio vulgata* – общепринятый перевод) использовался для обозначения старолатинских переводов текста Септуагинты, однако Тридентский собор (1545) закрепил его за переводом блаженного Иеронима, который был признан католической церковью официальным текстом Библии, подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. X. М.: Православная энциклопедия, 2005, С. 25-27.

³²¹ ЧХ, с. 90 (1006, «*aut vidi, aut vidisse me memini*», ССВ, S. 62).

³²² Там же, с. 152 (1086, «*ego vidi ipsum*», ССВ, S. 93).

³²³ Там же, с. 158 (1090, «*Pauca tamen fari libet haec, quae vidimus ipsi*», ССВ, S. 96).

³²⁴ Там же, с. 181 (1100, «*uti ipsi vidimus*», ССВ, S. 106).

³²⁵ ХГА, с. 110 («*Que noverunt, que senserunt carceres et vincula, / Nos ad laudes, non ad fraudes, damus hec munuscula*», GPP, p. 220).

³²⁶ Там же, с. 74 («*Quod factum satis fuit illic astantibus ammirandum, et non videntibus pro tanta audacia pueri recitandum*», GPP, p. 138).

фиксирование событий, а деяния (ХГА) скорее направлены на их определенную интерпретацию.

В южнорусском летописании XII-XIII вв. свидетельства очевидцев переосмысливаются и в ряде случаев превращаются в фигуру речи. Так в КЛ летописец упоминает о себе как об очевидце при сообщении о строительстве князем Рюриком Ростиславичем в киевском Выдубицком монастыре стены под церковью святого Михаила, препятствовавшей разрушению церкви («**мнози бо преже насъ бѣвшєи желашє видѣти гажє мѣ видѣхомъ**»³²⁷). Этот фрагмент представляет собой похвальное слово³²⁸, поэтому апелляция к зрительному восприятию обусловлена требованиями жанра и имела своей целью подчеркнуть, что давно ожидаемое событие осуществилось. Другим примером зрительного восприятия в КЛ является описание сна, которое свидетельствует не о достоверности, а о субъективности повествования («**видѣ сонъ ... молющю ми сѣ много съ слезами престѣви Бѣи да бѣхъ видѣлъ ѿца Федосѣа**»³²⁹). В ГЛ и ВЛ нет упоминаний летописцев о том, что они сами что-то видели, однако сообщениями очевидцев книжники пользовались, что подтверждают их слова (Бурундай «**видѣ своимѣ очима**»³³⁰, «**самовидчи же тако рекоша**»³³¹). Отсутствие упоминаний о себе как об очевидцах связано с преобладанием в местных памятниках сообщений о недавних событиях, достоверность которых летописцы не стремились подчеркнуть высказываниями первого лица.

В тексте СЛ встречается несколько упоминаний книжниками о себе как об очевидцах. Летописец сообщает, что являлся свидетелем некоторых событий из жизни князя Александра Ярославича (о чем упоминает в начале летописной повести о его житии: «**самовидѣць есмъ възрастѣ его**»³³²) и

³²⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 712 (1200).

³²⁸ Подробнее о похвальной речи Моисея Выдубицкого см.: *Бегунов Ю.К.* Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 60-76.

³²⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 483 (1156).

³³⁰ Там же, стб. 850 (1262).

³³¹ Там же, стб. 891 (1272).

³³² ПСРЛ, Т. I, с. 204 (1263).

присутствовал на интронизации Митрофана, епископа Владимирского («приключися и мнѣ грѣшному тѣ быти, и видѣти дивна и преславна»³³³). В обоих приведенных случаях летописец хотел подчеркнуть важность описываемого события. Свидетельства других лиц имеют в СЛ форму третьего лица (о чуде в трех новгородских церквях: «всѣмъ людемъ видящимъ»³³⁴; «мнози борове и волота загорахуся, и дымове силны вяху, яко издадече бѣ видѣти человѣкомъ»³³⁵). Особенно много подобных высказываний в погодной статье 1230 года, повествующей о землетрясении и о небесных явлениях («нѣции видѣша рано ... зрящимъ всѣмъ людѣмъ ... бысть тако и того грознѣе въ Киевѣ, всѣмъ зрящимъ тако слышахомъ ѹ самовидѣць бывшихъ тамо въ то время ... тако сказаша намъ самовидци, бывши тамъ»³³⁶). В ряде случаев книжник не только сообщает об увиденном событии, но и предлагает его трактовку («Очивѣсто во Богъ и Мати Божія избави я милостью своею»³³⁷). Аналогичным образом в СЛ представлены сообщения о стихийных бедствиях, которые могли быть известны только очевидцу («бысть вода велика, потопа люди, жита, и хоромы үнесе»³³⁸, «во время литургіѣ загорися, и горѣ до вечера»³³⁹, «погодья имъ не бысть, вяхуть во дождове велми мнози день и ноць»³⁴⁰). Отсутствие в этих примерах глагола в форме первого лица не позволяет определить, являлся ли сам летописец очевидцем этих событий, или слышал о них от тех, кто видел эти происшествя.

Упоминания новгородских летописцев о том, что они сами что-либо видели, имеют свои особенности. Так слова летописца архиепископа Нифонта (1132-1156) от первого лица сообщают о погодных явлениях,

³³³ ПСРЛ, Т. I, с. 191 (1227).

³³⁴ Там же, с. 154 (1169).

³³⁵ Там же, с. 189 (1223).

³³⁶ Там же, с. 193 (1230).

³³⁷ Там же, с. 154 (1169).

³³⁸ Там же, с. 131 (1128).

³³⁹ Там же, с. 175 (1199).

³⁴⁰ Там же, с. 191 (1228).

которые могли быть известны только очевидцу («**высть громъ велии, яко слышахомъ чисто, въ истъвѣ сѣдяще**»³⁴¹, «**потомъ наиде дъжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы**»³⁴²). Последнее высказывание встречается и в последующем фрагменте НПЛ, предположительно написанным пономарем Тимофеем, что позволяет предполагать устойчивый характер этого выражения («**не видѣхомъ свѣтла дни**»³⁴³). Аналогичные высказывания от первого лица летописцев князя Всеволода (1117-1132) и архиепископов Гавриила и Мартирия (1187-1199) говорят о них как об очевидцах небесных явлений во время боголужения («**высть знамение Новѣгородѣ ... от грома мѣсяця мая въ 14, въ час 10: вечерню поющимъ**»³⁴⁴, «**громъ высть ... и мълниа; пришьдѣшмъ съ кресты ... и поющимъ 9 пѣснь**»³⁴⁵). Напротив, слова «**да и мы то видѣвшѣ**»³⁴⁶ (вероятно, принадлежащие пономарю Тимофею³⁴⁷) относятся к поражению московского войска у Коломны. Поскольку пономарь новгородской церкви вряд ли мог видеть это событие лично, слово «**видѣвшѣ**» указывает не на физиологическое созерцание события, а знание (получение информации) о нем. Приведенные примеры позволяют заключить, что новгородские книжники высказывались от первого лица при описании локальных событий, при этом сообщить лично о себе как об очевидце не было их приоритетной задачей.

Использование источников

В летописях и хрониках высказывания летописцев содержат упоминания о письменных и устных источниках. Если в ПВЛ и ХГА указания на использование устных сообщений неоднократно встречаются практически на всем пространстве текста и не сопровождаются

³⁴¹ НПЛ СИ, с. 25 (1138).

³⁴² Там же, с. 27 (1145).

³⁴³ Там же, с. 67 (1228).

³⁴⁴ Там же, с. 20 (1117).

³⁴⁵ Там же, с. 38 (1187).

³⁴⁶ Там же, с. 75 (1238).

³⁴⁷ Гиттиус А.А. Новгородская владычня летопись XII-XIV вв. и ее авторы ... , С. 215.

высказываниями от первого лица, то Козьма Пращский иногда допускает выражения «от себя»:

«**инни же не вѣдуще** *«Ходит пустая молва, «Говорят также»³⁵⁴,*
ркоша»³⁴⁸, *а с нею ложные «как полагают ...*
«се же не свѣдуще *толки»³⁵¹,* *неизвестно, по какому*
право глѣють ... инни *«Мы не признали за поводу ... как*
же рѣша ... друзни *лишнее вставить ... говорят»³⁵⁵.*
же рѣша *иначе* *что нам известно по*
сказающе»³⁴⁹, *слухам»³⁵²,*
«егоже невегласни *«теперь я очиню перо*
глѣють»³⁵⁰. *для повествования о*
том, что сохранилось в
правдивых рассказах
верных людей»³⁵³.

В приведенных высказываниях обращает на себя внимание недоверчивое отношение летописцев и Козьмы Пращского к устным источникам, что не выражено в словах Галла Анонима. Перволичные формы появляются в ПВЛ при сообщении о недавних событиях, когда летописцы упоминают имена своих «информантов». Это находит соответствие в ЧХ:

«**се же хощю сказати таже** *«Ибо я узнал через твоего*
слышахъ преже снхъ д̄ (4 – А.Ш.) *клирика Деокара, который по-*
лѣтъ таже сказа ми Гурѣта *дружески мне об этом тайно*
Роговичь Новгородецъ»³⁵⁶, *поведал, что ты с удовольствием*

³⁴⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 7.

³⁴⁹ Там же, стб. 97 (988).

³⁵⁰ Там же, стб. 153 (1065).

³⁵¹ ЧХ, с. 41 («*Vana volat fama, nec non et opinio falsa*», ССВ, S. 37).

³⁵² Там же, с. 48 («*Nec superfluum esse iudicavimus, quod referente fama audivimus, huic operi nostro hoc in loco summatim literarum apicibus inserere bellum*», ССВ, S. 39).

³⁵³ Там же, с. 57 («*Nunc ea quae vera fidelium relatio commendat*», ССВ, S. 44).

³⁵⁴ ХГА, с. 49 («*Dicitur etiam*», GPP, p. 74).

³⁵⁵ Там же, с. 51 («*Que plaga creditur ... occasione qua nescio, dicitur eam*», GPP, p. 80).

³⁵⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 224 (1096).

увидел бы те строки, которые я в свое время написал для Гервазия»³⁵⁸,

«оу него же (Яна Вышатича – А.Ш.) азъ слышахъ многа словеса таже вписахъ в лѣтописиць»³⁵⁷.

«мы хотим поведать о том, что некий священник ... рассказал мне это сам, тайно, по-дружески, но просил, ради Христа, не выдавать никому его имя. Я же ему верю, как себе»³⁵⁹.

Отметим, что летописец не сразу включил в свой труд услышанное от других людей. В отличие от ПВЛ и ЧХ, автор ХГА не называет имена своих «информантов» и не высказывается от первого лица («глубокие старцы даже рассказывают»³⁶⁰, «Они же (старцы и мудрецы – А.Ш.) истолковали это так ... Так это и было, хотя тогда можно было это истолковать иначе»³⁶¹). Эти слова Галла говорят о его большем внимании к интерпретации событий, чем к их достоверному изложению.

В качестве древнейшего использованного письменного источника летописец упоминает византийскую Хронику Георгия Амартола, после чего начинает использовать погодную сетку как основной композиционный прием летописи. Аналогичным образом объясняется датировка событий в ЧХ, которая сопровождается более пространством рассуждением Козьмы Пражского, а в польской хронике читаются только слова Галла о важности последовательного изложения событий:

³⁵⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 257 (1106). Подробнее о Яне Вышатиче см.: Горский А.А. Янь Вышатич: Проводник по истории Руси XI века. М., СПб.: Нестор-История, 2022. – 192 с.

³⁵⁸ ЧХ, с. 99 (1038, «Intellexi enim per tuum clericum nomine Deacarum, qui mihi clam innotuit familiariter, quod meas naenias quas olim Gervasio scripseram, velles videre libenter», ССВ, S. 66).

³⁵⁹ Там же, с. 240 (1125, «referamus qualiter presbiter ... enim clam mihi narravit familiariter, et ut nulli eum nomine proderem per Christum me rogavit amicabilem, cui ita ego uti mihi credo», ССВ, S. 131-132).

³⁶⁰ ХГА, с. 30 («Narrant etiam seniores antiqui», GPP, p. 22).

³⁶¹ Там же, с. 31 («sic antea fuisse ... indicabant ... Quod et ita se habuit, at aliter tamen interpretari potuit», GPP, p. 26).

«**В семъ бо оувѣдахомъ ... како же писашеть в лѣтописани Грѣцкомъ ... скажемъ что сд оудѣвало в лѣта си како же преже почали бдохомъ пѣрвое лѣто Михаила и по радѹ положимъ числа**»³⁶².

«Года от рождества Христова я стал приводить по порядку лишь со времени Борживоя, первого христианского князя. Дело в том, что в начале этой книги я не хотел ничего вымышлять, но я не нашел хроники, из которой мог бы узнать, когда, в какое время происходили те события, о которых ты (священник Гервазий – А.Ш.) прочтешь в последующем»³⁶³.

«хотя я опушу много славных деяний ... некоторые из них я не премину передать памяти потомства в последовательном изложении»³⁶⁴.

Эти высказывания говорят о стремлении книжников найти достоверную в их понимании точку отсчета истории своего народа³⁶⁵, а их отсутствие в ХГА (как и полное отсутствие дат) свидетельствует об иных целевых установках Галла Анонима, труд которого не был ориентирован на документальную

³⁶² ПСРЛ, Т. II, стб. 13 (852).

³⁶³ ЧХ, с. 30 («*Annos autem dominicae incarnationis idcirco a temporibus Borivoy primi ducis catholici ordinare coepi, qua in initio huius libri nec fingere volui, nec cronicam reperire potui, ut, quando vel quibus gesta sint temporibus scirem, quae ad praesens recitabis in sequentibus*», ССВ, S. 32).

³⁶⁴ ХГА, с. 24 («*cum multa et magnifica vobis gesta ... quedam tamen suggerere subsequenter posteriorum memorie non dimittam*», GPP, p. 4).

³⁶⁵ О хронологической точке отсчета в ПВЛ и ЧХ см.: *Ранчин А.М.* Оппозиция «природа – культура» в историософии Повести временных лет // *Натура и культура: Славянский мир.* М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 182-183.

точность. В других случаях высказывания от первого лица при упоминании письменных источников чаще встречаются в ПВЛ и ЧХ:

«рекуще съ Двѣмъ ... и паки рчемъ съ Двѣмъ»³⁶⁶, «тѣмъ же и мы послѣдствующе проорку глѣмъ»³⁶⁷. «Как мы узнали из исторического предания»³⁶⁸, «как читаем в грамоте церкви св. Юрия»³⁶⁹, «Мы полагаем не лишним копию этой привилегии вставить в наше сочинение; она содержит такой или подобного рода текст»³⁷⁰. «Подробнее об этом можно прочитать в книге о страданиях святого мученика»³⁷¹.

Как видно из приведённых примеров, высказывания летописцев вполне традиционные и представляют собой молитвенные обращения с опорой на библейский текст. Отметим, что в ПВЛ письменные источники неоднократно упоминаются, однако не сопровождаются высказываниями от первого лица («Глѣтъ Геѡргии в лѣтописцѣ»³⁷², «великын Анастасии Бжѣга города речѣ»³⁷³, «ѡ сѣковухѣ во и Гсѣ речѣ ... Соломонъ же речѣ»³⁷⁴ и др.). В этих случаях повествование от третьего лица характеризуется беспристрастностью и встречается в тех случаях, когда книжник не является участником описываемых событий³⁷⁵. Упоминания источников Козьмой

³⁶⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 107 (988).

³⁶⁷ Там же, стб. 223 (1096).

³⁶⁸ ЧХ, с. 31 («*sicut historica relatione didicimus*», ССВ, S. 32).

³⁶⁹ Там же, с. 64 («*Nam ut in privilegio ecclesiae sancti Georii legimus*», ССВ, S. 48).

³⁷⁰ Там же, с. 150 (1086, «*Cuius privilegii formam si huic operi nostro inseramus, non superfluum fore aestimamus, continent enim aut hunc aut huiusmodi textum*», ССВ, S. 91).

³⁷¹ ХГА, с. 33 («*sicut in libro de passione martiris potest propensius inveniri*», GPP, p. 34).

³⁷² ПСРЛ, Т. II, стб. 10.

³⁷³ Там же, стб. 30 (912).

³⁷⁴ Там же, стб. 194 (1078).

³⁷⁵ Иванайнен О.В. «Азъ» летописца ... , С. 405-408.

Пражским свидетельствуют о его образованности³⁷⁶ и имеют своей целью придать достоверность³⁷⁷ повествованию. Галл Аноним неоднократно упоминает письменные источники («Если мы будем описывать в отдельности трудности и разногласия с ним, мы, без сомнения, историю Сецеха доведем до объема книги о Югурте»³⁷⁸), однако факт заимствования при этом не оговаривает (в его тексте упоминаются Троя, Пергам, Гектор, Приам, Клеопатра³⁷⁹, а при описании сражений с чехами – античные персонажи: «С обеих сторон Марс развивает свои силы. Судьба играет, поворачивается колесо [судьбы] чехов, Парки режут нить их жизни, Цербер разевает прожорливую пасть, перевозчик трудится, переплывая через Ахеронт, Прозерпина смеется, Фурии выкладывают перед чехами змеинные одежды, а Евмениды готовят серные ванны, Плутон приказывает Циклопам изготовить рыцарям короны, достойные их заслуг, с зубами и языками змиев и драконов»³⁸⁰). Это говорит о кругозоре Галла Анонима, а также о его стремлении возвести деяния польских князей к событиям античной истории.

В местном южнорусском летописании об источниках сообщений книжники высказывались реже. Так в КЛ упоминаются устное сообщение о чудесном событии³⁸¹ («слышахомъ преже трѣи лѣтъ вывѣшее знамение в

³⁷⁶ Подробнее об ориентации Козьмы Пражского на латинские и библейские образцы см.: Мельников Г.П., Петрухин В.Я. Чешское «язычество» и «Славянские древности»: чешская средневековая традиция // Славяноведение. 2020. № 2. С. 12 – 13.

³⁷⁷ В этой связи интересно, что Монах Сазавский (один из продолжателей Козьмы Пражского) от первого лица «объявляет себя ответственным за структуру повествования и отбор фактов, но не выступает в качестве гаранта достоверности», см.: Комендова Й. «Летопись Монаха Сазавского» и Киевская летопись: сравнение методов историописания // Slověne. 2017. № 1. № 2. С. 265.

³⁷⁸ ХГА, с. 79 («si labores singulos et dissensiones Zethei describamus, gesta Zethei procul dubio Iugurtino volumini coequamu»), GPP, p. 148).

³⁷⁹ Там же, с. 107-108 (GPP, p. 212, 214).

³⁸⁰ Там же, с. 131 («Ex utraque parte Mars suas vires exercet, fortuna ludit, rota Bohemorum eversatur, a Parcis fila Bohemorum secantur, Cerberus ora vorantia laxat, portitor Acheronti navigando laborat, Proserpina ridet, Furie viperinas illis vestes explicant, Eumenides balnea sulphurea parant, Pluto iubet Cyclopes dignas fabricare coronas militibus merito venerandis, dentibus anguinis, linguis nec non draconini»), GPP, p. 266).

³⁸¹ Подробнее об апелляции к чуду см.: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / Пер. и ред. В.А. Бабинцева; послесловие А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. с. 398-399.

Новѣгородѣ»³⁸²) и некоторые письменные источники («**со прѣдвѣнѣмъ Мефедѣемъ глѣемъ»**³⁸³). Оба приведенных высказывания обнаруживают сходство с другими летописными памятниками (соответственно, с СЛ³⁸⁴ и ПВЛ³⁸⁵). В ГЛ книжники иногда оговаривали цитаты из письменных источников («**тако же писание глѣтъ»**³⁸⁶, «**такоже Ѡмиръ пишеть»**³⁸⁷), а в ВЛ высказывание книжника указывает на его недоверчивое отношение к устным сообщениям («**а друѣзи молѣвѣтъ ... но то не вѣдомо»**³⁸⁸). В обоих случаях летописцы не высказывались от первого лица, что говорит об их стремлении в духе средневековой традиции отметить авторитетность источника (или ее отсутствие), но не предлагать свою трактовку событий.

В СЛ книжники высказывались от первого лица при упоминании преимущественно устных источников. Так они дважды называют информантов – великого князя Александра Ярославича и его приближенных («**слышахъ отъ отецъ своихъ»**³⁸⁹, «**Ѣи же вся слышахъ отъ господина своего великого князя Олександра и отъ инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася въ той сѣчи (Невской битве – А.Ш.)»**³⁹⁰). Высказывания от первого лица при упоминании письменных источников для СЛ нехарактерны («**Тѣмже и мы, послѣдующе Давыду пророку, глаголемъ»**³⁹¹, «**слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите»**³⁹²). Более многочисленны в СЛ упоминания источников, которые не сопровождаются высказываниями от первого лица. Помимо традиционных упоминаний Бога

³⁸² ПСРЛ, Т. II, стб. 561 (1173).

³⁸³ Там же, стб. 713 (1200).

³⁸⁴ ПСРЛ, Т. I, с. 154 (1169). В обоих изводах НПЛ это сообщение отсутствует, см.: НПЛ СИ, с. 33 (1069), с. 34 (1173); НПЛ МИ, с. 221 (1069), с. 223 (1173).

³⁸⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 225 (1096).

³⁸⁶ Там же, стб. 767 (1231).

³⁸⁷ Там же, стб. 770 (1233). Козьма Пражский также упоминает Гомера (ЧХ, с. 30) и персонажей его произведений (ЧХ, с. 39).

³⁸⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 892 (1283).

³⁸⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 204 (1263).

³⁹⁰ Там же, с. 206 (1263).

³⁹¹ Там же, с. 163 (1177).

³⁹² Там же, с. 209 (1305).

или пророков («**Самъ во Христосъ Богъ рече**»³⁹³, «**якоже Апостолъ учить**»³⁹⁴, «**якоже Пророкъ глаголетъ**»³⁹⁵), такие высказывания сочетаются с оценкой («**О семъ уво добро извѣстно Апостолъ глаголаше**»³⁹⁶), сравнением («**якоже въ Евангелии глаголетъ ... тако и здѣ**»³⁹⁷) или друг с другом («**Давидъ пророкъ глаголетъ ... Соломонъ премудрый глаголетъ ... Исаія пророкъ глаголетъ**»³⁹⁸). Отметим, что письменные источники представлены в СЛ весьма разнообразно: в тексте летописи упоминаются книги («**якоже книги глаголють**»³⁹⁹, «**якоже самъ истина Христосъ рече въ святѣмъ Евангелии**»⁴⁰⁰), варианты именования автора («**якоже рече Приточникъ**»⁴⁰¹, «**и здѣ наполнится писанье Певца ... и здѣ исполнися писанье Пѣсенника**»⁴⁰²) или точное место цитируемого текста («**и исполнися писаное въ псалмѣ 83-м**»⁴⁰³). Приведенные высказывания в тексте расположены компактно (погодые статьи 1206-1231 гг.), что важно при атрибуции этого фрагмента. Расширение круга упоминаемых летописцем источников говорит о постепенном развитии их повествовательного мастерства.

Текст НПЛ практически не сохранил высказываний книжников от первого лица при использовании источников. Одним из немногих примеров являются слова летописца архиепископа Антония (1211-1226) в рассуждении о приходе на Русь неизвестных народов, в которых книжник сочетает высказывания от первого и от третьего лица («**а зовутъ я Татары, а инни глаголють Таурмене, а друзии Печенѣзи ... о нихъ же Мефодии, Патомьскыи епископъ, съвѣдѣтельствуетъ ... прѣмудрии мѹжи вѣдятъ**

³⁹³ ПСРЛ, Т. I, с. 166 (1185).

³⁹⁴ Там же, с. 157 (1175).

³⁹⁵ Там же, с. 170 (1186), с. 197 (1237).

³⁹⁶ Там же, с. 178 (1206).

³⁹⁷ Там же, с. 160 (1176).

³⁹⁸ Там же, с. 171 (1187), аналогичный пример с. 177 (1206).

³⁹⁹ Там же, с. 156 (1174).

⁴⁰⁰ Там же, с. 195 (1231).

⁴⁰¹ Там же, с. 181 (1206).

⁴⁰² Там же, с. 194 (1230).

⁴⁰³ Там же, с. 193 (1230).

я добръ, кто книги разумѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто сѣть; нъ сдѣ въписахомъ ... слышахомъ во ... и не съвѣдаемъ»⁴⁰⁴). Подобный фрагмент встречается и в СЛ⁴⁰⁵, что позволяет предположить его заимствование переписчиками из более раннего протографа. Отметим в нем противопоставление книжником себя сведущим людям, что типично для средневековой книжной традиции⁴⁰⁶. Отсутствие высказываний новгородских летописцев от первого лица при упоминании источников говорит об их ориентации на описание происходивших событий, а не на объяснение их смысла. Это обусловлено владычным характером новгородского летописания и принадлежностью книжников к клиру и к белому (а не черному) духовенству.

§2.3. Принципы работы книжников

Последовательность исторического повествования организуют «элементы нарративной структуры»⁴⁰⁷ – начала повествовательных фрагментов («зачины»), их окончания («заклучения») или фразы, соединяющие разные фрагменты друг с другом («связки»). Совокупность таких высказываний образует «метатекст», поскольку они «сшивают текст о предмете в тесно спаянное целое» и влияют на его восприятие (интерпретацию)⁴⁰⁸. Древнерусские летописи типологически представляют «форму анналистической историографии», которая характеризуется высокой

⁴⁰⁴ НПЛ СИ, с. 61-62 (1224).

⁴⁰⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 189 (1223).

⁴⁰⁶ Выражение в приведенном фрагменте книжником своей неуверенности отмечала Н.В. Трофимова, см.: *Трофимова Н.В.* Автор в древнерусских воинских повестях // Вестник славянских культур. 2011. Т. XX. №. 2. С. 60.

⁴⁰⁷ Термин Ф. Анкерсмита, см.: *Анкермит Ф.* Нарративная логика ... , С. 14.

⁴⁰⁸ *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 404, 406-407. О типах историографического метатекста в ЧХ см.: *Комендова Й.* Историографический метатекст в «Повести временных лет» и «Чешской хронике» Козьмы Пражского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 55.

степенью дискретности текста⁴⁰⁹, поэтому способы организации в них исторического материала вызывают особенный интерес. В настоящем параграфе рассмотрены высказывания книжников от первого лица, которые начинают, завершают или связывают друг с другом фрагменты исторического повествования.

В ПВЛ от своего имени киевские летописцы высказывались в начале всего свода («**Лѣтписецъ Рускии съ Бмѣъ починамъ учѣ блгсѣв ... се начнемъ повѣсть сию**»⁴¹⁰) или отдельных фрагментов («**И се да скажемъ ... чего ради прозвасѣ Печерьскыи монастырь**»⁴¹¹, «**тако се скажемъ вѣсовьско наоущени и дѣиство**»⁴¹², «**се же повѣмъ мало нѣчто**»⁴¹³). Такие выражения не вынесены в подзаголовки⁴¹⁴, основная часть которых не отмечена авторским присутствием («**Начало княжныа Стѣславьла**»⁴¹⁵, «**Начало Стѣполча Киевѣ княженья**»⁴¹⁶). Некоторые подзаголовки летописных фрагментов («**Оувьеньи Борисовѣ**»⁴¹⁷, «**Начало княженья Ярославля Киевѣ**»⁴¹⁸) и высказывания от первого лица («**яко же и в прежнее лѣто сказахъ**»⁴¹⁹, «**се же скажемъ**»⁴²⁰), помещенные в более ранней Лаврентьевской летописи, отсутствуют в Ипатьевском списке⁴²¹. Возможно, они принадлежали переписчику, и составитель Ипатьевской летописи не счел нужным включать их в создаваемый им текст. В отличие от ПВЛ, большинство «зачинов» в ЧХ и ХГА выполняют дидактическую функцию: Козьма и Галл сообщают в них

⁴⁰⁹ Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 175-176.

⁴¹⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 2.

⁴¹¹ Там же, стб. 143 (1051).

⁴¹² Там же, стб. 164 (1071).

⁴¹³ Там же, стб. 203 (1091).

⁴¹⁴ С.М. Михеев предложил рассматривать тематические подзаголовки как маркеры слоев текста, написанных разными авторами, см.: Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. С. 188-190.

⁴¹⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 46 (945).

⁴¹⁶ Там же, стб. 209 (1093).

⁴¹⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 57 (1015).

⁴¹⁸ Там же, с. 61 (1016).

⁴¹⁹ Там же, с. 116 (1098).

⁴²⁰ Там же, с. 119 (1104).

⁴²¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 118 (1015), 129 (1016), 248 (1098), 256 (1104).

о примерах для подражания или предостережения («*Но для пользы из многих событий я поведаю только одно*»⁴²², «чтобы не ограничиться лишь бессодержательной речью ... вспомним о его воинских подвигах»⁴²³). Такие рассуждения хронистов большей частью распространены, а кратких высказываний существенно меньше («я скажу немного»⁴²⁴, «я собираюсь рассказать»⁴²⁵), что говорит об отсутствии у них стремления использовать в подобных случаях устойчивые выражения.

В ПВЛ и ЧХ книжники объясняли нарушение последовательного изложения. Если чешский хронист ограничивается кратким упоминанием, то древнерусский книжник отсылает читателя к последующему тексту (погодной записи 1074 года, т.е. «23 года спустя»):

«се же написахъ и положихъ и в кое лѣтѣ почалъ быти манастирь и что ради зоветься Печерьскыи манастирь а во Федосьвѣ жити паки скажемъ»⁴²⁶. **«Пусть не покажется странным, если мы не в должном порядке сейчас сообщим о том, о чем должны были сказать еще раньше»**⁴²⁷.

Эти высказывания указывают на целостное восприятие книжниками фрагмента текста, поскольку часто подобные отсылки не оговариваются. В большинстве случаев подобные высказывания летописцев имеют вид устойчивых формул⁴²⁸ («**тако же ркохомъ**»⁴²⁹, «**во немъ же прже сказахомъ ... тако же послѣдѣ скажемъ**»⁴³⁰, «**такоже глахъ**»⁴³¹, «**паки скажемъ**»⁴³²).

⁴²² ЧХ, с. 84 (1002, «*Utile de multis factum referam tamen unum*», ССВ, S. 59).

⁴²³ ХГА, с. 66 («*Sed ne tanti ... nudo sermone transeamus, aliquo eum ornamento militie vestiamus*», GPP, p. 116).

⁴²⁴ ЧХ, с. 187 (1101) («*referam pauca*», ССВ, S. 109).

⁴²⁵ ХГА, с. 92 («*dicturus sum*», GPP, p. 178).

⁴²⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 149 (1051).

⁴²⁷ ЧХ, с. 225 (1122, «*Verumtamen non videatur esse absurdum, si praepostero ordine referamus, quae antea referre debuimus*», ССВ, S. 125).

⁴²⁸ Подобные отсылки к другому фрагменту летописи рассмотрены О.В. Иванайнен, см.: Иванайнен О.В. «Азъ» летописца ... , С. 523-527.

⁴²⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 9, 141 (1037).

⁴³⁰ Там же, стб. 65, 67 (980).

⁴³¹ Там же, стб. 148 (1051).

⁴³² Там же, стб. 149 (1051).

Аналогичные высказывания в форме первого лица употребляет и Козьма Пращский («о которых мы говорили уже раньше»⁴³³), однако чаще он предпочитает использовать безличные конструкции («как было уже сказано»⁴³⁴, «в своем месте будет сказано подробнее»⁴³⁵, «будет достаточно подробно рассказано в своем месте»⁴³⁶, «о котором часто уже говорилось»⁴³⁷). То обстоятельство, что текст ХГА подобных высказываний практически не содержит, говорит о влиянии погодной сетки на восприятие книжником своего текста: не используя даты, Галл был избавлен от необходимости вносить добавления в уже написанный текст или отсылать читателя к тому, о чем будет рассказано после. В ХГА это проявилось еще и в том, что некоторые сюжеты прерываются сообщениями о других событиях (как в случае повествования о походе Болеслава I на Киев в 1018 году⁴³⁸).

В летописях и хрониках книжники часто возвращались к основному повествованию после пространных отступлений. В подобных случаях летописцы употребляли традиционную формулу «мы на предлежащее възъвратимсѧ»⁴³⁹ (ее варианты: «мы же на преднее възвратимсѧ»⁴⁴⁰, «мы на прежерѣченое оуворотимсѧ такоже бѣхомъ глїи первѣе»⁴⁴¹, «но мы на преже реченою оузвратѣмьсѧ»⁴⁴²). Сходство приведенных формул с выражениями авторов западноевропейских хроник отмечал Н.К. Гудзий: «когда наш летописец вводит в свое изложение какой-либо эпизод, нарушающий хронологическую последовательность, он, возвращаясь к прерванному изложению, предваряет это словами: “но мы на передняя

⁴³³ ЧХ, с. 218 (1114, «*de quibus supra diximus*», ССВ, S. 122).

⁴³⁴ Там же, с. 79 (999, «*ut supra relatam est*», ССВ, S. 56).

⁴³⁵ Там же, с. 82 (1101, «*in suo loco plenius exarabuntur stilo*», ССВ, S. 57).

⁴³⁶ Там же, с. 130 (1062, «*in suis locis ... satis copiose tractabitur*», ССВ, S. 80).

⁴³⁷ Там же, с. 215 (1109, «*saepe dictus*», ССВ, S. 120).

⁴³⁸ ХГА, с. 35-41 (GPP, p. 40-54). Об этом походе и его изображении в ПВЛ и ХГА см.: Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М.: Наука, 1964. С. 234-268.

⁴³⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 13 (852), стб. 159 (1068).

⁴⁴⁰ Там же, стб. 67 (980).

⁴⁴¹ Там же, стб. 226 (1096).

⁴⁴² Там же, стб. 238 (1097). В Лаврентьевской летописи это высказывание читается иначе: «**Но мы на свое възвратимся**», ПСРЛ, Т. II, с. 112 (1097).

возвратимся”, “после скажем”, “и се да скажем” и т.д., соответствующими формулам западноевропейских летописцев: “Sed ad coeptum, unde degressi sumus redeamus”, “ad coeptum potius revertamur” и т.д.»⁴⁴³. Добавим, что рассматриваемая формула находит аналогию уже в «Истории» Геродота (V в до н.э.: «**я же возвращусь к своему прежнему рассказу**»⁴⁴⁴). Однако помимо отмеченного Н.К. Гудзием сходства, приведенные выражения в восточно- и западнославянских памятниках имеют существенные отличия. По сравнению с ПВЛ, в ЧХ и ХГА подобные высказывания книжников более пространные. Так Козьма Пражский часто употребляет двухчастные конструкции («**Но помолчим [о том], что предано молчанию, и вернемся к тому, от чего мы немного отделились**»⁴⁴⁵, «**Вернемся теперь к тому, что мы обещали [рассказать] и, посмотрим**»⁴⁴⁶). Галл Аноним использует целый набор разнообразных «связок», которые обозначают смену эпизодов («**вернемся к основной теме нашего изложения**»⁴⁴⁷), содержат обращение к читателю («**Я не умолчу также о другом его поступке, ... хотя и знаю, что не во всем ужожу [его] соперникам**»⁴⁴⁸), являются примером «свободного» обращения с описываемыми лицами («**пусть юноша немного отдохнет от трудов, пока перо наше не похоронит в мире князя Владислава**»⁴⁴⁹, «**вернем императора из Венгрии, Болеслава из Чехии**»⁴⁵⁰), сочетаются с различными выразительными средствами («**предоставим императору немного побродить по лесам Польши, пока не вернем из Поморья**

⁴⁴³ Гудзий Н.К. Сравнительное изучение литератур в русской науке // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 72.

⁴⁴⁴ Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 56.

⁴⁴⁵ ЧХ, с. 47 («**Set sileamus de quibus siletur, et redeamus unde paulo deviavimus**», ССВ, S. 39).

⁴⁴⁶ Там же, с. 136 (1068, «**Nunc autem ad ea quae supra promisimus redeamus, et ... videamus**», ССВ, S. 84).

⁴⁴⁷ ХГА, с. 28 («**ad intentionis nostre propositum revertamur**», GPP, p. 14).

⁴⁴⁸ Там же, с. 74 («**huic simile non tacebo, quamvis noverim quia emulis non per omnia complacebo**», GPP, p. 138).

⁴⁴⁹ Там же, с. 82 («**ad presens se puer aliquantulum a labore reficiat, dum ducem Wladizlauum ... in pace nostra penna sepeliat**», GPP, p. 156).

⁴⁵⁰ Там же, с. 102 («**imperatorem de Vngaria, Bolezlauum vero de Bohemia reducamus**», GPP, p. 200).

огнедышащего дракона (*т.е. Болеслава III – А.Ш.*)»⁴⁵¹, «так как мы, начав от корня, кратко прошли по всему родословному древу, мы приготовили и перо и разум наш для того, чтобы упомянуть в общем списке имен еще одну плодоносную ветвь»⁴⁵²). Подобное разнообразие «связок» обусловлено отсутствием дат в ХГА, в результате которого польский хронист должен был соединять отдельные эпизоды друг с другом собственными высказываниями. Это согласуется с наблюдением о «хронологической очередности элементов глубинной структуры» как произвольной особенности элементов метатекста (*т.е. обусловленной авторской интенцией*) и об их количестве как «одном из существенных показателей стилистических различий»⁴⁵³.

По сравнению с ПВЛ, в КЛ «элементов нарративной структуры» существенно меньше. Так в начале повествовательных фрагментов книжники приводили традиционное высказывание («**мы же оубо в семь погльмь**»⁴⁵⁴), а фраза по окончании могла быть обусловлена требованиями другого жанра (как в случае похвалы Рюрику Ростиславичу: «**пою ти п'ѣс повѣдною аки Марнамъ древле**»⁴⁵⁵). Большинство отсылок к другому фрагменту текста в КЛ имеет вид устойчивых формул («**прѣди нарекомъ**»⁴⁵⁶, «**преди написахомъ**»⁴⁵⁷, «**ниже башеть рекль**»⁴⁵⁸, «**преди въспоминахъ**»⁴⁵⁹). Иногда наблюдается их парное употребление («**еже и послѣди скажемъ мы же на прежнее възвратимсѧ**»⁴⁶⁰), что В.Ю. Франчук относит к особенностям повествовательной манеры Моисея Выдубицкого⁴⁶¹. Сопоставление общего

⁴⁵¹ ХГА, с. 114 («*autem paulisper cesarem spatiari per silvas Polonie permittamus, donec draconem flammivomum de Pomorania reducamus*», GPP, p. 230).

⁴⁵² Там же, с. 60 («*quia succincte per arborem a radice derivando transivimus, ad inserendum cathalogo ramum pomiferum et stilum et animum applicemus*», GPP, p. 104).

⁴⁵³ *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 409, 421.

⁴⁵⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 629 (1183).

⁴⁵⁵ Там же, стб. 714 (1200).

⁴⁵⁶ Там же, стб. 311 (1142).

⁴⁵⁷ Там же, стб. 338-339 (1146), стб. 577 (1174).

⁴⁵⁸ Там же, стб. 432 (1151).

⁴⁵⁹ Там же, стб. 530 (1168).

⁴⁶⁰ Там же, стб. 574 (1174), стб. 702-704 (1197).

⁴⁶¹ *Франчук В.Ю.* Киевская летопись ... , С. 65-66.

числа высказываний книжников от первого лица с упоминаниями времени в тексте ИЛ позволило установить следующую корреляцию: при увеличении числа упоминаний о времени, количество высказываний от первого лица уменьшается (см. таблицу).

Формы авторского присутствия	Общее число примеров в источниках			
	ПВЛ (...-1117)	КЛ (1118-1200)	ГЛ (1201-1261)	ВЛ (1262-1292)
Глаголы в форме 1-го лица	135 ⁴⁶²	41	19	16
Упоминания о времени ⁴⁶³	28	171	37	24

Мы полагаем, что уменьшение «элементов нарративной структуры» в КЛ обусловлено частными сообщениями о времени, что указывает на более выраженное анналистическое начало в этом памятнике⁴⁶⁴.

В ГЛ «элементы нарративной структуры» претерпевают скорее не количественную, а качественную трансформацию. Рассуждение галицкого летописца об употреблении дат⁴⁶⁵ своеобразно и нетипично для летописания («Здѣ не писахомъ в заднага впишемъ ... всѣ же лѣта спишемъ роцетъше во задныа»⁴⁶⁶). Особенностью ГЛ является выражение книжника, в котором он говорит о себе в третьем лице и который обнаруживает текстуальное сходство с фрагментом из славянского перевода хроники Иоанна Малалы:

«хронографоу же ноужа есть «хронографж ноужа есть писати писати все и всѣ бывшага шбогда вси, еликоже есть, кьи оубо

⁴⁶² Данное количество примеров приводится с учетом высказываний от первого лица во фрагменте ПСРЛ, Т. II, стб. 239-240 (1097), который мог быть включен в текст ПВЛ в последующее время.

⁴⁶³ В таблице не учитывается количество употреблений традиционных формул «в лѣто» и «в то же лѣто».

⁴⁶⁴ Подобный характер записей встречается не только в памятниках книжности. В 2014 году в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (Великий Новгород) была обнаружена группа надписей-граффити 1160-х гг., в которой события изложены по годам и сделаны одним почерком, см.: Гимон Т.В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 757.

⁴⁶⁵ Факт первоначального отсутствия дат в ГЛ считается общепризнанным, см.: Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. С. 5.

⁴⁶⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 820 (1254).

же писати впереднага швогда же црствоваалъ црѣ, ѿнелѣже быс
 востоупати в заднага чьтыи нарѣченъ црѣ. лѣпо есѣ оубо
 моудрын разоумѣеть»⁴⁶⁷.
 чѣщемоу лѣтнага списаниа
 количества смотри
 мимотекоуцих лѣт, а не точию ѿ
 предписанных црствѣхъ»⁴⁶⁸.

Интересен не только факт заимствования этого примера, но и ожидания книжника, что такой способ повествования будет понятен читателю⁴⁶⁹. Упоминания Галицких летописцев о том, что о некоторых моментах они не будут рассказывать, находят соответствия в рассматриваемых хрониках:

«инѣхъ вѣщисла «мне представляется «Если бы я стал
 воеводѣ нѣже не лучше об этом перечислять только их
 исписахомъ зден»⁴⁷⁰, умолчать, чем имена (правителей
 «не хотѣхомъ рассказать меньше других государств –
 писати ѿ множества того, что было»⁴⁷³. А.Ш.), то труд
 ради»⁴⁷¹,
 «за множество весь
 не списахомъ»⁴⁷².
 растянул бы и на
 завтрашний день»⁴⁷⁴.

В отличие от ПВЛ, где летописцы о некоторых моментах не писали «срама ради»⁴⁷⁵, главной причиной отказа от перечисления в ГЛ является

⁴⁶⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 820 (1254).

⁴⁶⁸ ХИМ, С. 359. Факт заимствования этого фрагмента отмечался ранее, см.: Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии ... , С. 241-242.

⁴⁶⁹ Первоначально в ГЛ отсутствовала погодная сетка, которая была добавлена позднее, подробнее см.: Котляр Н.Ф. О возможной природе нетрадиционной структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 36-54.

⁴⁷⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 785 (1240).

⁴⁷¹ Там же, стб. 800 (1248).

⁴⁷² Там же, стб. 821 (1254).

⁴⁷³ ЧХ, с. 84 (1002, «mihi videatur de his tacere melius, quam dicere minus et quam habeatur in re», ССВ, S. 59).

⁴⁷⁴ ХГА, с. 107 («Quid de Alexandro Magno, quid de Antiocho, quid de Medorum atque Persarum regibus, quid de tyrannis barbarorum memorarem, quorum si tantum nomina recitarem, opus hodiernum in diem crastinum prolongarem», GPP, p. 212).

⁴⁷⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 72 (986), стб. 153 (1065).

многочисленность. Козьма Пражский, отказываясь от подробного изложения событий, ссылается на другие источники, с которыми он был знаком⁴⁷⁶ («**мы предпочли лучше опустить это, чем вызвать недовольство читателя, ибо обо всем этом можно прочесть и трудах, написанных другими**»⁴⁷⁷, «**достаточно, как я полагаю, рассказано в житии святого мужа [Вацлава]**»⁴⁷⁸, «**И не пристало уж мне, что сказано, вновь повторять**»⁴⁷⁹). Хотя текст ЧХ был создан на полтора столетия раньше ГЛ, в силу географической близости есть основание предполагать влияние на галицких книжников латинской историографической традиции⁴⁸⁰. Многие высказывания авторов ГЛ имеют вид устойчивых формул («**иногда скажемъ**»⁴⁸¹, «**предѣ сказахомъ**»⁴⁸², «**потомъ спишемъ**»⁴⁸³), некоторые из которых претерпели трансформацию («**мы же се вставлеше на преднее возвратимъса**»⁴⁸⁴), что указывает на восприятие киевских летописных памятников в качестве образцов.

Волынские книжники также высказывались от первого лица о том, что о некоторых моментах они не будут сообщать, при этом в качестве причин называли и «срам», и многочисленность («**егоже безаконья не могохомъ писати срама ради**»⁴⁸⁵, «**Володимѣри ѣха во свои городы в Лоуческъ и в Доубень и во инын городы ихже не псахъ**»⁴⁸⁶). Особенностью ВЛ является

⁴⁷⁶ О чтении как «культурной практике» см.: *Шартье Р.* Новая культурная история // *Номо Historicus*: в 2-х кн. Кн. I. М.: Наука, 2003. С. 271–284.

⁴⁷⁷ ЧХ, с. 58 («*maluimus praetermittere quam fastidium legentibus ingerere, quia iam ab aliis scripta legimus*», ССВ, S. 45).

⁴⁷⁸ Там же, с. 59 («*sufficientur dictum puto in passionis eiusdem sancti viri tripudio*», ССВ, S. 46).

⁴⁷⁹ Там же, с. 74 (995, «*Nam mihi iam dicta bis dicere non placet ista*», ССВ, S. 54).

⁴⁸⁰ Подробнее о греческо-чешско-болгаро-русских литературных связях в IX–XIII вв. см.: *Робинсон А.Н.* Древнерусская литература в литературном процессе средневековья XI – XIII вв. (очерки литературно-исторической типологии). М.: Наука, 1980. С. 55–64.

⁴⁸¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 740 (1223).

⁴⁸² Там же, стб. 808 (1250), стб. 837–838 (1257).

⁴⁸³ Там же, стб. 841 (1259).

⁴⁸⁴ Там же, стб. 752 (1227).

⁴⁸⁵ Там же, стб. 868–869 (1270).

⁴⁸⁶ Там же, стб. 905 (1287).

подробное описание кончины и погребения Владимира Васильковича⁴⁸⁷ и наличие завершающей фразы, что находит соответствия в хрониках:

**«ТОУТОЖ ПОЛОЖИМ «Я же и повесть «с окончанием его
конец закончу, коль нашему (Казимира – А.Ш.)
Владимерову князю конец»⁴⁸⁹. жизни положим предел
княженію»⁴⁸⁸. и труду того, кто о нем
пишет»⁴⁹⁰.**

Это свидетельствует о стремлении придать большее значение повествованию о времени правления данного князя, которое летописец, вероятно, понимал как основную задачу своего труда. Высказывания волынских летописцев, начинающие повествовательный фрагмент («**сиче скажемъ**»⁴⁹¹, «**болезньж его си скажемъ**»⁴⁹²) или отсылающие к другому фрагменту летописи («**передѣ псахомъ**»⁴⁹³, «**передѣ сказахомъ**»⁴⁹⁴), имеют вид устойчивых выражений. Это говорит об ослаблении галицкой традиции и об ориентации владимир-волынских книжников на киевские летописные образцы.

В СЛ «зачины» встречаются чаще, чем «заклучения». Большинство из них являются топосами, предваряющими небольшой повествовательный фрагмент («**едино отъ нихъ (небесных знаменій – А.Ш.) скажемъ**»⁴⁹⁵, «**нихже имена (добродетелей – А.Ш.) в малѣ повѣмь**»⁴⁹⁶, «**скажемъ вкратцѣ**»⁴⁹⁷, «**Скажемъ же мѹжство и житье его**»⁴⁹⁸). Отсылки читателя к другому фрагменту летописи («**послѣди скажемъ**»⁴⁹⁹) и «заклучения» читаются в СЛ достаточно редко («**се же списахомъ, да не наскакають нѣци на**

⁴⁸⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 918-919 (1289).

⁴⁸⁸ Там же, стб. 927 (1289).

⁴⁸⁹ ЧХ, с. 237 (1125, «*Sit libri finis, nostri ducis est ubi finis*», ССВ, S. 130).

⁴⁹⁰ ХГА, с. 53 («*vite terminum finienti, finem terminemus et scribendi*», GPP, p. 86).

⁴⁹¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 858 (1262), стб. 887 (1281).

⁴⁹² Там же, стб. 914 (1288).

⁴⁹³ Там же, стб. 861 (1264), стб. 882 (1280), стб. 907-908 (1287).

⁴⁹⁴ Там же, стб. 892 (1283).

⁴⁹⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 176 (1203).

⁴⁹⁶ Там же, с. 200 (1239).

⁴⁹⁷ Там же, с. 205 (1263).

⁴⁹⁸ Там же, с. 204 (1263).

⁴⁹⁹ Там же, с. 156 (1175), с. 207 (1284).

святительский санъ, но его же позоветъ Богъ»⁵⁰⁰), последние иногда сочетаются с «зачином» (как в повествовании о леонтианской ереси: **«Скажемъ в малѣ ... Се же сказахомъ вѣрныхъ дѣля людѣй, да не влазнятъся о праздницѣхъ Божьихъ»⁵⁰¹**). «Связки», используемые книжниками в СЛ, в большинстве случаев представляют собой летописную формулу **«Но мы на предняя възвратимся»⁵⁰²** (ее вариант **«на предреченая взидемъ»⁵⁰³**), которая в ряде случаев сочетается с другим глаголом в форме первого лица (**«възвратимся вспять, о нихъ же почали вяхомъ преже глаголати»⁵⁰⁴**, **«на прежереченая взидемъ ... еже прежде сказахомъ»⁵⁰⁵**). Неоднократно в СЛ встречается фраза книжника, которую он использует для отказа от подробного изложения событий (**«Но то оставимъ»⁵⁰⁶**). О принципах работы книжника свидетельствует известная приписка монаха Лаврентия, который называет недостатки своей работы переписчика («списателя») и обращается к читателю с просьбой о снисхождении (**«господа отци и братья, оже ся гдѣ будѣ описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените»⁵⁰⁷**). Летописец соотносит свой труд с образами купца, кормчего и странника, некоторые из которых находят соответствие со словами Галла Анонима:

«Радѣется купецъ, прикупъ «моряк, сидя в своей лодочке, створивъ, и кормчѣй въ отишье может спокойно плыть по приставъ, и странникъ въ волнам бушующего моря, если он отечество свое пришедъ; такоже имеет опытного рулевого, радѣется и книжный списатель, умеющего уверенно управлять

⁵⁰⁰ ПСРЛ, Т. I, с. 152 (1169).

⁵⁰¹ Там же, с. 150 (1164).

⁵⁰² Там же, с. 157 (1175), с. 162 (1177), с. 182 (1207).

⁵⁰³ Там же, с. 198 (1237), с. 200 (1239).

⁵⁰⁴ Там же, с. 180 (1206).

⁵⁰⁵ Там же, с. 195 (1231).

⁵⁰⁶ Там же, с. 197 (1237). В последующем тексте СЛ читается более пространственный пример: **«Много о том писати, но то оставимъ»**, см. там же, с. 207 (1283).

⁵⁰⁷ Там же, с. 209 (1305).

ДОШЕДЪ КОНЦА КНИГАМЪ»⁵⁰⁸.

**ею по движению ветра и
расположению звезд»⁵⁰⁹.**

Приведенные сравнения говорят о понимании Лаврентием и Галлом своего труда как пути, плавания в бушующем море, что является распространенной метафорой христианского сознания⁵¹⁰.

Текст НПЛ содержит существенно меньше «зачинов», «заклучений» и «связок» по сравнению с памятниками южной и северо-восточной Руси, а высказывания новгородских книжников о принципах повествования имеют свои особенности. Так отказ от перечислений летописца архиепископа Митрофана (1200-1210) при описании разграбления Константинополя фрягами, сходен с высказыванием Галла Анонима:

**«ИМЪ ЖЕ НЕ МОЖЕМЪ ЧИСЛА
СЪПОВѢДАТИ ... ЯКО НЕ МОЖЕМЪ
ЧИСЛА ПОВѢДАТИ ... ТО ЖЕ ВСѢ
ВЪ ЕДИНОИ СОФИН СКАЗАХЪ ...
НИНѢХЪ ЖЕ ЦЕРКНИ НЕ МОЖЕТ
ЧЕЛОВѢКЪ СКАЗАТИ, ЯКО ВЕЩИСЛА
... ИМЪ ЖЕ НЕ МОЖЕМЪ ЧИСЛА, НИ
КРАСОТЫ НИХЪ СКАЗАТИ»⁵¹¹.**

**«И нет возможности
перечислить, скольких убил он
из тех, кто сопротивлялся ему
и никто не может точно
сосчитать тысячи погибших
неприятелей, о которых
известно, что они сошлись к
сражению в несметном
количестве»⁵¹².**

В приведенном фрагменте НПЛ использование форм третьего лица было необходимо летописцу для того, чтобы усилить отрицательную оценку («не только я, но никто не может перечислить всего содеянного»). В других

⁵⁰⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 209 (1305).

⁵⁰⁹ ХГА, с. 23-24 («*securus nauta poterit in navicula residens per undas sevientis freti navigare, qui nauclerum habet peritum, qui scit eam certam ventorum et syderum moderamine gubernare*», GPP, p. 2, 4).

⁵¹⁰ О распространенности в Средние века метафоры путешествия в бушующем море см.: *Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / Tr. Trask W.R. Bollingen Series 36. Princeton: Princeton University Press, 1953, pp. 128-130.*

⁵¹¹ НПЛ СИ, с. 47, 49 (1204).

⁵¹² ХГА, с. 37 («*Nec est nostre facultatis recitare, quantas strages sibi resistentium ibi fecit, neque quisquam valet hostium peremptorum milia certo numero computare, quos constabat ad prelium sine numero*», GPP, p. 46).

случаях традиционная летописная формула-«связка» при сообщении о конкретном событии дополнялась книжником (о голоде 1230 года в Новгороде: «**Мы же на прѣднее възвратимъся, на горькую и вѣдную память тоя весны**»⁵¹³). Иногда в НПЛ проявляется непосредственная реакция книжника на излагаемые события, которую И.И. Срезневский называл «минутным порывом чувства самого летописца»⁵¹⁴ («**мню бо**»⁵¹⁵, «**просто же реку**»⁵¹⁶). Подобные проявления читаются преимущественно во фрагментах, созданных двумя новгородскими книжниками, имена которых сохранились в тексте НПЛ СИ – священником Германом Воятой и пономарем Тимофеем.

§2.4. Выражение эмоциональности и оценки

Особенностью древнерусского летописания является «коллективное авторство», что позволяет представить летописное повествование как субъектную перспективу разных летописцев, каждый из которых обладает своей субъектной сферой⁵¹⁷ и точкой зрения. В средневековом историческом повествовании точка зрения автора⁵¹⁸ проявляется при описании своего внутреннего состояния и в оценочных высказываниях. При этом вопрос о том, кому принадлежала присутствующая в тексте оценка (заказчику летописи или летописцу-исполнителю) и чем была обусловлена, изучен недостаточно⁵¹⁹. В настоящем параграфе последовательно рассмотрены

⁵¹³ НПЛ СИ, с. 70 (1230).

⁵¹⁴ Цит. по: Пауткин А.А. «Рекоша новгородци» (О стиле новгородских летописей) // Русская речь. 1987. № 3. С. 126.

⁵¹⁵ НПЛ СИ, с. 29 (1156). Аналогичный пример читается в СЛ: «**наведе Богъ сего бесурменина на зло то за неправду нашу, мню бо и князи ради**», см.: ПСРЛ, Т. I, с. 206 (1283).

⁵¹⁶ НПЛ СИ, с. 77 (1240).

⁵¹⁷ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. С. 240-241.

⁵¹⁸ Подробнее о соотношении понятий «авторская точка зрения» и «авторские интенции» см.: Мельничук О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста (на материале современной франкоязычной литературы). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. С. 15-16.

⁵¹⁹ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ... , С. 136.

высказывания от первого лица, являющиеся проявлением эмоциональности или способом выражения оценки в летописях и хрониках.

Выражение эмоциональности

Указания летописцев на свое эмоциональное состояние в ПВЛ встречаются редко. В частности, в погодной статье 1091 г высказывания от первого лица сочетаются с указанием на физическое и эмоциональное состояние⁵²⁰ монаха, что находит соответствие в хрониках:

«ВЪТРУДІВСѦ ... НАЧАХЪ Т҃ЖИТИ ... НАЧАХЪ РАМѦНО КОПАТИ ... ВЪДѢРЖАШЕТ МѦ УЖАСТЬ ЗВАТИ»⁵²¹. «Их завистливого порицания я не даже говорить без страшусь, их дрожи в голосе»⁵²³. «о чем мы не можем снисходительной «о чем невозможно лестью не тешусь ... говорить, не проливая слез»⁵²⁴. я не краснею»⁵²².

Эмоции летописца формируют противоположные оценки (положительное / отрицательное отношение⁵²⁵), которые допускаются летописцем как средство усиления чудесного характера фрагмента, повествующего об обретении мощей Феодосия Печерского. В отличие от него, высказывания хронистов более традиционны, а использование Галлом сходных синтаксических конструкций указывает на их устойчивый характер. При изучении соотношения автоматического и эмоционального начал в поведении человека

⁵²⁰ О связи эмотивных средств и христианского канона см.: *Левшин Л.В.* Эмотивный компонент категории жанра и стиля в художественном каноне христианской культуры (на материале произведений средневековой книжности) // *Stephanos*. 2021. V. 6 (50). P. 22-23. О христинском каноне как «языке творчества» см.: *Левшин Л.В.* Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006. № 4 (26). С. 105-106.

⁵²¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 201-202 (1091).

⁵²² ЧХ, с. 30 («*Horum ergo nec invidiosis derogationibus perterreor, nec yronicis adulationibus permulceor ... Non enim ab amico corrigi erubesco*», ССВ, S. 32).

⁵²³ ХГА, с. 50 («*quod sine voce lacrimabili dicere non valemus*», GPP, p. 78).

⁵²⁴ Там же, с. 92 («*quod nec siccis oculis est dicendum*», GPP, p. 178).

⁵²⁵ Подробнее см.: *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. С. 231-233.

подобные «регистрации оттенков чувствительности»⁵²⁶ представляются важными, а их присутствие в текстах разных историографических традиций указывает на проявление типологического сходства.

Об этикетном характере высказываний хронистов говорит то, что они неоднократно встречаются в предисловиях к книгам ЧХ, и ХГА, при этом хронисты противопоставляют себя тем, кому посвящен их труд:

<p>«Если бы я не был им (обожанием – А.Ш.) преисполнен, я не осмелился бы преподнести мужу, пользующемуся столь глубоким авторитетом, эти мои старческие сумасбродные мысли»⁵²⁷.</p>	<p>«чтобы не казалось, что мы – пустые людишки - хвастаемся при своей ничтожности, мы решили в заголовке этого труда поместить не наши, но ваши имена»⁵²⁸.</p>
---	---

Эти высказывания отличает сочетание самоуничижительных и экспрессивных высказываний, которые в случае Галла Анонма менее выражены. В основном тексте хроник проявления эмоций встречаются реже. Так в начальной части ЧХ они выражают отношение книжника к содержанию исторического повествования («*Больше писать о Страхвасе, епископе мнимом, мне стыдно*»⁵²⁹, «мы уже не будем удивляться ... а лучше будем покорны Богу»⁵³⁰), а в заключительной части после сообщения о гибели некоторых из отправившихся в Иерусалим комитов и Бертольда, слуги своего сына, Козьма не может сдержать эмоций («*Слезы мешают*

⁵²⁶ Феер Л. Бои за историю / Пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова; статья А.Я. Гуревича; комм. Д.Э. Харитоновича. М.: Наука, 1991. С. 111-112, 121.

⁵²⁷ ЧХ, с. 27 («*Ea mihi nisi affuisset, nequaquam tantae auctoritatis viro haec mea senilia deliramenta offerre praesumpsissem*», ССВ, S. 31).

⁵²⁸ ХГА, с. 24 («*ne viles persone videamur vanitatis fimbrias dilatate, codicellum non nostro decrevimus sed vestris nominibus titolare*», GPP, p. 4, 6).

⁵²⁹ ЧХ, с. 75 (995, «*Plura referre pudet Ztrahquaz de praesule pseudo*», ССВ, S. 54).

⁵³⁰ Там же, с. 108 (1039, «*non ammirari, sed potius Deo ... nos decet humiliari*», ССВ, S. 70).

*писать, и как изложить я сумею*⁵³¹). В ХГА, напротив, проявления эмоциональности подчинены основной цели хроники, что подтверждают слова самого книжника (**«Здесь мы положим предел прославлению Болеслава Великого и хоть немного оплачем его кончину печальной надгробной песней»**⁵³², **«Но кончим говорить о скорби по умершему Мешко и перейдем к радостным событиям: воцарению дргого юноши»**⁵³³). Приведенные примеры из хроник показывают своеобразие общерусского летописания, в котором выражение эмоций прямо или косвенно связано с религиозными переживаниями.

В местном летописании Древней Руси XII-XIII вв. высказывания книжников от первого лица, передающие их эмоциональное состояние, практически не встречаются. Так в КЛ подобное высказывание вполне традиционно, что не позволяет отнести его к авторским проявлениям (**«влагнѣ еси Хсѣ Бѣ тако товою проидохомъ сквозѣ огнь и воду и придохомъ во оутѣху блгѣ изволениемъ блгѣмъ спѣсающа насъ»**⁵³⁴). В ГЛ и ВЛ эта традиция еще более ослабляется, а в СЛ наблюдается расширение круга упоминаемых эмоций, однако уже без высказываний летописцев от первого лица (см. §3.2 и §4.2). В этой связи показательно, что высказывания ногородских книжников относятся не к их личным переживаниям, а к чувствам многих людей по поводу некоторого события (**«солнце помърче ... и паки просветися и ради выхомъ»**⁵³⁵, **«Да и мы то видѣвше, устрашилися выхомъ и грѣховъ своихъ плакалися съ въздыханиемъ день и ноць; мы же въздыхаемъ день и ноць»**⁵³⁶). Более слабое проявление эмоциональности книжников от первого лица в местном летописании по

⁵³¹ ЧХ, с. 227 (1123, «similiter et Bertholdus cliens Heinrici, filii mei, 8. Idus Augusti moritur. *Impedior lacrimis nec possum promere scriptis*», ССВ, S. 125).

⁵³² ХГА, с. 48 («*Nactenus Bolezlai magni laudibus termini metam inponamus, eiusque funus aliquantulum carmine lugubri lugeamus*», GPP, p. 70).

⁵³³ Там же, с. 60 («*Sed de mestitia pueri sepulti sileamus et ad letitiam regnaturi pueri veniamus*», GPP, p. 104).

⁵³⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 553 (1172).

⁵³⁵ НПЛ СИ, с. 37-38 (1185), аналогичные примеры с. 89 (1261), с. 96 (1321).

⁵³⁶ Там же, с. 75 (1238).

сравнению с общерусским связано с ослаблением дидактического начала, а также с формированием в книжной культуре Древней Руси новых жанров и выразительных средств. В этой ситуации выражение эмоций не входило в задачу летописцев.

Выражение оценки

В общерусском летописании книжники часто высказывались как типичные образованные представители своего времени, поэтому их оценки выражают, скорее, не личную, а традиционную христианскую точку зрения. Объектами оценки, которые привлекали внимание летописцев, были как важные для всего русского народа события (**«аще бы ѡнъ (Владимир – А.Ш.) не крѣтилъ насъ то и нынѣ выхомъ былъ въ прельсти дьаволѣ»**⁵³⁷), так и более локальные происшествя (**«бывають сѣга знаменѣя не на добро мы во по сему разумѣхом»**⁵³⁸). Важность таких событий для летописцев подтверждает то, что они не ограничились их констатацией, а добавили высказывания «от себя». В этих добавлениях присутствует сознательно заданная система оценок, которая в литературе Нового времени является характерной чертой повествования от первого лица⁵³⁹.

В хрониках случаи выражения авторами своих оценок также немногочисленны. Слова Галла Анонима говорят об установке не на документально точное изображение событий, а на их определенную трактовку, что позволяет предположить некоторую тенденциозность этого источника (**«Не будем оправдывать изменника-епископа, но не похвалим также и короля»**⁵⁴⁰, **«Но мы больше верим, что такое преступление придумали злые советчики ... мы не будем отрицать раскаяния по**

⁵³⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 117 (1015).

⁵³⁸ Там же, стб. 155 (1065).

⁵³⁹ Атарова К.Н., Лессик Г.А. Семантика и структура повествования ... , С. 348-350.

⁵⁴⁰ ХГА, с. 58 («*Neque enim traditorem episcopum excusamus, neque regem vindicantem*», GPP, p. 96).

поводу преступления»⁵⁴¹). В этой связи представляет интерес рассуждение Козьмы Пражского о том, когда и как следует описывать добродетели князя («О доблестях и славе [Владислава], мне кажется, пока он жив, следует умолчать ... некто говорит в назидание: *“Князя тогда лишь воспой, когда он уйдет на покой”*»⁵⁴²). Такой подход объясняет распространенность в историческом повествовании похвальных княжеских некрологов, многие из которых имеют устойчивую структуру и состоят из топосов⁵⁴³. Отметим, что в ПВЛ летописных княжеских некрологах высказывания книжников от первого лица не встречаются.

В местном южнорусском летописании высказывания книжников от первого лица со значением оценки встречаются нечасто. В КЛ они относятся к моральной проблематике («*как же сгрѣшихомъ и беззаконьновахомъ и не шправдихомъсѧ предъ нимъ*»⁵⁴⁴). В ГЛ оценки не сопровождаются речениями книжников от первого лица, что говорит об изменении их самопрезентации. Напротив, в ВЛ присутствуют оценочные высказывания от первого лица относительно того, что летописец счел нужным включить в текст («*вопсалъ есмь в лѣтописѣць коромолоу ихъ*»⁵⁴⁵). Это свидетельствует о некотором возвращении к традиции киевского летописания. В летописании Северо-Восточной Руси многие оценки книжников также являются традиционными («*да внимаемъ мы собѣ ктожо насъ и не противимся Божью закону*»⁵⁴⁶), что подтверждает использование в них цитат («*да аще не обратимся всѣмъ*

⁵⁴¹ ХГА, с. 134 («*Sed nos magis credimus ab ipsis malis consiliatoribus hoc fuisse machinatum ... Nos vero nec peccato deliberationis penitentiam denegamus*», GPP, p. 272, 274).

⁵⁴² ЧХ, с. 204 (1108, «*Cuius de virtutibus et gloria mihi videtur ut interim sileatur, dum in hac vita conversatur ... Unde quidam admonet dicens: Lauda virtutem ducis, sed post huius bravium lucis*», ССВ, S. 116). М. Блок отмечал, что до X века у германских народов существовало «два жанра воинских песен: одни посвящались персонажам весьма древним, порой мифическим, другие прославляли вождей живых или недавно умерших». См.: Блок М. Феодальное общество / Пер. М.Ю. Кожевниковой. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003, с. 104.

⁵⁴³ Подробнее о княжеских некрологах в древнерусском летописании см.: Пауткин А.А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М.: Наука, 1989. С. 231–246.

⁵⁴⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 668 (1190).

⁵⁴⁵ Там же, стб. 932 (1289).

⁵⁴⁶ ПСРЛ, Т. I, с. 151 (1168).

сердцемъ къ нему, другъ друга тяготу носяще, то оружье свое оцѣститъ»⁵⁴⁷, **«надѣмся на милость твою Господи ... развѣ тебе иного не знаемъ»⁵⁴⁸**). С помощью подобных выражений от первого лица книжники объясняли смысл происходивших событий и пытались их вписать в привычный религиозный контекст.

Оценочные высказывания от первого лица в НПЛ отражают провиденциализм сознания летописцев и их сопричастность происходившим в Новгороде событиям – голоду (**«намъ все видяще предъ очима, лучьшимъ бытии, мы же быхомъ пущьци»⁵⁴⁹**), неурожаю и последовавшим за ним высоким ценам (**«но не отчаемъся милости твоея ... аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ ... развѣ тебе иного бога не знаемъ»⁵⁵⁰**). Их отсутствие в других случаях согласуется с представлением о «минус-позиции»⁵⁵¹ автора в летописи и указывает на то, что для выражения оценки новгородские книжники выбирали другие средства. Сделанные наблюдения показывают, что в местных летописях XII-XIII вв. число оценочных высказываний от первого лица уменьшается. На наш взгляд это связано со стремлением книжников следовать авторитетному тексту, а не добавлять что-то «от себя». Первые летописцы, не имевшие перед собой предшествующей традиции древнерусского исторического повествования, в ряде случаев могли свободнее формулировать свои мысли.

§2.5. Проблема самосознания книжников

Изучение самосознания летописца позволяет объяснить происхождение литературно-художественных особенностей созданного им текста, т.е. то, что

⁵⁴⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 173 (1193). Второе высказывание заимствовано из Гал 6:2.

⁵⁴⁸ Там же, с. 191 (1227). Второе высказывание заимствовано из воскресной песни после чтения Евангелия (присутствует уже в пасхальном иерусалимском «Последовании» IX в.).

⁵⁴⁹ НПЛ СИ, с. 71 (1230).

⁵⁵⁰ Там же, с. 91-92 (1303).

⁵⁵¹ *Иванайнен О. В.* «Азь» летописца ... , С. 539.

далеко не всегда способны объяснить события социальной истории. По выражению М.А. Барга, мировоззренческие и ценностные установки «обуславливают неявным образом тип, характер, круг и способ исторических объяснений, на которые способен сам историк как носитель тех же установок»⁵⁵². В данном параграфе рассмотрены высказывания средневековых историописателей от первого лица, которые свидетельствуют о религиозном, этническом и социальном аспектах их самосознания.

Религиозный аспект самосознания

В ПВЛ некоторые высказывания книжников обозначают их религиозную принадлежность, что было необходимо при попытке вписать себя в определенный «контекст» («**мы же хрѣстиане ... елико в Хѣа крѣстихомъса и въ Хѣа швлекохомъса**»⁵⁵³, «**мы же крѣтъяни сущѣ**»⁵⁵⁴). Некоторые из них представляют собой молитвенные обращения и содержатся в посмертных похвалах князьям (княгине Ольге: «**мы же рѣмъ къ неи**»⁵⁵⁵, Борису и Глебу: «**мы долъжни есме хранити достойно ... сподобита же и насъ поющихъ и почитающихъ**»⁵⁵⁶). В последующее время книжники высказывались о пользе книжного учения («**мы пожинамъ оучение примлюще книжное ... книгами бо кажемъ и оучимъ есми пути покаанию и мудрость бо шврѣтаемъ и въздержанне**»⁵⁵⁷). Это способствовало постепенному формированию нового религиозного сознания⁵⁵⁸, отчего собственные выражения книжников приобретали характер топосов («**азъ же грѣшныи твои рабъ и оучникъ недооумѣю чимъ похвалити тѣ**»⁵⁵⁹). В то же время, используя византийские источники (в частности, Хронику Георгия

⁵⁵² Подробнее об историческом сознании см.: Барга М.А. Эпохи и идеи С. 5-24.

⁵⁵³ ПСРЛ, Т. II, стб. 12.

⁵⁵⁴ Там же, стб. 117 (1015).

⁵⁵⁵ Там же, стб. 56 (969).

⁵⁵⁶ Там же, стб. 124, 126 (1015).

⁵⁵⁷ Там же, стб. 140 (1037).

⁵⁵⁸ Вагнер Г.К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. 1995. Сб. 8. С. 20.

⁵⁵⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 204 (1091).

Амартола)⁵⁶⁰, летописцы могли опускать богословские рассуждения или заменять их высказываниями, прославляющими древнерусского князя⁵⁶¹.

О религиозном сознании летописцев свидетельствуют и рассуждения провиденциального характера, которые развивают идеи Поучения о казнях Божьих⁵⁶². Изначально они восходят к словам Ярослава Владимировича («сице Бѣ наводитъ по грѣхомъ на кою землю гладомъ или моромъ или вдромъ или иною казнию а члвкъ нѣ вѣсть ничто же»⁵⁶³). В погодной статье 1068 года слова киевского князя были дополнены высказываниями летописца от первого лица («аще ли покаавшесѧ будемъ ... да аще сице творимъ всихъ грѣхъ прощени будемъ но мы на злое възвращамьсѧ аки свинья в калѣ грѣховнемъ присно валдющесѧ и тако пребывамъ ... да сего ради казни примлемъ ѿ Ба всакия нахожени ратныхъ по Бжью повелению примлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ»⁵⁶⁴), а также серией риторических вопросов и восклицаний (о них см. §4.1). В данном фрагменте наблюдается существенное увеличение объема рассуждения, что является примером переосмысления книжником предшествующего летописного материала и его сознательной правки. Еще большему изменению этот фрагмент подвергся в погодной статье 1093 года. Здесь несколько изменена первая фраза («се на ны Бѣ пүсти поганыа»⁵⁶⁵) и существенно увеличен объем рассуждения («да выхом сѧ востагнүли ѿ злыхъ дѣлъ ... да нѣколи смрившесѧ оүспомадемсѧ ѿ злаго пүти ... ї выхомъ вѣгающен предъ враги нашими ... достоинно тако да накажемсѧ ї тако совѣ вѣрү имемъ кажемн есмы ...

⁵⁶⁰ Подробнее о византийских исторических сочинениях VII-IX в. см.: Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998. С. 80-109.

⁵⁶¹ Подробнее см.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.) / Перевод А.В. Назаренко, под ред. К.К. Акентьева. СПб: Византинороссика, 1996. С. 330.

⁵⁶² Добровольский Д.А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М.: Институт всеобщей истории, 2011, С. 144-154. Эти же представления составляли основу рассуждений книжников Смутного времени, см.: Антонов Д.И. Самосознание древнерусского книжника в эпоху смуты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 11-13.

⁵⁶³ ПСРЛ, Т. II, стб. 135 (1024). Это совпадение отмечалось ранее, см.: Добровольский Д.А. «Теория казней Божьих» ... , С. 148-149.

⁵⁶⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 157, 159 (1068).

⁵⁶⁵ Там же, стб. 213 (1093).

рцѣмь велегасно ... рцѣмь по шному развоинику ... мы достойнага гаже сдѣлахомъ и пригахомъ ... рцѣмь съ Иевомъ ... да нехоженье поганыхъ мучими влдику познаемъ егоже мы прогнѣвахомъ прославлени бывше не почтохомъ встивьшесѧ не разумѣхомъ куплени бывше не поработахомъ породившесѧ не тако шца постыдихомсѧ согрѣшихомъ ꙗко казнимы есмы такоже согришихомъ тако и стражемъ ꙗко градѣ вси шпустѣша ꙗко перендѣмъ полѧ ꙗкоже пасома выша стада но шбаче надѣемсѧ на млсть Бжью ... паче инѣхъ казнимы есмы се бо азъ грѣшныи многа и часто Бѧ прогнѣвахъ ꙗко часто согрѣшага бываю по всѧ дни»⁵⁶⁶). При сопоставлении с приведенными выше фрагментами видно, что дидактический компонент этого рассуждения усилен, в том числе за счет высказываний от первого лица. Другой его особенностью являются трижды повторяющиеся молитвенные обращения, содержащие указание пути избавления от несчастий. Тот факт, что в погодных статьях 1068 и 1093 гг. глагол «**востагнѣтисѧ**» употреблен в разном значении (соответственно обозначая 'устремитесь к', 'удержаться' и 'остановиться'⁵⁶⁷) свидетельствует о различной авторской интенции, а именно о его стремлении истолковать происходившие события в провиденциальном ключе⁵⁶⁸. Напротив, в погодной статье 1110 года после сходного начала («**на ны навелъ Бѣ грѣхъ ради нацихъ иноплеменики поганыа**»⁵⁶⁹) летописец приводит пространное рассуждение об Александре Македонском. Книжник словно заменяет морально-дидактическое рассуждение историческим экскурсом, что говорит о развитии его исторического самосознания.

Проявление религиозного самосознания хронистов имеет свои особенности. Так, говоря о важности повествования о жизни старцев,

⁵⁶⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 213-216 (1093).

⁵⁶⁷ *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 206.

⁵⁶⁸ Подробнее о провиденциализме сознания книжника см.: *Лаушкин А.В.* Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI-XIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. – 26 с.

⁵⁶⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 262-263 (1110).

древнерусский летописец ограничивается кратким высказыванием, а Козьма приводит более пространное рассуждение:

**«скажемъ во оуспени его мало
... ѿ нихъ же (не) намѣню
нѣколико мѹжь чюднѹхъ»⁵⁷⁰.**

**«Я мог бы написать много о
жизни этих отцов, но
предпочитаю [сказать] немного
... Ибо подвигам святых мы
потому удивляемся, что,
подражая им, такими же стать
пытаемся»⁵⁷¹.**

Вероятно, киевский летописец воспринимал подобные мысли как очевидные, поэтому не включил их в свой труд. В некоторых случаях Козьма рассуждает о посмертной участи князя как о закономерном следствии его конкретных поступков (**«И мы верим, что [князь], без сомнения, или уже обрел, или еще обретает небесный рай»⁵⁷², «Аминь, аминь! – говорю я, ибо какие бы грехи ни имел князь, – все он искупил этим похвальным поступком и тем самым снискал себе вечное имя»⁵⁷³**). Подобные рассуждения Козьмы не приобрели вид устойчивых структур, что отличает ЧХ от ПВЛ, в которой некрологические похвалы князьям стали своего рода *loci communes*. В отличие от Козьмы Пражского, Галл Аноним упоминает о воле Бога и помощи святых при прославлении деяний правителя (Болеслав I **«рожден по милости бога, по молитвам св. Эгидия, благодаря которым, как мы верим, он всегда был счастлив и всегда побеждал»⁵⁷⁴**). Такие высказывания нетипичны для древнерусских летописей.

⁵⁷⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 173, 179-180 (1074).

⁵⁷¹ ЧХ, с. 86 (1004, «*Horum de vita partum scripturus multa, malui pauca quia semper dulcius sumitur quae parcius apponitur esca ... Nam ad hoc merita sanctorum ammiramur ut eos imitando ipsi ammirabiles reddamur*», ССВ, S. 60).

⁵⁷² Там же, с. 184 (1100, «*procul dubio credimus aut iam accepisse aut iam accepturum coelestia consortia*», ССВ, S. 107).

⁵⁷³ Там же, с. 234 (1124, «*amen, amen, inquam; quicquid unquam deliquit, totum in hoc laudabili facto delevit et nomen sibi aeternum ascivit*», ССВ, S. 129).

⁵⁷⁴ ХГА, с. 26 («*Dei dono precibusque sancti Egidij natus fuit, per quem, ut credimus, bene fortunatus, semperque victoriosus extitit*», GPP, p. 10).

В последующем южнорусском летописании количество высказываний летописца, свидетельствующих о религиозном самосознании, уменьшается. В КЛ такие высказывания продолжают предшествующую традицию: они являются молитвенными обращениями («**влагснѣ еси Хсѣ Бѣ тако тобою придохомъ сквозѣ вгнь и воду и придохомъ во оутѣху блгѣ изволениемъ блгнмъ спасающа насъ**»⁵⁷⁵) или отсылают к Поучению о казнях Божьих («**и се Бѣ казнѣ нѣ грѣхъ ради нашихъ наведе на нѣ поганѣца не аки милоуѣ ихъ но насъ казнѣ и вбращаѣа нѣ к покаянью да бѣхомъ съ востануѣли ѿ злыхъ своихъ дѣлѣ и симъ казнить нѣ нахоженимъ поганѣхъ да некли смиривошесѣ вспоманемъ ѿ злаго поутѣ**»⁵⁷⁶). Кроме того, для КЛ характерны отдельные обращения к боголовской тематике. Так победу русских князей на реке Салнице (1111 год) летописец объясняет заступничеством ангелов, а при описании гибели Игоря Ольговича (1147 год) использует идею подражания Христу (*imitatio Christi*)⁵⁷⁷, которые, однако, не сопровождается высказываниями от первого лица. В ГЛ высказывания, отражающие религиозное сознание летописцев, также не содержат глаголов в форме первого лица, что связано с ослаблением церковного начала в этом памятнике. В ВЛ немногочисленные высказывания книжников от своего имени являются заимствованиями из предшествующего текста летописи («**наведе на нѣ Бѣ грѣхъ ради нашихъ казнѣ нѣ а вѣхомъ съ покалѣ злыхъ своихъ безаконныхъ дѣлѣ**»⁵⁷⁸). Это свидетельствует о наличии летописных фрагментов (в том числе с глаголами в форме первого лица), которые книжники использовали в сходных ситуациях.

В СЛ книжники неоднократно сочетали несколько высказываний от первого лица провиденциального характера. Примером является некрологическая похвала Владимиру Мономаху («**но и мы мнимся Бога**

⁵⁷⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 553 (1172).

⁵⁷⁶ Там же, стб. 648 (1185). Подскальски Г. Христианство и богословская литература ... , С. 365.

⁵⁷⁷ ПСРЛ, Т. II, с. 363-364.

⁵⁷⁸ Там же, стб. 894 (1283).

любяще; но аще потищимся заповѣди его схранити, тогда явимся Бога любяще»⁵⁷⁹). Как и в КЛ, в СЛ встречаются заимствования из предшествующего текста летописи, как после повествования о пожаре во владимирской Златоверхой церкви («**тако да накажемся, и тако веруемъ ... Казними во Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ, прославлени бывше, не прославихомъ, почтени бывше, не почтохомъ, освятившеся не разумѣхомъ, куплени быхомъ, не поработахомъ, породившеся, не яко отца постыдѣхомся, согрѣшихомъ, казними есмы, яко створихомъ, тако и пріяхомъ. Но обаче надѣемся на милость великого Бога ... паче всѣхъ почтени бывше, горѣ всѣхъ сдѣяхомъ грѣхы ... Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ**»⁵⁸⁰). Аналогичные, но более краткие рассуждения присутствуют в дальнейшем тексте СЛ (после повествования о неудачном походе русских князей на половцев⁵⁸¹ и о нашествии татар на Русь⁵⁸²). Это указывает на то, что книжники воспринимали предшествующий летописный текст как более авторитетный по сравнению с собственными речениями.

О религиозном сознании книжников свидетельствуют и самоуничижительные выражения. В СЛ они предваряют летописную повесть о житии Александра Ярославича и обусловлены требованиями агиографического жанра («**азъ худый, грѣшный, недостойный, начинаю писати житѣе ... Аще и грѣвъ есмъ умомъ ... начатокъ положю**»⁵⁸³). В хрониках подобные высказывания присутствуют главным образом в предисловиях. В ХГА они достаточно разнообразны и содержат образы странствования (утлая лодка, морское крушение, лесные дебри), ученичества (неопытное перо, несовершенная и скромная речь), детства (малый разум,

⁵⁷⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 129 (1125).

⁵⁸⁰ Там же, с. 166 (1185).

⁵⁸¹ Там же, с. 168 (1186).

⁵⁸² Там же, с. 197-198 (1237).

⁵⁸³ Там же, с. 204 (1263). Аналогичные выражения присутствуют в тексте НПЛ МИ с. 289-290 (1240).

робкий лепет, детская неопытность). Некоторые из них находят соответствия в приписке монаха Лаврентия:

«ребенок, обладающий малым разумом»⁵⁸⁴.

«КНИГЫ ВѢТШАНЫ, А УМЪ МОЛОДЪ НЕ ДОШЕЛЪ»⁵⁸⁵.

Высказывание Козьмы Пращского в предисловии к первой книге ЧХ обнаруживает сходство с вводной частью Хроники Георгия Амартола:

«Я послал тебе “Чешскую хронику”, которой не придал никаких украшений грамматического искусства, но написал ее безхитростно ... о том, что стало известно мне из преданий и рассказов старцев, я повествую, как могу и как умею, не из присущего людям тщеславия»⁵⁸⁶.

«Мы же, недостонейшие из внутренних, ... будучи не причастны ... к искусству речи, прочитали нашим желанием доступные нам рассказы ... нитожную книжицу составили, <для пользы> из многого немного выжав, кое как с трудом сладив и соединив»⁵⁸⁷.

Положение этих фрагментов в части текста, предшествующей основному историческому повествованию, указывает на их этикетный характер. Другие слова Козьмы, наоборот, говорят об элементах рефлексии книжником своего труда, что сходно со словами польского хрониста:

«Довольно того, что я вкратце рассказал, лучше бы мне этого не рассказывать»⁵⁸⁸.

«я писал о войнах королей и князей, а не евангелие»⁵⁸⁹.

⁵⁸⁴ ХГА, с. 64 («ingenii puer parvi», GPP, p. 112).

⁵⁸⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 209 (1305).

⁵⁸⁶ ЧХ, с. 28 (tibi transmiserim Boemorum chronicam, quam ego nullo grammaticae artis lepore politam, set simpliciter et vix lacialiter digestam ... quae didici senum fabulosa relatione, non humanae laudis ambitione», ССВ, S. 31-32).

⁵⁸⁷ ВГМ, с. 35. Подробнее о Хронике Георгия Амартола см.: Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998. С. 89-90, об ее использовании в русской хронографии см.: Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI-XV вв.). СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2008. С. 211-236.

⁵⁸⁸ ЧХ, с. 145 (1073, «Haec sufficit breviter dixisse, quae utinam non dixissem!», ССВ, S. 89).

Подобным подходом Галл отличается от автора следующей польской хроники Винсентия Кадлубка, труд которого по стилю напоминает агиографическое произведение⁵⁹⁰. В предисловии ко второй книге ЧХ Козьма оценивает свой стихотворный опыт, что говорит о его стремлении экспериментировать с формой исторического повествования (**«если ты встретишь в некоторых местах стихи, написанные как бы метрическим размером, то знай, что, сочиняя их, я понимал, что делаю то, в чем неискусен»**⁵⁹¹). Приведенные высказывания важны для понимания отношения книжников к своему труду и согласуются с наблюдением Е.Л. Конявской, которая применительно к новгородскому летописанию считала в ряде случаев возможным говорить о «самосознании книжника как писателя»⁵⁹².

В НПЛ присутствуют сходные с ПВЛ высказывания книжников от первого лица в духе христианского провиденциализма. Таким примером являются слова летописца архиепископов Спиридона и Далмата (1226-1274), в которых причиной рассуждения книжника становятся не междоусобные распри, а голод (**«да выхомъ ся покаяли от грѣхъ нашихъ ... да то мы видяще, не разумѣхомъ своея погыбели, нъ скорѣиши выхомъ на зло ... и ради выхомъ невози ... сквѣрньны ѹсты цѣлуемъ ... а иное сами не блюдуче, без милости истеряхомъ свою власть»**⁵⁹³) или поражение московского войска от татар (**«мы ... ѹстрашилися выхомъ и грѣховъ своихъ плакалися съ въздыханнемъ день и ношь ... аще ли покаемся ... аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощении бѹдемъ. Но мы на злая възвращаемся ... и тако пребываемъ; да сего ради казни приемлемъ всякыя от бога ...**

⁵⁸⁹ ХГА, с. 107 («bella regum atque ducum non euuangelium me scripsisse», GPP, p. 212).

⁵⁹⁰ Оболевич В.Б. История польской литературы (средневековье, ренессанс). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 21.

⁵⁹¹ ЧХ, с. 100 (1038, «Quod autem in quibusdam locis quasi metricos versus invenis, scias me scienter nescium fecisse, dum feci versus», ССВ, S. 66).

⁵⁹² Конявская Е.Л. Проблема авторского самосознания ... , С. 65.

⁵⁹³ НПЛ СИ, с. 69 (1230).

грѣхъ ради нашихъ казнь приемлемъ»⁵⁹⁴). Перу этого летописца (предположительно пономаря Тимофея) принадлежат некоторые библейские цитаты, при этом использование источника не оговаривается («**мы грѣшники акы пси обращаемъся на своя вльвотинны**»⁵⁹⁵). О религиозном самосознании свидетельствуют самоуничижительные слова во вступлении к летописной повести о житии Александра Ярославича, которая разнесена по разным погодным статьям, что подтверждает ее вставной характер⁵⁹⁶. В последующем тексте НПЛ подобных высказываний становится меньше, и они вполне традиционны («**не отчаемъся милости твоея ... аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ ... развѣ тебе иного бога не знаемъ**»⁵⁹⁷). Это объясняется как частой сменой летописцев, так и редактированием первоначального текста переписчиками.

Этнический и социальный аспекты самосознания

Осознание книжниками своей принадлежности к этнической или социальной группе в общерусских и местных памятниках выражено по-разному. В начальной части общерусского летописания летописец упоминает о понятиях «Русь» и «Русская земля» в их географическом и политическом значении («**Словѣнскѣ языку оучитель есть Павелъ ѿ негоже языка и мы есме Русь**»⁵⁹⁸). Использование «мы-формы» говорит о подчеркивании книжником своей причастности русскому народу. То, что в качестве основания общности летописец полагает религиозную, а не государственную идею, сближает его с византийскими, а не с римскими историографами⁵⁹⁹. Отметим, что Н.И. Толстой рассматривал этническое самосознание Нестора

⁵⁹⁴ НПЛ СИ, с. 75-77 (1238).

⁵⁹⁵ Там же, с. 83 (1259). Заимствовано из Притч 26:11.

⁵⁹⁶ Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского ... С. 234.

⁵⁹⁷ НПЛ СИ, с. 91-92 (1303). Последнее высказывание заимствовано из Ис 26:13.

⁵⁹⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 20 (898). О соотношении именовании руси, норман и греков в европейских источниках см.: Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 273-286.

⁵⁹⁹ Franklin S. The Empire of Rhomaioi as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion. 1983. V. 53. F. 2. P. 526.

Летописца как иерархическую систему, состоящую из компонентов религиозного («хрестияне»⁶⁰⁰), общеплеменного («словѣни»⁶⁰¹), среднеплеменного («русини»⁶⁰²), частноплеменного («поляне»⁶⁰³) и государственного («Руская земля»⁶⁰⁴) сознания⁶⁰⁵. Иерархичность этой системы поставил под сомнение В.М. Живов, который полагал, что разнородные элементы самосознания Нестора «находились в конфликте друг с другом и задавали летописцу противоречивые импульсы, примирить которые он был не в состоянии»⁶⁰⁶. Добавим, что Д.А. Добровольский отмечал важность для этнического самосознания летописцев понятий, обозначающих генетически общее происхождение социальных групп («плѣмя», «родъ», «сынове») ⁶⁰⁷. Приведенные высказывания наиболее часто встречаются в начальной части ПВЛ.

Для ЧХ и ХГА высказывания, свидетельствующие об этническом самосознании книжников, нехарактерны. На это указывает начальное повествование хроник: Козьма Пражский не упоминает этнонимы по отношению к племенам («каждое плѣмя»⁶⁰⁸, «человек из числа тех, которые неизвестны»⁶⁰⁹), а вкладывает их в уста древних людей, пришедших на эту территорию («и если твое имя Чех, то пусть и страна будет названа Чехией»⁶¹⁰). Напротив, в ХГА неоднократно упоминается Польша и окружающие ее народы («земля славянская ... тянется от

⁶⁰⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 16.

⁶⁰¹ Там же, стб. 11.

⁶⁰² Там же, стб. 26 (912).

⁶⁰³ Там же, стб. 14.

⁶⁰⁴ Там же, стб. 17 (852).

⁶⁰⁵ Толстой Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 443-447.

⁶⁰⁶ Живов В.М. Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 184.

⁶⁰⁷ Добровольский Д.А. Этническое самосознание древнерусских летописцев XI – начала XII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 2009. С. 18.

⁶⁰⁸ ЧХ, с. 31 («*unusquisque eorum*», ССВ, S. 32).

⁶⁰⁹ Там же, с. 33 («*hominum – incertum est quot in animabus*», ССВ, S. 33).

⁶¹⁰ Там же, с. 34 (в латинском оригинале это высказывание имеет форму риторического вопроса: «*melius vel aptius nomen inveniemus, quam, quia tu o pater diceris Voemus dicatur et terra Boemia?*», ССВ, S. 33).

сарматов, которые называются и гетами ... через Венгрию, некогда захваченную гуннами, называемыми также венграми»⁶¹¹). Подобный подход контрастирует с начальной частью ПВЛ, в которой перечислены не только соседние народы («**Чюдѣ Весь Мерѣ Мурѣ Черемисѣ Мордѣ Пѣрмѣ Печера Ёмѣ Литѣва Зимѣгола Корсѣ Перѣма Ливѣ**»⁶¹²), но и славянские племена («**Словени ... Морава ... Чесѣ ... Хорвати Бѣлии Серпѣ и Хутанѣ ... Полѣне Лаховѣ друзии Лютицѣ инии Мазовшанѣ а инии Поморѣне ... Деревѣне ... Дреговичи ... Полочанѣ ... Словѣне же сѣдоша околомъ озера Илмера ... Бѣверѣ ... Радимичи бо и Бѣтичи ѿ Ляховѣ ... Дулѣви ... Волинѣне ... Оуличи Тиверци**»⁶¹³). Отмеченное различие говорит не только о разном типе формирующихся обществ («моноэтническом» или «полиэтническом»), но и об установках историописателей, стремившихся рассказать о происхождении народа или формировании государства. Это подтверждают слова Галла Анонима («**Намерение наше состоит в том, чтобы писать о Польше и главным образом о ее князе Болеславе**»⁶¹⁴). Как мы видим, в рассуждениях хронистов отсутствуют причисления себя к своему народу, что нехарактерно для ПВЛ, в которой летописцы старались подчеркнуть принадлежность себя и своего племени (полян) к Русской земле и словенскому языку. Это связано со значительным религиозным (в том числе эсхатологическим) компонентом в летописании Древней Руси, тогда как в сознании латинских хронистов господствовали светские (*saeculum'a*) представления об отдельных сообществах (*nations, gentes, populi*)⁶¹⁵. В последующем повествовании в ЧХ присутствуют упоминания о погодных

⁶¹¹ ХГА, с. 27 («**terra Sclauonica ad aquilonem hiis regionibus suis partialiter divisivis sive constitutivis existens, a Sarmaticis, qui et Gete vocantur, in Daciam et Saxoniam terminatur, a Tracia autem per Ungariam ab Hunis, qui et Ungari dicuntur**», GPP, p. 14).

⁶¹² ПСРЛ, т. II, стб. 8.

⁶¹³ Там же, стб. 5, 9-10.

⁶¹⁴ ХГА, с. 28 («**Est autem intencio nostra de Polonia et duce principaliter Bolezlao describere eiusque gratia**», GPP, p. 14).

⁶¹⁵ О влиянии христианских мотивов на представления о протонациональной идентичности в ПВЛ и ХГА см.: *Дмитриев М.В.* Poloni и Rutheni, католики и православные, Natio и Confessio в летописании средневековой Восточной Европы // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 1. С. 7-9, 11-12.

условиях и их последствиях («было такое наводнение, которого, как полагаю, не было на земле со времени потопа»⁶¹⁶, «Затем последовала теплая зима, и поэтому на следующее лето мы были лишены запасов льда»⁶¹⁷). Эти высказывания сходны с речениями новгородских книжников (см. ниже) и стилистически не соотносятся с предшествующим текстом ЧХ, поэтому высказывалось предположение, что они написаны продолжателями Козьмы Пращского⁶¹⁸. Упоминание повседневных забот говорит об их важности для книжников, которые имели невысокое социальное положение.

В последующих южнорусских памятниках проявления этнического сознания книжников заменяются местными интересами и редко сопровождаются высказываниями от первого лица. Так в КЛ высказывание летописца от первого лица призвано усилить отрицательную оценку сообщения о нашествии половцев («придоша иноплемьеници на Роускую землю ... Измалтанѣ ... Агаране ... то не рекоу единемь крстьганомъ но и самому Бѣу врази»⁶¹⁹). При этом в оценке соседних народов древнерусские книжники, работавшие в разное время, как правило, солидарны друг с другом, что отражает общий опыт отношения с этими народами⁶²⁰. В ГЛ книжник стремится рассказать о конкретных локусах, а не об истории всего государства:

**«Лѣт писеч ѿ Рускии съ Бмѣъ «по сѣмь скажемь о Галицинѣ
починаемь ... Шкуду естъ пошла могила и ѿ начатыи Галича**

⁶¹⁶ ЧХ, с. 223 (1118, «*tanta fuit inundatio aquarum, quantam non reor fuisse post diluuium in orbe terrarum*»), ССВ, S. 124).

⁶¹⁷ Там же, с. 227 (1122, «*Hunc annum secuta est huemps calida, unde in sequenti aestate caruimus custodita glacie*»), ССВ, S. 125).

⁶¹⁸ О продолжателях Козьмы Пращского см.: *Регель В.Э.* О хронике Козьмы Пращского ... , С. 259-261; *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1955. С. 249.

⁶¹⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 612 (1178).

⁶²⁰ А.В. Лаушкин полагает, что «основной предпосылкой возникновения негативного образа чужого народа становится не его культурное или конфессиональное своеобразие, а неблагоприятный опыт отношения с ним», см.: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI-XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019, С. 248.

**Руская земля стала есть ... се ѿкоудоу сѧ почалъ»⁶²².
начнемъ повѣсть сию»⁶²¹.**

Сходство с первой фразой ПВЛ свидетельствует о том, что в некоторых (весьма немногочисленных) случаях галицкие книжники ориентировались на повествовательные модели⁶²³ предшествующего летописания. Отсутствие в ВЛ высказываний от первого лица, свидетельствующих об этническом самосознании летописцев также связано с местным характером памятника, обусловленного небольшими владениями⁶²⁴ владимир-волынского князя. В СЛ предметом упоминания книжника становятся не племена (этносы), а подчиненные князю территории (ордынские численники **«исчетоша всю землю Буждальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую»⁶²⁵**) или группы городского населения (татары **«черници старыя и попы, и слѣпыя и хромыя и слѣкыя и трудоватыя, и люди всѣ изсѣкоша»⁶²⁶**, численники **«только не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ»⁶²⁷**). Это указывает на формирование элементов социального самосознания, однако в подобных фрагментах высказывания книжников от первого лица в СЛ отсутствуют.

Иная ситуация имеет место в новгородском летописании. В НПЛ летописцы неоднократно высказываются о ценах, причем как в форме первого лица (**«купляхомъ»⁶²⁸**), так и в форме третьего лица (**«купляху»⁶²⁹**, **«купляхуть»⁶³⁰**). Большинство из них относится к текстам, созданным пономарем Тимофеем (1226-1274). В некоторых случаях в таких сообщениях наблюдаются грамматические замены: глагол в форме первого лица мог быть

⁶²¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 2.

⁶²² Там же, стб. 722 (1206).

⁶²³ О повторении некоторых повествовательных моделей в ПВЛ см.: *Роланд П.А.* Модели повествования в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 259-266.

⁶²⁴ *Пауто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950, С. 103.

⁶²⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 203 (1257).

⁶²⁶ Там же, с. 197 (1237).

⁶²⁷ Там же, с. 203 (1257).

⁶²⁸ НПЛ СИ, с. 31 (1161).

⁶²⁹ Там же, с. 21 (1123), С. 72 (1232).

⁶³⁰ Там же, с. 54 (1215).

заменен в НПЛ МИ глаголом в форме третьего лица («и купляхомъ по гривнѣ хлѣв и поболшо, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серѣвра»⁶³¹ и «купляху по полугрѣвнѣ хлѣвецъ»⁶³²), а глагол в форме третьего лица, наоборот, мог быть заменен глаголом в форме первого лица («купляху»⁶³³ и «купляхомъ»⁶³⁴). Иногда глагол в форме первого лица опускался переписчиком («не видѣхомъ свѣтла дни»⁶³⁵), что также является редакторской правкой. В южнорусском летописании (которое велось монахами) подобные упоминания цен отсутствуют. Это говорит о различном самосознании южнорусских и новгородских книжников: последние относили себя к определенной социальной группе (жителям средневекового города)⁶³⁶, поэтому тематика НПЛ ограничена местными интересами, а ее характер является более секуляризированным⁶³⁷.

* * *

Рассмотренные высказывания книжников от первого лица позволяют представить их интеллектуальный кругозор и социальное окружение. По упоминаниям о событиях своей жизни удастся воссоздать элементы биографии историописателей и получить информацию об их современниках, а в ряде случаев и об использованных источниках, информантах (как в ПВЛ) или возможных читателях (ЧХ и ХГА). Во многих случаях это даёт ответ на вопрос, какие задачи ставил перед собой книжник при написании исторического труда. Общерусское летописание имело своей целью изложить историю народа и древнерусского государства, поэтому в ПВЛ преобладают дидактические высказывания книжников, а также упоминания о

⁶³¹ НПЛ СИ, с. 71 (1230).

⁶³² НПЛ МИ, с. 279 (1230).

⁶³³ НПЛ СИ, с. 69 (1228).

⁶³⁴ НПЛ МИ, с. 271 (1228).

⁶³⁵ Ср.: НПЛ СИ, с. 67 (1228) и НПЛ МИ, с. 272 (1228).

⁶³⁶ О средневековой западноевропейской городской истории см. главу «Medieval Urban Historiography in Western Europe (1100-1500)» в работе: *Historiography in the Middle Ages*. Ed. D.M. Deliyannis. Leiden, Boston: Brill, 2003, p. 317-352.

⁶³⁷ Подскальски Г. Христианство и богословская литература С. 371-374.

себе как об очевидцах с целью подчеркнуть достоверность повествования. Высказывания Козьмы Пращского свидетельствуют о типологическом сходстве задач и средств их достижения древнерусского летописца и древнечешского хрониста. Высказывания от первого лица автора первой польской хроники указывают на иную цель – описание «трудов и дней» одного правителя (Болеслава III Кривоустого), поэтому многие выражения Галла Анонима направлены не на достоверность описываемых событий, а на их интерпретацию.

Другим результатом работы явилось установление связи между количеством высказываний книжников от первого лица и жанровой природой исторического повествования. Так в тексте ИЛ при переходе от общерусского летописания к местному с увеличением числа упоминаний о времени наблюдается уменьшение количества высказываний от первого лица (чем сильнее в летописи выражено анналистическое начало, тем реже книжники высказывались «от себя»). Это подтверждает и сопоставление с ХГА: в этом источнике обилие «связок» от первого лица объясняется полным отсутствием дат. Наоборот, в НПЛ попытки соотнести друг с другом известия разных погодных записей практически отсутствуют, что объясняется частой сменой писцов и более выраженным анналистическим характером новгородского летописания. Наблюдения над проявлениями эмоций и оценок позволили определить круг важных для средневековых историописателей тем, однако в силу традиционного характера христианской книжной культуры выявление в них личностного компонента затруднено. Рассмотрение религиозного, этнического и социального аспектов самосознания книжников показало, что в большинстве случаев они принадлежат «среднему индивиду» своего времени и наиболее отчетливо просматриваются на начальном этапе историописания (т.е. в ПВЛ, ЧХ и ХГА). Это связано со стремлением книжников осознать в пространстве и времени место своего народа.

Глава 3. Проявления субъективности⁶³⁸

Субъективность любого высказывания обусловлена тем, что психический акт есть «построение в сознании индивида многомерного образа мира»⁶³⁹. Для реконструкции субъективного образа мира человека некоторой исторической эпохи необходимо изучение многих факторов, таких как принятые в данной культуре стиль деятельности и тип мышления, понимание времени и способность сознания «аккумулировать предысторию деятельности»⁶⁴⁰. Важную роль в понимании субъективности текста играют формы авторского присутствия, причем не только «прямые» (высказывания от первого лица), но и «косвенные» (фразы, которые свидетельствуют о сознании человека своего времени). К ним относятся риторические фигуры (вопросы и восклицания), эмотивные и оценочные высказывания, некоторые выразительные средства (сравнения, эпитеты), которые неоднократно встречаются в памятниках исторического повествования. Примерительно к летописям и хроникам изучение проявлений субъективности осложняется тем, что в средневековой культуре широко распространено употребление устойчивых словосочетаний (топосов) и цитат из авторитетных текстов. В данном параграфе предпринята попытка интерпретации перечисленных риторических фигур и выразительных средств как свидетельств авторского

⁶³⁸ При написании главы использованы следующие публикации автора: *Шаповалов А.В.* Особенности употребления сравнений в «Повести временных лет» и «Хронике Галла Анонима» // Слово и общество: сборник статей международного филологического коллeгиума. Шумен: Университет Константина Преславского, 2021. Т. II. С. 109-118; *Шаповалов А.В.* К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI-XIII вв. (интерпретация и типология) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 105-113; *Шаповалов А.В.* Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI-XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. № 3. С. 256 – 268.

⁶³⁹ *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 254. С такой постановкой вопроса не был согласен Р. Барт, полагавший, что на письме «теряются следы нашей субъективности», см.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вст. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс. 1989. С. 384.

⁶⁴⁰ *Артемяева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, Смысл, 1999. С. 15, 30.

присутствия. Для этого нужно выявить случаи, когда в них проявляется авторская интенция, и определить, чем она вызвана.

§3.1. Риторические вопросы и восклицания

Риторические вопросы

Риторические традиции Древней Руси XI-XII вв. складывались под влиянием византийской культуры преимущественно в проповедях и похвальных словах (учительное и торжественное красноречие⁶⁴¹). С течением времени они проникали в памятники других жанров, такие как послания, жития, хождения, летописи. Одним из основных видов риторических фигур, встречающихся в древнерусских летописях, являются риторические вопросы (не требующие ответа высказывания, которые имеют форму вопроса⁶⁴²). Они характеризуются «асимметрией формы и содержания», поскольку представляют собой «эмоционально усиленные утверждения» с целью придать большую убедительность излагаемой точке зрения⁶⁴³. Поэтому риторические вопросы оказываются ценными свидетельствами проявлений субъективности, что важно при изучении авторских экспликаций. В данном разделе мы рассмотрим, какие виды риторических вопросов присутствуют в летописях и хрониках и какие функции они при этом выполняют.

В ПВЛ риторические вопросы книжники использовали с целью привлечь внимание читателя к фрагменту летописи. Так риторический вопрос присутствует в полемике с приверженцами язычества «волхвами»⁶⁴⁴ («кто оубо что рчѣтъ ѡ творѡщихъ волшвнѡхъ дѣлѡхъ»⁶⁴⁵). При молитвенном

⁶⁴¹ *Черторицкая Т.В.* Ораторское искусство Древней Руси // Сокровища древнерусской литературы. Красноречие Древней Руси (XI-XVII вв.). М.: Советская Россия, 1987, с. 8-9.

⁶⁴² *Сковородников А.П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011, с. 266.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Об антихристианских выступлениях в Древней Руси см.: *Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н.* Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988, с. 249 – 250.

⁶⁴⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 30 (912).

обращении к Богу риторический вопрос мог быть оформлен как прямая речь летописца, что отражает его религиозное сознание («Гси Иссе Хсе чсто ти **воздамъ ѡ всиѡхъ же ты въздасть намъ грѣшнымъ сущимъ**»⁶⁴⁶). Проявлением религиозного сознания книжника являются и цитаты из Священного писания, при этом само указание на цитату может присутствовать («и паки другыи проркъ рче кто тако Бѣ Ѡемла грѣхы и **преступа неправду**»⁶⁴⁷) или отсутствовать («не любди братъ своего егоже **видить Бѣ егоже не видить како можетъ любити**»⁶⁴⁸). Подобные риторические вопросы согласуются с ориентацией древнерусской книжности на византийскую риторическую традицию, для которой характерны «тончайшее варьирование и всесторонняя реализация изначально данных возможностей»⁶⁴⁹. При повествовании о современных книжнику событиях риторические вопросы приобретают более выраженные субъективно-эмоциональные черты («не великихъ ли чстни достойни сѣтъ нашу жизнь **храняще**»⁶⁵⁰) или выражают стремление летописца истолковать историческое событие с христианской точки зрения («се оубо не англь ли **вожаше Ѡлександра не поганъ ли повѣжаше и вси Ѡлини кѡмирослѣужбници**»⁶⁵¹). Отметим, что в ПВЛ неоднократно в риторическом вопросе использовано отрицание (указание на противоположность реальному положению дел), которое связано с оценкой говорящим действительности (модальным компонентом высказывания)⁶⁵², и таким образом актуализирует субъективность повествования.

⁶⁴⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 103-104 (988).

⁶⁴⁷ Там же, стб. 104 (988). Заимствовано из Мих 7:18.

⁶⁴⁸ Там же, стб. 195 (1078). Заимствовано из 1Ин 4:20. О некоторых спорных параллелях Библии и «Повести временных лет» см.: Ранчин А.М., Лаушкин А.В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1, с. 132-135.

⁶⁴⁹ Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, с. 263.

⁶⁵⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 270 (1111).

⁶⁵¹ Там же, стб. 264 (1110). Анализ этого фрагмента см.: Иванайнен О.В. «Азъ» летописца ... , с. 439-440.

⁶⁵² Хайкова И.А. Отрицание в риторическом вопросе // Контрастная лингвистика: Межвузовский тематически сборник. Калинин: Калинин. Гос. Ун-т, 1983. С. 146, 152.

По сравнению с древнерусскими летописями, в западнославянской традиции употребление риторических вопросов имеет ряд особенностей. В ЧХ они относятся не только к содержанию, но и к форме повествования. С их помощью Козьма Пражский выражает свою точку зрения («**Что же удивительного?**»⁶⁵³, «**Что им было делать?**»⁶⁵⁴), соединяет разные фрагменты хроники («**что же дальше?**»⁶⁵⁵, «**И что же?**»⁶⁵⁶, «**Что же еще?**»⁶⁵⁷) или объясняет отказ от подробного изложения событий («**Зачем говорить об этом много?**»⁶⁵⁸, «**Следует ли об этом говорить?**»⁶⁵⁹). Последние примеры согласуются с наблюдением о стремлении Козьмы избегать пересказа других источников⁶⁶⁰, характерного для ПВЛ. Другой особенностью риторических вопросов в ЧХ является их сочетание со сравнением («**Но какая беда может нанести больший вред, чем расположение врагов?**»⁶⁶¹) или гиперболой («**Но разве какие-либо башни, пусть самые высокие, или какие-либо стены, пусть самые прочные, могут противостоять любви и удержать того, кто любит?**»⁶⁶²). Это свидетельствует о хорошем знакомстве Козьмы с памятниками латинской литературы⁶⁶³.

Отмеченные особенности хронографии характерны и для труда Галла Анонима, в котором риторические вопросы встречаются несколько реже, чем в ЧХ. В ХГА они предваряют основное историческое повествование: в

⁶⁵³ ЧХ, с. 30 («**Quid mirum?**», ССВ, S. 32).

⁶⁵⁴ Там же, с. 187 (1101, «**Quid facerent?**», ССВ, S. 108), аналогичные высказывания с. 206 (1109, «**Quid facerent?**», ССВ, S. 117), с. 241 (1125, «**Quid enim ageret?**», ССВ, S. 132).

⁶⁵⁵ Там же, с. 42 («**Quid tamen?**», ССВ, S. 37), с. 46 («**Quid plura?**», ССВ, S. 39), с. 169 (1092, «**Quid multa?**», ССВ, S. 101).

⁶⁵⁶ Там же, с. 84 (1002, «**Quid multa?**», ССВ, S. 59).

⁶⁵⁷ Там же, с. 132 (1067, «**Quid multa?**», ССВ, S. 81), с. 144 (1074, «**Quid multa?**», ССВ, S. 88), с. 161 (1091, «**Quid multa?**», ССВ, S. 97). В приведенных примерах Козьма использует одни и те же высказывания, что позволяет говорить об их формульности.

⁶⁵⁸ Там же, с. 50 (929, «**Quid multa?**», ССВ, S. 46).

⁶⁵⁹ Там же, с. 221 (1116, «**Quid multa?**», ССВ, S. 123).

⁶⁶⁰ Там же, с. 13.

⁶⁶¹ Там же, с. 79 (999, «**Sed quae pestis nocentior quam familiares inimici?**», ССВ, S. 56).

⁶⁶² Там же, с. 91 (1022, «**Sed quae turres, quamvis altissimae, aut quae moenia firmissima amori resistere et amantem possunt excludere?**», ССВ, S. 62).

⁶⁶³ Там же, с. 14-15.

предисловиях к первой и второй книгам польский хронист рассуждает о труде историографа, причем говорит о себе в третьем лице («**Но что мешает располагающему временем читателю слушать то, о чем с трудом может найти сведения историк?**»⁶⁶⁴, «**Но зачем немой пытается говорить о красноречивых и зачем ребенок, обладающий малым разумом, пытается вникнуть в такие глубокие исследования?**»⁶⁶⁵), а в предисловии к третьей книге очерчивает круг тем и говорит, что о некоторых из них он не будет рассказывать («**Что мне вспоминать об Александре Великом, об Антиохе, о царях Мидии и Персии или о языческих тиранах?**»⁶⁶⁶). В основном тексте хроники риторические вопросы Галла также немногочисленны: они относятся к конкретной ситуации («**кто может понять величие бога?**»⁶⁶⁷, «**Но почему же ты, бедный клирик, скрываешься и не решаешься признаться, что это ты вздохнул?**»⁶⁶⁸, «**Какое решение принять, что делать, куда бежать?!**»⁶⁶⁹) или присутствуют в рассуждениях о способе изложения событий («**Что же мы медлим?**»⁶⁷⁰, «**Но зачем забегать вперед?**»⁶⁷¹, «**Что же далее?**»⁶⁷²). В последнем случае использование Галлом сходных выражений позволяет говорить, как и в случае ЧХ, о топике риторических вопросов. Употребление латинскими книжниками устойчивых выражений обусловлено их стремлением следовать авторитету и быть понятным читателю, что характерно для жанров хроник и анналов⁶⁷³, а их большее разнообразие было подготовлено предшествующим развитием

⁶⁶⁴ ХГА, с. 45 («*Sed quid nocet ociosis lectoribus hoc audire, quod vix potest cum labore hystoriographus invenire*», GPP, p. 64).

⁶⁶⁵ Там же, с. 64 («*Sed cur mutus fari nititur de facundis, vel ingenii puer parvi cur implicat se tam profundis*», GPP, p. 112).

⁶⁶⁶ Там же, с. 107 («*Quid de Alexandro Magno, quid de Antiocho, quid de Medorum atque Persarum regibus, quid de tyrannis barbarorum memorarem*», GPP, p. 212).

⁶⁶⁷ Там же, с. 29 («*quis valet Dei magnalia cogitare*», GPP, p. 20).

⁶⁶⁸ Там же, с. 57 («*Sed cur miser clericelle latitas? Cur indicare gemuisse te dubitas?*», GPP, p. 94).

⁶⁶⁹ Там же, с. 100-101 («*Quid consilii caperent, vel quid agerent, vel quo fugerent?*», GPP, p. 196).

⁶⁷⁰ Там же, с. 29 («*Quid moramur?*», GPP, p. 20), с. 131 («*Quid multis moramur?*», GPP, p. 266).

⁶⁷¹ Там же, с. 32 («*Sed cur rota currum precurrit?*», GPP, p. 32).

⁶⁷² Там же, с. 62 («*Quid plura?*», GPP, p. 108), с. 109 («*Sed quid plura?*», GPP, p. 218).

⁶⁷³ При написании историй книжники чаще отходили от этого правила и «осмеливались напоминать, что слово “автор”, *auctor*, происходит от *augere*, прибавлять развивать, и что автор должен стилем возвышать, *adaugere*, факты», см.: Гене Б. История и историческая культура на средневековом Западе. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 250.

латинской книжности. В Древней Руси XI-XII вв. книжная культура еще только формировалась, поэтому в летописях чаще использовались цитаты.

В местном летописании южнорусской традиции риторические вопросы встречаются реже, чем в ПВЛ. В КЛ они включены в речь персонажей и не являются реакцией книжников на описываемые события (как в случае покаянной речи Игоря Святославича, которая содержит серию из шести риторических вопросов, см. §4.1). В тексте ГЛ один из немногих примеров риторического вопроса, употребленного летописцем, – вопрошание о «чести» татарских князей (**«то иньи кто может прити»**⁶⁷⁴). В ВЛ риторический вопрос содержится в посмертной похвале князю Владимиру Васильковичу, которая представляет собой похвальное слово, т.е. другой жанр (**«кто исповѣсть многыя твоя и нещаныя млстныя и дивныя щедроты»**⁶⁷⁵). Присутствующие в этой похвале заимствования из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и некрологов Ростиславичей⁶⁷⁶ свидетельствуют об ориентации волынских книжников на предшествующую книжную традицию и об их стремлении использовать при выражении чувств авторитетный текст, а не свои слова. Это характерно для южнорусского летописания в целом, авторы которого, видимо, не считали своей целью эмоционально воздействовать на читателя и выбирали для достижения целей другие выразительные средства.

В СЛ риторические вопросы преимущественно являются цитатами. В одних случаях книжники оговаривали факт заимствования (**«Якоже рече Пророкъ ... Господь защититель животу моему, отъ кого ся устрашю?»**⁶⁷⁷), в других случаях такое упоминание отсутствует (**«то кто постоитъ?»**⁶⁷⁸). Иногда заимствованный риторический вопрос в СЛ сочетается со

⁶⁷⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 808 (1250).

⁶⁷⁵ Там же, стб. 914-915 (1288).

⁶⁷⁶ Пауткин А.А. К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (31), с. 119-124.

⁶⁷⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 183 (1207).

⁶⁷⁸ Там же, с. 171 (1187), с. 171 (1188), с. 191 (1227). Заимствовано из Пс 79:3.

сравнением, что нехарактерно для предшествующего летописания («**якоже Господь глаголетъ: на кого призрю, не на кроткаго и смѣренаго и трепещущаго словесъ монахъ? Тако и на сего Кирила призрѣ Господь**»⁶⁷⁹). Оригинальных риторических вопросов в СЛ меньше, чем заимствованных, что говорит о некотором ослаблении субъективного начала по сравнению с общерусским летописанием. Как правило, они являются средством усиления оценки, причем как положительной («**да аще Богъ не дастъ въ обиду чловѣка проста, еда начнутъ его обидѣти, аже своее Матере дому?**»⁶⁸⁰), так и отрицательной («**Да доколѣ Богови терпѣти надъ нами?**»⁶⁸¹). Упоминание конкретной ситуации древнерусской истории позволяет отнести эти высказывания к проявлениям субъективности и рассматривать их как попытку объяснить смысл происходящих событий.

В севернорусской летописной традиции риторические вопросы выполняют те же основные функции: выражают непосредственное отношение книжника к описываемым событиям или отсылают читателя к авторитетному (преимущественно библейскому) тексту. В погодных статьях до 1230 г риторические вопросы в НПЛ встречаются эпизодически. Риторический вопрос летописца архиепископа Нифонта (1132-1156) содержит перечисление поступков почившего архиерея и усиливает положительную оценку его деятельности («**которыи епископъ тако украси святую Софию, притворы исписа, кивотъ створи и всю извъну украси**»⁶⁸²). Многие риторические вопросы в НПЛ приходится на период 1228-1238 гг. Хронологически это соответствует времени работы летописца архиепископов Спиридона и Далмата (1226-1274), под которым обычно подразумевают пономаря Тимофея⁶⁸³ («**и кто не просльзиться о семь**»⁶⁸⁴, «**И кто не**

⁶⁷⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 194 (1231). Заимствовано из Ис 66:2.

⁶⁸⁰ Там же, с. 154 (1169).

⁶⁸¹ Там же, с. 162 (1177).

⁶⁸² НПЛ СИ, с. 29 (1156).

⁶⁸³ *Гимон Т.В.* В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII-XIII вв) // Древнейшие государства Восточной Европы. Политические институты Древней Руси: [сб. ст.]. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 329-330.

пожалується сего»⁶⁸⁵, «И кто, братъе, о сем не поплачется»⁶⁸⁶). Его высказывания отличают использование отрицания, эмоциональность и внимание к событиям повседневной жизни, что может рассматриваться как особенность стиля этого книжника. Это говорит о его сопричастности происходившим в городе бедам, и реакция человека, представленная в риторическом вопросе, могла осознаваться им как противоречащая принятому порядку (норме)⁶⁸⁷. При создании текста, предназначенного последующим поколениям, было важно сообщить об этом отношении к норме, для чего с целью привлечения внимания читателя и потребовалось использование риторических вопросов. Аналогично при описании голода 1230 г риторический вопрос оформлен как дидактическое рассуждение (**«Что во рещи или что глаголати о бывшен на нас от бога казни»⁶⁸⁸**). В то же время при обилии употребляемых риторических вопросов пономарь Тимофей не стремился организовать их в отдельный фрагмент текста, как это имело место в ПВЛ и рассматриваемых хрониках. В последующем тексте НПЛ риторических вопросов (как и других форм авторского присутствия) становится существенно меньше, что связано с деятельностью позднейших переписчиков⁶⁸⁹. Как отмечал Г. Подскальски, «то, что в Суздальской и Киевской летописях занимает целые столбцы, здесь сжато до нескольких фраз»⁶⁹⁰. В результате подобного стремления к лаконичности риторический вопрос заменялся эмоционально нейтральным высказыванием с целью выдержать летописный текст в едином, менее экспрессивном стиле (**«Но оже**

⁶⁸⁴ НПЛ СИ, с. 69 (1230).

⁶⁸⁵ Там же, с. 72 (1233).

⁶⁸⁶ Там же, с. 75, 76 (1238).

⁶⁸⁷ Степанова Е.Б. О значении риторического вопроса // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9: Филология. 1980. № 2. С. 41-42.

⁶⁸⁸ НПЛ СИ, с. 70 (1230).

⁶⁸⁹ О редактировании историографических сочинений в Византии см.: Adler W. Time Immemorial: Archaic History and its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellus. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1989. P. 159 – 231.

⁶⁹⁰ Подскальски Г. Христианство и богословская литература ... , с. 371.

БОГЪ ПО НАС, КТО ЖЕ НА НЫ»⁶⁹¹ – «НЪ АЩЕ БОГЪ ПО НАС, НИКТОЖЕ НА НАС»⁶⁹²).

Подобная замена не согласуется с высказывавшейся ранее точкой зрения о том, что основным направлением работ автора НПЛ МИ было «стилистическое приукрашивание», включая риторические дополнения, которые «изменяли текст не в фактическом, а в эмоциональном отношении»⁶⁹³. Приведенный нами пример показывает, что указанное наблюдение справедливо не во всех случаях редакторской правки переписчиком текста протографа.

Риторические восклицания

Другим видом риторических фигур, неоднократно встречающихся в средневековых летописях и хрониках, являются риторические восклицания (тропы, основанные на эмоциональном переосмыслении содержания высказывания⁶⁹⁴). От обычного восклицания его отличает «наличие грамматической категории (части речи), употребленной в переносном значении», а также актуализация различных субъективно-модальных значений (радости, сожаления, мольбы, иронии, возмущения и др.)⁶⁹⁵. Кроме того, восклицательное предложение предполагает «усиленное воздействие на эмоциональную сферу адресата»⁶⁹⁶. Учитывая сказанное, изучение риторических восклицаний представляется важным при анализе форм авторского присутствия. В данном разделе рассмотрены основные случаи употребления книжниками риторических восклицаний.

⁶⁹¹ НПЛ СИ, с. 67 (1228). Отметим, что в послании к Римлянам это высказывание имеет форму риторического вопроса. Факт заимствования отмечался ранее в работе: *Трофимова Н.В.* Библейские цитаты в Новгородской первой летописи // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 4. С. 187.

⁶⁹² НПЛ МИ, с. 274 (1228).

⁶⁹³ *Гимон Т.В.* Редактирование летописей в XIII-XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // *ТОДРЛ*. 2006. Т. 57. С. 122-123.

⁶⁹⁴ *Сковородников А.П.* Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011, с. 276-277.

⁶⁹⁵ Там же, с. 277, 279.

⁶⁹⁶ *Керова А.В.* Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности // *Вестник МГЛУ*. 2016. Вып. 21 (760). С. 176.

В ПВЛ оригинальных риторических восклицаний немного. С их помощью книжники выражали свою оценку («**Ѡ зла лѣсть чловѣчьска**»⁶⁹⁷, «**не добро есть преступати придѣла чюжаго**»⁶⁹⁸) или эмоцию («**Колика ти радость**»⁶⁹⁹). Подобные проявления экспрессивности нетипичны для средневековых памятников, поскольку в традиционной культуре, по мысли С.С. Аверинцева, «не в чести спонтанные реакции на что бы то ни было»⁷⁰⁰. По этой причине летописцы старались говорить не «от себя», а приписывать свои слова другому лицу, в том числе дьяволу («**дѡволъ стѣнаше глѡ оувы мнѣ ко Ѡсюду прогонимь есмь**»⁷⁰¹). Такой прием имел целью подчеркнуть значение крещения киевлян для последующей истории Древней Руси. Как и риторические вопросы, риторические восклицания в ПВЛ нередко являются цитатами, при этом книжники в большинстве случаев не оговаривают факт заимствования («**вели бо Гсѣ и вель крѣпость егѣ и разуму его нѣс числа**»⁷⁰², «**вели еси Гси чудна дѣла твоя**»⁷⁰³). Это может быть связано с тем, что летописцы полагали их известными своему читателю или стремились скрыть свою оценку события за авторитетным мнением. Об ориентации киевских летописцев на литургическую традицию свидетельствуют риторические восклицания, которые представляют собой молитвенные обращения («**блгсвнѣ Гсѣ иже не дасть насъ в ловитьву зѡбомъ имѣ**»⁷⁰⁴, «**хрѣстолюбивала заступника наша стрѣпца**»⁷⁰⁵, «**Гси помилѡи**»⁷⁰⁶, «**радѡиса ѡче нашъ и наставниче Федоси**»⁷⁰⁷). Большое количество молитвенных обращений в общерусском летописании по сравнению с местными памятниками обусловлено социальным положением книжников (авторами

⁶⁹⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 64 (980).

⁶⁹⁸ Там же, стб. 173 (1073).

⁶⁹⁹ Там же, стб. 104 (988).

⁷⁰⁰ Аверинцев С.С. Риторика и истоки ... , с. 244.

⁷⁰¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 102 (988).

⁷⁰² Там же, стб. 68 (980). Заимствовано из Пс 146:5.

⁷⁰³ Там же, стб. 102 (988). Заимствовано из Откр 15:3.

⁷⁰⁴ Там же, стб. 105 (988).

⁷⁰⁵ Там же, стб. 125 (1015).

⁷⁰⁶ Там же, стб. 202 (1091).

⁷⁰⁷ Там же, стб. 204 (1091).

ПВЛ были монахи, придерживающиеся устава монастырской жизни, что менее вероятно для ГЛ и НПЛ). Использование устойчивых риторических восклицаний из литургического обихода говорит о соединении исторического и религиозного аспектов сознания книжников⁷⁰⁸, которые использовали риторические фигуры как смысловые доминанты текста и компоненты формирования новой государственной идеологии. В этом заключается одна из особенностей древнерусского летописания: по наблюдению Г.Г. Литаврина и Б.Н. Флори, деятельность киевских книжников по формированию новой идеологии на рубеже XI-XII вв. «не находит полных аналогов в активности духовенства других стран»⁷⁰⁹.

Как и в общерусском летописании, в хрониках риторические восклицания используются в экспрессивно-выделительной функции. В ЧХ они преимущественно краткие и относятся к конкретной ситуации («**О, изменчивая судьба!**»⁷¹⁰, «**Ах, сколько деревень, сколько домов в подградье, сколько хижин и церквей увлекла она (Влтава – А.Ш.) своим течением!**»⁷¹¹). Особенности ЧХ являются риторические восклицания, которые встречаются внутри фразы («**о суровая судьба человека!**»⁷¹², «**о, позорное деяние!**»⁷¹³) или состоят из двух высказываний («**О, злой разум, о, негодная душа!**»⁷¹⁴). Напротив, в ХГА риторические восклицания, как правило, подчеркивают точку зрения хрониста на деяния провителей с целью их прославления («**О великое благородство и совершенство Болеслава ...!**»⁷¹⁵, «**Он это сделал!**»⁷¹⁶) или осуждения (Збигнев «**постоянно будет**

⁷⁰⁸ Подробнее о религиозном сознании Нестора Летописца см.: Живов В.М. Об этническом и религиозном самосознании ... , с. 183-184.

⁷⁰⁹ Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н. Общее и особенное ... , с. 255.

⁷¹⁰ ЧХ, с. 116 (1041, «**O fors fortuna!**», ССВ, S. 73).

⁷¹¹ Там же, с. 223 (1118, «**ah! quot villas, quot in hoc suburbio domus, casas et ecclesias suo impetu rapuit!**», ССВ, S. 124).

⁷¹² Там же, с. 37 («**heu dira conditio humana!**», ССВ, S. 35).

⁷¹³ Там же, с. 81 (1000, «**o indignum facinus**», ССВ, S. 57).

⁷¹⁴ Там же, с. 80 (999, «**Ah mala mens, malus animus!**», ССВ, S. 57).

⁷¹⁵ ХГА, с. 39 («**O magna discrecio magnaue perfeccio Bolezlaiui**», GPP, p. 50).

⁷¹⁶ Там же, с. 123 («**Utique fecit**», GPP, p. 248).

сожалеть о том, что так поступил!»⁷¹⁷). Иногда Галл употребляет риторическое обращение, чтобы привлечь внимание покровителей к своему труду (в том числе в стихотворном эпилоге: «*Так прочтите ж в помощь нам это сочинение: / Будут многие хвалить нас, если вы поможете!*»⁷¹⁸).

В отличие от ПВЛ, в хрониках число молитвенных обращений невелико:

<p>«О, Иисусе, преблагий господи!»⁷¹⁹.</p>	<p>«О, великие святые отцы!»⁷²⁰, «Славен господь бог во своих святых!»⁷²¹.</p>
---	--

Как и Козьма Пражский, Галл Аноним практически не использует в риторических восклицаниях цитаты. Это позволяет заключить, что с их помощью хронисты стремились выразить свое непосредственное отношение к описываемым событиям. Отметим, что если в ПВЛ и ХГА количество риторических вопросов и восклицаний примерно одинаково (16-18 и 28-21), то в ЧХ вопросов в два раза больше, чем восклицаний (32-16). Это говорит о том, что Козьма Пражский уделял большее внимание вопрошанию читателя, чем выражению своей точки зрения, и согласуется с более пространственным характером риторических фигур, что снижает их экспрессивную нагрузку.

В последующем южнорусском летописании риторических восклицаний становится меньше, чем в ПВЛ. В КЛ риторическое восклицание читается в похвальной речи Моисея Выдубицкого Рюрику Ростиславичу, которая представляет собой помещенное в летопись ораторское сочинение («**что воздамъ ти противоу блгодѣнню ти же твориши и створишь еси к намъ**»⁷²²). В ГЛ риторические восклицания присутствуют при описании отношений князя с татарами как средство усиления отрицательной оценки

⁷¹⁷ ХГА, с. 133-134 («*semperque se fecisse penitebit*»), GPP, p. 272).

⁷¹⁸ Там же, с. 65 («*Nobis astate, nobis hoc opus recitate / Per vos, si vultis, opus est laudabile multis*»), GPP, p. 114).

⁷¹⁹ ЧХ, с. 209 (1109, «*O Iesu, bone Domine!*»), ССВ, S. 118).

⁷²⁰ ХГА, с. 64 («*Magni patres*»), GPP, p. 114).

⁷²¹ Там же, с. 111 («*Gloriosus Deus in sanctis suis*»), GPP, p. 222). Вторая часть фразы заимствована из Пс 67:36.

⁷²² ПСРЛ, Т. II, стб. 712 (1200).

(«**ѡ сквѣрнага прелєсть нхъ**»⁷²³, «**ѡ злѣе зла**»⁷²⁴). Для ВЛ риторические восклицания нехарактерны, а их сочетания встречаются в некрологической похвале Владимиру Васильковичу, т.е., как и в случае КЛ, в произведении другого жанра (о них см. §4.1). Это говорит о том, что риторические восклицания проникали в летописное повествование часто в результате межжанровых влияний в тех случаях, когда летописцы стремились не только сообщить о событии, но и объяснить его значение.

В СЛ риторические восклицания, в отличие от риторических вопросов, не являются цитатами. В тексте они могут повторяться (что позволяет говорить об их топике: «**Ѡ неизреченное челоуѣколюбие!**»⁷²⁵) или встречаться однократно («**Ѡ ѹмиленное видѣнье и слезъ достойно!**»⁷²⁶, «**Георгіе, мужьство тезоимените!**»⁷²⁷). В обоих случаях риторические восклицания относятся к добродетели, на которую книжник хотел обратить внимание читателя. Наличие в погодных статьях 1230-х гг. ростовских известий указывает на редактирование этого фрагмента летописи⁷²⁸ и усложняет изучение его истории. Другой особенностью СЛ являются более частые по сравнению с предшествующим летописанием сочетания риторических восклицаний с выразительными средствами (см. §4.1), что говорит о развитии повествовательного мастерства и стремлении книжников выделить важный в их представлении фрагмент текста.

В новгородском летописании риторические восклицания встречаются неравномерно. Во фрагментах НПЛ, описывающих события X-XII вв., многие из риторических восклицаний построены по модели «**Ѡ, велика ...**» («**вѣда**»⁷²⁹, «**сѣця**»⁷³⁰, «**страхъ**»⁷³¹, «**скървь ... и нѹжа**»⁷³², «**чюдо**»⁷³³), что

⁷²³ ПСРЛ, Т. II, стб. 806-807 (1250).

⁷²⁴ Там же, стб. 817 (1252).

⁷²⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 166 (1185), аналогичный пример с. 198 (1237).

⁷²⁶ Там же, с. 197 (1237).

⁷²⁷ Там же, с. 200 (1239).

⁷²⁸ Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967. С. 136-137, 139, 148-149.

⁷²⁹ НПЛ СИ, с. 17 (1066).

⁷³⁰ Там же, с. 17 (1069).

придает им характер устойчивых выражений. Последние три восклицания присутствует в текстах, предположительно созданных летописцами князя Всеволода (1117-1132), епископа Аркадия (1157-1163) и архиепископа Антония (1213-1226)⁷³⁴, что позволяет рассматривать их как особенность стиля этих книжников. Риторическое восклицание «**О, горе, братье, толь лють вяше пожаръ**»⁷³⁵, которое Е.Л. Конявская считала субъективным высказыванием пономаря Тимофея⁷³⁶, а Д.А. Добровольский – скрытой отсылкой к ветхозаветной символике⁷³⁷, повторяется в последующем тексте летописи⁷³⁸, что свидетельствует скорее о формульности, чем об оригинальности данного высказывания. Как и риторические вопросы, риторические восклицания подвергались в НПЛ редакторской правке. Переписчики заменяли их эмоционально нейтральным высказыванием («**о милосердие его великое**»⁷³⁹ – «**милосердие его велико**»⁷⁴⁰) или опускали вместе с соответствующими фрагментами погодных статей («**О, велика бѣда**» и «**О, велика съца**»⁷⁴¹). Это подтверждает наше наблюдение о том, что новгородские книжники воспринимали многие риторические восклицания как несущественные.

§3.2. Эмотивные и оценочные высказывания

О соотношении эмоционального и оценочного компонентов высказывания существуют различные точки зрения. В рамках когнитивных

⁷³¹ НПЛ СИ, с. 21 (1124).

⁷³² Там же, с. 31 (1161). Это восклицание Е.Л. Конявская считает «единственным открытым проявлением чувств» в НПЛ, см.: *Конявская Е.Л.* Проблема авторского самосознания С. 67.

⁷³³ НПЛ СИ, с. 59 (1218).

⁷³⁴ *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись ... , С. 215.

⁷³⁵ НПЛ СИ, с. 85 (1267).

⁷³⁶ *Конявская Е.Л.* Проблема авторского самосознания ... , С. 70.

⁷³⁷ Прем 16:15-19, см.: *Добровольский Д.А.* Личностное начало в летописании ... , С. 197.

⁷³⁸ НПЛ СИ, с. 93 (1311).

⁷³⁹ Там же, с. 80 (1251).

⁷⁴⁰ НПЛ МИ, с. 305 (1251).

⁷⁴¹ См. фрагменты НПЛ МИ, с. 185-186 (1066), с. 190-191 (1069).

представлений предполагается, что «в основе эмоции лежит оценка», а различие эмоций основано «на дифференциации мнений об объекте»⁷⁴². С другой стороны, различают оценки первого уровня (которые фиксируются эмоциональным компонентом сознания) и оценки второго уровня (рефлексия некоторой общественной практики в виде иерархии ценностей)⁷⁴³. При этом наличие оценок обоих уровней завершает «процесс отражения пространственного-временного континуума человеческим сознанием»⁷⁴⁴. В данном параграфе мы рассмотрим высказывания книжников в летописях и хрониках с точки зрения проявления в них эмоциональности и оценки.

Эмотивные высказывания

Высказывания любого человека помимо основного содержания (семантического компонента) имеют «чувственное содержание» (прагматический компонент), позволяющее увидеть за языковым выражением эмоцию субъекта⁷⁴⁵. Основными структурными компонентами эмотивного высказывания⁷⁴⁶ являются субъект эмоции, само эмоциональное состояние и его причина⁷⁴⁷. Способы языкового выражения эмоциональных состояний весьма разнообразны. В средневековых произведениях, принадлежащих к христианской книжной культуре, эмотивные высказывания встречаются редко, однако в случае «наиболее значимых для целей христианской педагогики контекстов»⁷⁴⁸ книжники стремились сделать

⁷⁴² Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 56.

⁷⁴³ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. С. 231-232.

⁷⁴⁴ Там же. С. 232.

⁷⁴⁵ Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. С. 50.

⁷⁴⁶ Под эмотивностью понимают вербальное выражение эмоциональности, см.: Керова А.В. Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 21 (760). С. 175; о соотношении понятий «экспрессивность», «эмоциональность» и «эмотивность» см.: Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: Механизмы экспликации и концептуализации. М.: Флинта, Наука, 2016. С. 21-40.

⁷⁴⁷ Вольф Е.М. Эмоциональные состояния ... , С. 55.

⁷⁴⁸ Левшун Л.В. Эмотивный компонент категории жанра и стиля в художественном каноне христианской культуры (на материале произведений средневековой книжности) // Stephanos. 2021. V. 6 (50), P. 23.

изложение более выразительным, что при изучении категории автора представляет особенный интерес.

В ПВЛ эмотивные высказывания большей частью краткие и традиционные. В начальной части памятника это преимущественно устойчивые выражения (словене «**ради выша**»⁷⁴⁹, «**плач великъ**»⁷⁵⁰ о смерти правителя). Их использование связано с нормами христианской культуры, в рамках которой допускалось описание религиозных переживаний («**Бѣ не дасть дьаволу радости**»⁷⁵¹, «**не вѣ сердце ихъ с нимь**»⁷⁵² – о киевлянах и Святополке Владимировиче, «**оужасъ швинде**»⁷⁵³ – о митрополите Георгии). В этом отношении показательны слова при описании искушения Печерского старца Исаакія, вложенные летописцем в уста бесу, из которых понятно отрицательное отношение книжника к земным эмоциям («**возмите сопѣли и бѣвны и гусли и оударите ать ны Исакье съплашеть**»⁷⁵⁴). В другом фрагменте ПВЛ упоминается внутреннее состояния Давыда Игоревича, склонившего Святополка Изяславича к ослеплению своего брата Василька Теробовльскаго («**и не вѣ в Давыдѣ гласа и ни послушанья**»⁷⁵⁵). А.М. Ранчин относил это высказывание к библеизмам, отсылающим читателя не к конкретному фрагменту, а к тексту Библии в целом. Это свидетельствует об ориентации летописца «в плане выражения на язык Писания»⁷⁵⁶, что подчеркивало исключительность описанного греха – ослепление брата. Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что в начальном летописании эмотивные высказывания регламентируются христианскими нормами и не являются собственно авторскими проявлениями.

⁷⁴⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 19 (898).

⁷⁵⁰ Там же, стб. 29 (912), стб. 55 (969), стб. 115 (1015).

⁷⁵¹ Там же, стб. 115 (1015).

⁷⁵² Там же.

⁷⁵³ Там же, стб. 172 (1072).

⁷⁵⁴ Там же, стб. 184 (1074). О пляске в ПВЛ «как явлении, не совместимым с исповеданием христианства», писал А.С. Львов, см.: *Львов А.С.* Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1974. С. 58.

⁷⁵⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 233 (1097). Заимствовано из 3Цар 18:26, 4Цар 4:31.

⁷⁵⁶ *Ранчин А.М.* О топике древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 28.

Для эмотивных высказываний Козьмы Пражского характерны те же особенности, что и для ПВЛ. В начальной части ЧХ неоднократно встречаются краткие устойчивые выражения (чехи «с радостью стали устанавливать на земле пенаты»⁷⁵⁷, Либуше и Пржемысл вошли в дом «с великой радостью»⁷⁵⁸). В последующем повествовании ЧХ эмотивные высказывания становятся более разнообразными, и их причиной являются события церковной жизни (епископ Михаил после освящения церкви «довольный вернулся к себе домой»⁷⁵⁹, бегством принявших христианство евреев в Польшу Бржетислав был «очень разгневан»⁷⁶⁰, Бржетислав думал о нравах священников «с тревогой и вниманием в душе своей»⁷⁶¹). Подобный характер эмотивных высказываний определялся традицией латинской книжности и соответствовал характеру труда декана Пражского капитула. Количество причин эмотивных высказываний, не связанных с жизнью церкви, в труде Козьмы Пражского невелико (недоброжелатели хрониста по поводу его труда «будут надрываться от издевательского смеха»⁷⁶², жена Бржетислава, любясь сыновьями, «ликовала»⁷⁶³). Несколько иная ситуация наблюдается в ХГА. Значительная часть эмотивных высказываний Галла Анонима связана с военными походами князей (Болеслав I «сожалея, что он обманут, стал яростно преследовать их (чехов – А.Ш.) ... досадуя на самого себя за то, что они так ускользнули от него»⁷⁶⁴, польский князь Владислав и воевода Сецех призвали помощь «под влиянием чрезмерного гнева»⁷⁶⁵, узнав об измене воеводы Сецеха, Болеслав III «сильно испугался,

⁷⁵⁷ ЧХ, с. 33 («*humi sisti penates gaudebat*», ССВ, S. 33).

⁷⁵⁸ Там же, с. 45 («*cum magna laetitia*», ССВ, р. 38), аналогичный пример с. 103 (1039, «*cum magna laetitia*», ССВ, S. 68).

⁷⁵⁹ Там же, с. 60 («*laetus repedit praesul ad propria*», ССВ, S. 46).

⁷⁶⁰ Там же, с. 176 (1098, «*valde iratus*», ССВ, S. 104).

⁷⁶¹ Там же, с. 177 (1098, «*coepit sollicitus et pervigil secum tacita mente suorum inscipere moris clericorum*», ССВ, S. 104).

⁷⁶² Там же, с. 30 («*eos emori risu subsannationis*», ССВ, S. 32).

⁷⁶³ Там же, с. 101 (1039, «*gaudia laetam*», ССВ, S. 67).

⁷⁶⁴ ХГА, с. 55 («*Bolezlauus delusum se dolens, acriter eos per Morauiam fugientes persequitur ... quia sic evaserant sibimet ipsi dedignando*», GPP, p. 90, 92).

⁷⁶⁵ Там же, с. 69 («*Setheus ira nimis inflammatus*», GPP, p. 126).

весь покрылся потом и залился слезами»⁷⁶⁶). Помимо польских правителей подобные эмоции в сходных ситуациях переживают и другие персонажи хроники (венгры **«глубоко затаили в сердце обиду»⁷⁶⁷**, множество жителей Вроцлава после слов Збигнева **«взволнованных до глубины души, понемногу успокоилось»⁷⁶⁸**). Большое разнообразие эмоций по поводу мирских событий в труде польского хрониста дополняется описанием противоречивых эмоциональных состояний правителей (Владислав **«отчасти обрадовался другу, отчасти почувствовал и гнев; обрадовался, что может принять его, как брата и друга, но пожалел о злом поступке его брата Владислава»⁷⁶⁹**). Эмоции представителей клира польский хронист описывает реже, не отражая в них религиозные переживания (при нашествии поморян в деревянной церкви укрылись **«дрожащие от страха архиепископ, ксендз, архидьякон»**, однако потом **«не побоялся дрожащий старец (архиепископ Мартин – А.Ш.) подняться туда, куда поколебался бы пойти даже юноша»⁷⁷⁰**). Подобный характер эмотивных высказываний достаточно наглядно представляет цели труда польского хрониста и не позволяет нам согласиться с высказанным ранее мнением⁷⁷¹, что Галл Аноним был монахом.

В отличие от ПВЛ, в КЛ эмоции относятся не только к религиозным переживаниям, но и к мирским событиям. Эмоциональные состояния представлены более разнообразно, причем как «положительные» в восприятии книжника (полки **«радующесѧ»⁷⁷²**, Владимир **«с радостью**

⁷⁶⁶ ХГА, с. 76 (*«Hiis dictis puer Bolezlauus vehementissime metuebat, totusque sudore et lacrimis manantibus affluebat»*, GPP, p. 142).

⁷⁶⁷ Там же, с. 58-59 (*«magnam sibi Ungarorum invidiam cumulavit»*, GPP, p. 100).

⁷⁶⁸ Там же, с. 77 (*«multitudo tota Wratislauiensium dolore cordis intrinsecus tacta»*, GPP, p. 146).

⁷⁶⁹ Там же, с. 58 (*«Partim gaudet ex amico, partim restat locus ire, / Partim ex recepto quidem fratre gaudet et amico / Sed de fratrea Wladislauo facto dolet inimico»*, GPP, p. 98).

⁷⁷⁰ Там же, с. 100-101 (*«Tum vero presul, sacerdos, archidiaconus tremefacti ... nisi iuvenisa dubitaret, illuc scandere senex tremulus dubitavit»*, GPP, p. 196, 198).

⁷⁷¹ Zeissberg H. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig: Bei S. Herzog, 1873, s. 26-27.

⁷⁷² ПСРЛ, Т. II, стб. 439 (1151).

приступи»⁷⁷³, Ростислав «въздохнѹвъ ѿ сердца»⁷⁷⁴, Изяслав «прѣвъша оу весельи»⁷⁷⁵), так и «отрицательные» (между князьями «прѣ велика злоба»⁷⁷⁶, братьям Всеволода «бѣсѣ ... тѣжко срѣце»⁷⁷⁷, Изяслав Мстиславич «ражеже срѣце болма»⁷⁷⁸, половцы «оубогавшесѣ»⁷⁷⁹, Иван «оуполошивъсѣ»⁷⁸⁰, Ростислав «печаленъ бѣсѣ»⁷⁸¹). Подобные эмотивные высказывания указывают на «включённость» книжника в описываемые события и выражают его отношение к ним. Особенностью КЛ являются частые упоминания «сентиментальных» состояний (Изяслав «прослезивсѣ»⁷⁸², Святослав «плакасѣ горко по братѣ своемъ»⁷⁸³, епископ Иефимьян «слезы проливаючю и молдцюсѣ»⁷⁸⁴, Ярослав «роплакасѣ»⁷⁸⁵). Значительная часть приведенных высказываний читается в погодных статьях 1152-1161 гг., т.е. во фрагменте, который, по предположению Б.А. Рыбакова, соответствует времени работы игумена Поликарпа (1139-1171)⁷⁸⁶, и может рассматриваться как особенность стиля этого книжника.

В ГЛ эмотивные высказывания отличаются от предшествующего текста КЛ. Эмоции по поводу религиозных переживаний галицкие летописцы описывают нечасто и традиционно (галицким боярам «страхъ бѣсѣ ѿ Ба»⁷⁸⁷, Даниил Романович после пожара холмской церкви «сжалиси велми»⁷⁸⁸). Неоднократно в ГЛ упоминаются эмоциональные состояния при

⁷⁷³ ПСРЛ, Т. II, стб. 452 (1152), аналогичные примеры стб. 471 (1154), стб. 478 (1155).

⁷⁷⁴ Там же, стб. 455 (1152).

⁷⁷⁵ Там же, стб. 460 (1152), аналогичный пример стб. 480 (1155).

⁷⁷⁶ Там же, стб. 297 (1135).

⁷⁷⁷ Там же, стб. 310 (1142).

⁷⁷⁸ Там же, стб. 336 (1146).

⁷⁷⁹ Там же, стб. 458 (1152).

⁷⁸⁰ Там же, стб. 497 (1159).

⁷⁸¹ Там же, стб. 511 (1161), аналогичный пример стб. 513 (1161).

⁷⁸² Там же, стб. 354 (1147), стб. 489 (1157).

⁷⁸³ Там же, стб. 355 (1147), аналогичные примеры стб. 468 (1154), стб. 473 (1154).

⁷⁸⁴ Там же, стб. 380 (1149).

⁷⁸⁵ Там же, стб. 464 (1152).

⁷⁸⁶ Рыбаков Б.А. Русские летописцы ... , С. 58-59.

⁷⁸⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 762 (1230), аналогичный пример стб. 835 (1256).

⁷⁸⁸ Там же, стб. 845 (1259).

сообщениях о земных событиях («росмыгавсѣ рче»⁷⁸⁹, «скорбѣще ѡ братѣ»⁷⁹⁰, «печалнымъ бывше»⁷⁹¹). Отдельного внимания книжников удостоивается эмоциональная реакция немецких послов, подчеркивающая могущество галицкого князя («Немцемъ же зрѣщимъ много дивѣщимсѣ»⁷⁹²). Это сближает целевые установки галицких книжников и Галла Анонима (см. примеры выше). Наши наблюдения подтверждают точку зрения о том, что хотя текст ГЛ отличается эмоциональностью и выразительностью, эмотивные высказывания в нем традиционные, и их затруднительно интерпретировать как проявления субъективности⁷⁹³. Упоминания эмоций волынскими книжниками обнаруживают большее сходство с КЛ, чем с ГЛ. Это проявляется в наличии вариантов устойчивых формул «радѣсть велика»⁷⁹⁴ (варианты «радѣ бысѣ велми»⁷⁹⁵, «радѣ бысѣ по великоу»⁷⁹⁶), «плѣчь великъ»⁷⁹⁷ (варианты «во оужасти величѣ»⁷⁹⁸, Довмонт «печаленъ бысѣ велми»⁷⁹⁹, «печалоуѣ по великоу»⁸⁰⁰). Эмоциональные состояния в ВЛ относятся не только к религиозным, но и к мирским, в частности, к военным, событиям («гнѣвахоуѣ вси князи на Лва»⁸⁰¹, «Левъ радѣ понде с Татары»⁸⁰²). Приведенные высказывания указывают на интерес волынских книжников к фиксации эмоциональных состояний, что усиливает субъективность летописного текста.

Значительное разнообразие эмотивных высказываний имеет место в тексте книжников Северо-Восточной Руси. В СЛ об авторском присутствии

⁷⁸⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 757 (1229).

⁷⁹⁰ Там же, стб. 803 (1249).

⁷⁹¹ Там же, стб. 846 (1260).

⁷⁹² Там же, стб. 814 (1252).

⁷⁹³ Пауткин А.А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 24.

⁷⁹⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 931 (1289).

⁷⁹⁵ Там же, стб. 863 (1264).

⁷⁹⁶ Там же, стб. 885 (1281), стб. 886 (1281).

⁷⁹⁷ Там же, стб. 854 (1261).

⁷⁹⁸ Там же, стб. 848 (1261).

⁷⁹⁹ Там же, стб. 860 (1262), аналогичный пример стб. 871 (1274).

⁸⁰⁰ Там же, стб. 886 (1281).

⁸⁰¹ Там же, стб. 873 (1274).

⁸⁰² Там же, стб. 881 (1280).

говорит наличие вариантов топосов: «**радъ бысть**»⁸⁰³ (варианты «**тяжко бысть**»⁸⁰⁴, «**печаленъ бысть**»⁸⁰⁵), «**съ радостью великою**»⁸⁰⁶ (варианты «**съ радостью**»⁸⁰⁷, «**съ плачемъ**»⁸⁰⁸, «**съ плачемъ великимъ**»⁸⁰⁹). Неоднократно устойчивое выражение «**высть радость велика**» летописцы дополняли различными локусами, к которым относится не только вся Русская земля («**въ земли Русьстѣй**»⁸¹⁰, «**въмъ хрестьяномъ Русской земли**»⁸¹¹), но и отдельные ее части («**въ граде Суждали**»⁸¹², «**въ градѣ Переяславли**»⁸¹³, «**въ Новѣградѣ**»⁸¹⁴, «**въ градѣ Ростовѣ**»⁸¹⁵, «**въ градѣ Володимери и по всей земли Суждальской**»⁸¹⁶). Отметим компактность расположения четырех высказываний, относящихся к городу Владимиру, в погодных статьях 1186-1196 гг. («**высть радость велика въ градѣ Володимери**»⁸¹⁷), что может быть одним из аргументов в пользу единого автора (редактора) этого фрагмента. Объектами эмотивных высказываний в СЛ являются и погодные условия («**громъ страшень**»⁸¹⁸, «**огородилося вьшетъ солнце грозно**»⁸¹⁹), однако число подобных высказываний невелико. К особенностям СЛ следует также отнести более широкий по сравнению с общерусским летописанием круг эмоциональных состояний («**обида**»⁸²⁰, «**плачь и стенанье**»⁸²¹, «**со слезами**

⁸⁰³ ПСРЛ, Т. I, с. 138 (1148), с. 141 (1149), с. 158 (1175), с. 167 (1185), с. 169 (1186).

⁸⁰⁴ Там же, с. 144 (1151).

⁸⁰⁵ Там же, с. 169 (1186).

⁸⁰⁶ Там же, с. 159 (1175), с. 167 (1185), с. 175 (1200), с. 181 (1206), с. 183 (1207), с. 190 (1225), с. 195 (1231), с. 201 (1248), с. 203 (1258).

⁸⁰⁷ Там же, с. 159 (1175), с. 181 (1206).

⁸⁰⁸ Там же, с. 158 (1175).

⁸⁰⁹ Там же, с. 185 (1212).

⁸¹⁰ Там же, с. 176 (1202).

⁸¹¹ Там же, с. 179 (1205).

⁸¹² Там же, с. 172 (1190).

⁸¹³ Там же, с. 175 (1201).

⁸¹⁴ Там же, с. 178 (1206).

⁸¹⁵ Там же, с. 183 (1209), с. 185 (1212), с. 191 (1227).

⁸¹⁶ Там же, с. 202 (1252).

⁸¹⁷ Там же, с. 170 (1186), с. 171 (1189), с. 173 (1194), с. 174 (1196).

⁸¹⁸ Там же, с. 171 (1188).

⁸¹⁹ Там же, с. 208 (1299).

⁸²⁰ Там же, с. 159 (1176).

⁸²¹ Там же, с. 168 (1186).

многими»⁸²², «съ страхомъ и покореньемъ»⁸²³, «плачи и велици вопли»⁸²⁴, «много веселья»⁸²⁵, «лютаго томленья ... ярость»⁸²⁶). С ними соотносятся и разнообразные действия, которые совершают описываемые в СЛ лица («устрашившеся»⁸²⁷, «слезы проливающю»⁸²⁸, «радовахуся»⁸²⁹, «гнѣвающюся»⁸³⁰, «убоявшеся»⁸³¹, «улюбѣлъ ємү Киевъ»⁸³², «сжалиси»⁸³³, «дивишася»⁸³⁴, «жалостныє слезы испущающа ... рыдахү»⁸³⁵, «не мочи видѣти тугы»⁸³⁶, «плакахуся»⁸³⁷, «вѣ во үнылъ лицемъ»⁸³⁸, «въскрежташа зүбы»⁸³⁹). Большинство приведенных выказываний встречается в тексте летописи один раз, что указывает на их оригинальность. Можно сделать вывод, что не только эмотивные высказывания самих книжников, но и отражение в летописи эмоций других лиц свидетельствуют об интересе летописцев к переживаниям человека, при этом сами выражения по мере развития историописания становились все более разнообразными.

Это же внимание к эмоциям других лиц мы видим в НПЛ, в которой основными субъектами, переживающими эмоции, являются новгородцы. Именно они пугаются природных явлений («ради быша вси по граду»⁸⁴⁰, «зѣло страшно бысть: громъ и мѣлния»⁸⁴¹, «громъ бысть страшень

⁸²² ПСРЛ, Т. I, с. 176 (1203).

⁸²³ Там же, с. 195 (1231).

⁸²⁴ Там же, с. 200 (1239).

⁸²⁵ Там же, с. 202 (1250).

⁸²⁶ Там же, с. 204 (1262).

⁸²⁷ Там же, с. 130 (1127).

⁸²⁸ Там же, с. 139 (1149).

⁸²⁹ Там же, с. 140 (1149).

⁸³⁰ Там же, с. 142 (1150).

⁸³¹ Там же, с. 145 (1152), с. 150 (1159), с. 180 (1206).

⁸³² Там же, с. 147 (1174).

⁸³³ Там же, с. 149 (1156), с. 181 (1206).

⁸³⁴ Там же, с. 149 (1159), с. 195 (1231).

⁸³⁵ Там же, с. 177 (1206), с. 199 (1237).

⁸³⁶ Там же, с. 178 (1206).

⁸³⁷ Там же, с. 197 (1237).

⁸³⁸ Там же, с. 197 (1237).

⁸³⁹ Там же, с. 199 (1237).

⁸⁴⁰ НПЛ СИ, с. 21 (1124).

⁸⁴¹ Там же, с. 30 (1157).

зѣло»⁸⁴²) или испытывают радость по поводу событий городской жизни («**ради быша людье Новѣгородѣ**»⁸⁴³, «**възнегодоваша новгородци**»⁸⁴⁴). В последнем случае в качестве объектов, вызвавших эмоции жителей Новгорода, выступают возвращение епископа Нифонта из Киева и оставление Ростиславом в Новгороде своего сына Давыда, т.е. события не морально-религиозного порядка, а мирской жизни. Приведенные эмотивные высказывания читаются в погодных записях, предположительно созданных летописцем архиепископа Нифонта (1132-1156)⁸⁴⁵, что можно рассматривать как особенность его стиля. Этот же летописец сообщает об эмоциях не только князя («**разгнѣвася Гюрги**»⁸⁴⁶), но и княжеского окружения («**негодовахуть его (Игоря – А.Ш.) людье**»⁸⁴⁷). Как видно из приведённых примеров, эмотивные высказывания новгородских книжников в значительной степени определяются социальными условиями, в частности, общественно-политическим укладом жизни Новгорода.

Оценочные высказывания

Структура оценки подразумевает существование модальной рамки (субъект и объект, связанные оценочным предикатом), а также предполагает наличие ряда компонентов (шкала оценок, оценочный стереотип, аспект и основание оценки)⁸⁴⁸. Субъективный фактор оценочных высказываний связан с «ценностным отношением между субъектом и объектом», поскольку оценка всегда принадлежит лицу, живущему в некотором социуме⁸⁴⁹. В отличие от объективной оценки, которая описывает собственные свойства явления, субъективная оценка предполагает «положительное или

⁸⁴² НПЛ СИ, с. 38 (1187).

⁸⁴³ Там же, с. 28 (1150).

⁸⁴⁴ Там же, с. 29 (1154).

⁸⁴⁵ Гиппиус А.А. Новгородская владычня летопись XII-XIV вв. и ее авторы ... , С. 215.

⁸⁴⁶ НПЛ СИ, с. 25 (1139).

⁸⁴⁷ Там же, с. 27 (1146).

⁸⁴⁸ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки ... , С. 9-11, 24-26.

⁸⁴⁹ Там же, С. 22.

отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту»⁸⁵⁰. Следствием этого является возможность различных мнений, что проявляется в аксиологическом, этическом и эпистемическом компонентах оценочного высказывания⁸⁵¹. Наше внимание обращено на оценивающего субъекта (средневекового книжника), на его отношение к описываемым событиям, а в ряде случаев – на стереотипные представления его времени о «зле» и «правде». Это обусловлено спецификой средневековой книжной культуры и положения в ней автора, оценочные высказывания которого являются важным источником представлений о мире и обществе, в котором жил историописатель.

В оценочных высказываниях ПВЛ преобладают устойчивые выражения («**Ѡмѣстькъ примша Ѡ Ба по правдѣ**»⁸⁵²), однако при описании конкретных ситуаций в них появляется авторский компонент. Так во фрагменте, повествующем о печерских старцах, примечательно употребление некоторых реалий из жизни киевских летописцев («**анѣглъ въ вбразѣ Федосьвѣ**»⁸⁵³, «**бѣсъ въ вбразѣ Лѡха**»⁸⁵⁴). При этом объектами оценки летописцев были не только поступки (Исаакий «**не хотѣ славы члвкъыа и нача оуродьствовати и пакостити нача**»⁸⁵⁵), но и помыслы человека (Антоний Печерский «**походи по монастыремъ и не возлюби Бѣ не хотѣщѣ**»⁸⁵⁶). Помимо людей, летописцы давали оценку природным явлениям («**в Новѣгородѣ иде Волхово вспѣть днѣи ѣ (5 – А.Ш.) се же знамение не добро быс на дѣ (4 – А.Ш.) лѣтѣ погорѣ весь городъ**»⁸⁵⁷, «**не блѣо бываеть но знаменна сича на зло**

⁸⁵⁰ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки ... , С. 22-23.

⁸⁵¹ Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику ... , С. 424-426.

⁸⁵² Там же, стб. 168 (1071). Подробнее о понимании правды в Древней Руси см.: Шавеко Н.А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси под влиянием христианской мировоззренческой парадигмы (XI-XV вв.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 10 – 33.

⁸⁵³ ПСРЛ, Т. II, стб. 180 (1074).

⁸⁵⁴ Там же, стб. 181 (1074).

⁸⁵⁵ Там же, стб. 187 (1074).

⁸⁵⁶ Там же, стб. 144-145 (1051).

⁸⁵⁷ Там же, стб. 152 (1063). В Лаврентьевской летописи окончание этого высказывания читается иначе: «**на 4-е во лѣто пожже Всеславъ градъ**», см.: ПСРЛ, Т. I, с. 70 (1063).

БЫВАЮТЪ»⁸⁵⁸). Такие примеры указывают на символичность сознания книжников, которые стремились не только сообщить о событии, но и предложить его объяснение.

Как и в общерусском летописании, положительная оценка в ЧХ неоднократно выражена кратко и традиционно – ссылкой на авторитетный текст («**Ибо говорит Господь**»⁸⁵⁹, «**как сказано в писании**»⁸⁶⁰). Вместе с тем значительная часть оценочных высказываний Козьмы противоречива и имеет своим объектом поведение человека и его мотивы. Это относится к изображению как церковных иерархов (у епископа Козьмы хронист отмечает «**справедливость**»⁸⁶¹ и «**нерадение**»⁸⁶²), так и князей (польский король Болеслав «**находится в послушании у своего дяди**»⁸⁶³, Бржетислав упрекает Мутину «**в оскорблениях**»⁸⁶⁴). Древнерусские книжники предлагают противоречивую оценку князей и церковных иерархов, но не в общерусском, а в местном летописании. В повествовании Галла Анонима также неоднократно встречается противоречивая оценка (Болеслав II «**муж щедрый и воинственный**», но «**некоторый избыток честолюбия и хвастовства не давал ему покоя**»⁸⁶⁵). Однако, в отличие от Козьмы Пражского, польский хронист чаще предлагает оценку положительных качеств польских правителей, причем среди них отдает предпочтение добродетелям государственного мужа (Болеслав III «**весьма преуспевает в военных деяниях и нравится всем мудрым людям королевства**»⁸⁶⁶, «**стремился горячо и часто вызывать своих врагов на бой**»⁸⁶⁷). Среди

⁸⁵⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 155 (1065). Подробнее о солнечных и лунных затмениях в Древней Руси см.: *Святский Д.О.* Астрономия Древней Руси. М.: Русская панорама, 2007. – 664 с.

⁸⁵⁹ ЧХ, с. 77 («*inquit Deus*», ССВ, S. 55).

⁸⁶⁰ Там же, с. 220 (1116, «*sicut ait scriptura*», ССВ, S. 123).

⁸⁶¹ Там же, с. 175 (1096, «*iusticiae*», ССВ, S. 103).

⁸⁶² Там же, с. 175 (1096, «*negligentiae*», ССВ, S. 103).

⁸⁶³ Там же, с. 173 (1093, «*obsequendo suo avunculo*», ССВ, S. 102).

⁸⁶⁴ Там же, с. 175 (1096, «*multa exprobrans sibi*», ССВ, S. 103).

⁸⁶⁵ ХГА, с. 53-54 («*Bolezlauus ... vir largus et bellicosus ... nisi quod quedam eum ambicionis vel vanitatis superfluitas agitavit*», GPP, p. 86).

⁸⁶⁶ Там же, с. 81 («*gestisque militaribus prepollebat, cunctisque regni sapientibus complacebat*», GPP, p. 152).

⁸⁶⁷ Там же, с. 83 («*hostesque suos cogitat acrius et frequentius provocare*», GPP, p. 158).

других качеств человека внимание Галла привлекают христианские добродетели (Болеслав III «полагался всем сердцем на бога, а не на брата»⁸⁶⁸) и образованность (король Венгрии Коломан «наиболее образованный человек из всех королей того времени»⁸⁶⁹). Такие высказывания помогают определить целевые установки составителей хроник и летописей, которые отличаются кругом оцениваемых объектов (в частности, положительных качеств человека).

Помимо явных проявлений оценки, в ПВЛ и хрониках присутствуют случаи, в которых положительная оценка не выражена эксплицитно, но может быть реконструирована на основе выбранного способа изложения. К таким примерам относятся различные реализации мотива смены троевластия единовластием основателя правящей династии, который в ПВЛ реализован нарративно, а в ЧХ символически (типологические отличия):

«и избрашасѧ три брата с роды своими ... и съде старѣишии в Ладозѣ Рюрикѣ а другии Синеуѣ на Бѣлѣзерѣ а третѣи Труворѣ въ Изборьсцѣ и ѿ тѣхъ Вардгъ прозвасѧ Руская земля по дѣвою же лѣтѹ оумре Синеуѣ и братъ его Труворѣ и приа Рюрикѣ власть всю ѡдинѣ»⁸⁷⁰.

«А та палка, которая была воткнута Пржемыслом в землю, дала три больших побега ... два ростка, или побега, высохли и упали, а третий сильно разросся ввысь и вширь ... [Пржемысл] же сказал: “ ... из нашего рода многие родятся господами, но властвовать будет всегда один”»⁸⁷¹.

⁸⁶⁸ ХГА, с. 98 («cor habens in Domino non in fratre», GPP, p. 190).

⁸⁶⁹ Там же, с. 89 («super reges universos suo tempore degentes litterali scientia erudito», GPP, p. 172).

⁸⁷⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 14. Точка зрения о неверном переводе имен братьев Рюрика (Синеус – *sine hus* – 'свой род' и Трувор – *thru varing* – 'верная дружина') в настоящее время является дискуссионной, см.: Шайкин А.А. «Повесть временных лет»: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. С. 474.

⁸⁷¹ ЧХ, с. 42-43 («Corilus autem, quam humi fixit, tres altas propagines ... duae propagines sive virgulta duo aruerunt et ceciderunt, set tertia multo altius et latius accrescebat ... Et ille: ... ex nostra progenie multos dominos nasci, set unum semper dominari», CCB, S. 37).

Аналогичным образом сюжет о слепоте правителя перед крещением в ПВЛ представлен как повествование, а в ХГА – как рассуждение:

«по Бжью же строенью въ се время разболѣса Володимиръ шчима и не видаше ничтоже ... и повелѣ крѣтитиса и епѣпъ же Корсуньскыи ... тако возложи рѣкѣ на нь и авьѣ прозрѣ видив же се Володимеръ напрасно исцѣлени и прослави Бѣ рекъ то первое оувидѣхъ Бѣ истиньнаго ... крѣти же са въ цркви стѣ Софьи и есть цркви та стоаще в Корсунѣ градъ ... и до сего днѣ»⁸⁷².

«Когда приближалась седьмая годовщина его (Мешко – А.Ш.) рождения ... слепой мальчик прозрел ... Всемогуший господь в надлежащем порядке восстановил вначале телесное зрение Мешко, а потом наделил его и духовным для того, чтобы он через видимое проник в область невидимого и через познание природы познал всемогущего творца»⁸⁷³.

Приведенные примеры показывают, что древнерусские летописцы излагали некоторые сюжеты начальной истории как реально происходившие, тогда как авторы западнославянских хроник предпочитали давать их символическое толкование.

В КЛ ряд оценочных характеристик персонажей подчеркивает их значение для всей Русской земли, что продолжает традицию общерусского летописания (Клим Смолятич «книжникъ и философъ такъ такоже в Роускои земли не башеть»⁸⁷⁴, новгородский епископ Нифонт «бы поворникъ всеи Рускои земли»⁸⁷⁵). Местный характер КЛ проявляется в том, что в

⁸⁷² ПСРЛ, Т. II, стб. 96-97 (988).

⁸⁷³ ХГА, с. 31-32 («VII° vero recurrente nativitatis eius anniversario ... cecum puerum indicavit ... Ordine enim competentem Deus omnipotens visum prius Meschoni corporalem restituit, et postea spiritalem adhibuit, ut per visibilia ad invisibilium agnitionem penetraret et per rerum noticiam ad artificis omnipotentiam suspicaret»), GPP, p. 26, 28).

⁸⁷⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 340 (1147).

⁸⁷⁵ Там же, стб. 483-484 (1156).

оценочных высказываниях книжников помимо Бога⁸⁷⁶ встречаются имена других святых («**повѣжени бѣвшѣ елики силою чѣстнаго крѣста и стѣомъ Муханломъ**»⁸⁷⁷, Нифонт «**имѣа велику любовь къ стѣви Бѣи и къ Ѡцю Федосью**»⁸⁷⁸), а также неоднократно упоминаются родители описываемых лиц («**посовиенъ Биемъ и силою хрѣстною и мѣтвоею дѣда своего**»⁸⁷⁹, «**съхраненъ Бмѣ и мѣтвоею родителъ своихъ**»⁸⁸⁰). При этом книжники подчеркивают преемственность добродетели (Ярополк «**страхъ Бѣи имѣа въ срѣци такоже и шѣь его имѣаше страхъ Бѣи**»⁸⁸¹), а также отмечают заботу о родственниках (Владимир «**вратолюбиемъ свѣтѣмъ миролюбиемъ величашемъ**»⁸⁸²). Это свидетельствует о задачах летописца, который стремился в своем труде показать вред междоусобных войн внутри княжеского дома. По этой причине при описании князей киевские летописцы основное внимание уделяли христианским добродетелям (Владимир «**придолѣ гордость**»⁸⁸³, Всеволод «**исполнившемъ страха Бѣи**»⁸⁸⁴), а воинские качества изображены ими более кратко (Владимир «**много пота оутеръ за землю Роускоюю**»⁸⁸⁵). Любопытно, что объектом оценки в КЛ являются некоторые речевые действия, что находит соответствие в ХГА:

Вячеслав « речъ съ гнѣвомъ » ⁸⁸⁶ ,	Владислав	произнес
Ростислава « начаша ... звати льстью » ⁸⁸⁷ ,	« блестящую речъ » ⁸⁸⁹ ,	
Изяслав « съ гаростью Ѡвѣща » ⁸⁸⁸ .	Збигнев	слушал
	« легкомысленные	и

⁸⁷⁶ Подробнее о ссылках летописцев на высшую волю см.: *Иванайнен О.В.* «Азь» летописца ... , С. 433-443.

⁸⁷⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 290 (1126).

⁸⁷⁸ Там же, стб. 483-484 (1156).

⁸⁷⁹ Там же, стб. 390 (1149).

⁸⁸⁰ Там же, стб. 432, аналогичный пример 438 (1151).

⁸⁸¹ Там же, стб. 302 (1139).

⁸⁸² Там же, стб. 391 (1149).

⁸⁸³ Там же, стб. 287 (1123).

⁸⁸⁴ Там же, стб. 306 (1140).

⁸⁸⁵ Там же, стб. 303 (1140).

⁸⁸⁶ Там же, стб. 399 (1150).

⁸⁸⁷ Там же, стб. 495 (1159).

⁸⁸⁸ Там же, стб. 499 (1159).

вредные»⁸⁹⁰ советы и потом «не дал достойного ответа»⁸⁹¹, высказывания чехов: «пустые слова»⁸⁹².

Если летописец сопровождает оценку эмотивным высказыванием, то Галл Аноним при характеристике речи не упоминает об эмоциях. Также представляет интерес, что автор польской хроники обращает внимание не на буквальный смысл слов, а на скрытое за ним начение («Слова эти казались достаточно благожелательными и мирными, но, может быть, на языке явно было одно, а тайно в сердце - другое»⁸⁹³). Рассмотренные оценочные высказывания позволяют сделать вывод о постепенном формировании у книжников элементов рефлексии по поводу своего труда.

Особенностью оценочных устойчивых выражений ГЛ является частое упоминание лести («полны соуть льсти»⁸⁹⁴, «исполнившимъ зависти и льсти»⁸⁹⁵, «великоу леть оучинила»⁸⁹⁶). Если в ПВЛ «лесть» встречается примерно 10 раз на всем пространстве текста⁸⁹⁷, то три приведенных высказывания читаются в компактном фрагменте ГЛ, что позволяет рассматривать их как особенность стиля книжника, создававшего погодные статьи 1240-1260-х гг. Неоднократно в ГЛ присутствуют традиционные для средневекового сознания упоминания ада и бесов («оумршимъ въ адѣ»⁸⁹⁸, «изиде дша его со кровью во адѣ»⁸⁹⁹, «рекомыта вѣси»⁹⁰⁰), а также

⁸⁸⁹ ХГА, с. 72 («satis oratione», GPP, p. 134).

⁸⁹⁰ Там же, с. 95 («puerile consilium et nociturum», GPP, p. 182).

⁸⁹¹ Там же, с. 96 («convenientem nequaquam responsionem remandavit», GPP, p. 186).

⁸⁹² Там же, с. 127 («nisi verba solummodo nuda daret», GPP, p. 258).

⁸⁹³ Там же, с. 133 («Verba quidem satis bona et pacifica videbantur, sed aliud promptum in lingua forsan et aliud clausum in pectore tenebatur», GPP, p. 270). Подчеркнутый фрагмент является цитатой из Саллюстия, Cat. 10:15, см.: Гай Саллюстий Крисп. Заговор Катилины / Примеч. С.П. Гвоздева; вводн. статья и общ. ред. М.М. Покровского. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1947, с. 22.

⁸⁹⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 790 (1240).

⁸⁹⁵ Там же, стб. 828 (1255).

⁸⁹⁶ Там же, стб. 847 (1260).

⁸⁹⁷ Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1974. С. 42, 55, 58.

⁸⁹⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 806 (1250).

⁸⁹⁹ Там же, стб. 834 (1256).

сообщения об отсутствии у человека недостатка («**Ѡ главѣ и до ногоу его не бѣ на немъ порока**»⁹⁰¹, «**не помануѣста зла**»⁹⁰², «**не выѣ пакости**»⁹⁰³). Приведенные примеры вместе с отсутствием агиографических мотивов составляют своеобразие ГЛ, в оценочных это высказываниях которой наблюдается некоторое ослабление дидактического начала по сравнению с предшествующем летописанием.

Оценочные высказывания в ВЛ отличаются от аналогичных проявлений галицких книжников. В устойчивых выражениях этого памятника понятие «лесть» встречается не чаще, чем другие пороки («**лесть оучини**»⁹⁰⁴, «**гордася своимъ безоумьемъ**»⁹⁰⁵, «**с великою гордостью**»⁹⁰⁶). В отличие от своих предшественников, волынские летописцы реже упоминают дьявола («**вложи дьяволъ ненависть**»⁹⁰⁷), отдавая предпочтение различным проявлениям Божьей воли («**Бѣ оучини над нимъ волю свою**»⁹⁰⁸, «**Посла Бѣ на насъ мѣчь свои**»⁹⁰⁹, «**Бѣ бо не дал ми своихъ родити за мои грѣхы**»⁹¹⁰). Особенностью ВЛ является упоминание в некрологической похвале братолюбия галицкого князя, которую книжник особенно выделяет (Даниил Романович «**братолюбьемъ свѣтася с братомъ своимъ Василкомъ**»⁹¹¹). В некоторых случаях оценка волынских летописцев не выражена эксплицитно («**составлеша по собѣ славоу послѣднемоу вѣкоу**»⁹¹², «**бѣ разоумѣа древнага и заднага**»⁹¹³). Подобным образом в ВЛ описаны и некоторые результаты сражения, что находит соответствие в ЧХ:

⁹⁰⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 839 (1258).

⁹⁰¹ Там же, стб. 744-745 (1224).

⁹⁰² Там же, стб. 783 (1238).

⁹⁰³ Там же, стб. 835 (1256).

⁹⁰⁴ Там же, стб. 873 (1274).

⁹⁰⁵ Там же, стб. 888 (1282).

⁹⁰⁶ Там же, стб. 888 (1282).

⁹⁰⁷ Там же, стб. 882 (1281).

⁹⁰⁸ Там же, стб. 882 (1280).

⁹⁰⁹ Там же, стб. 897 (1287).

⁹¹⁰ Там же, стб. 901 (1287).

⁹¹¹ Там же, стб. 862 (1264).

⁹¹² Там же, стб. 887 (1281).

⁹¹³ Там же, стб. 912 (1288).

«**ТОКМО ѠДИНЪ ОУБИТЬ Ѡ ПОЛКА
ВАСИЛКОВА**»⁹¹⁴,

«**ТОКМО И ДВА ВЪСТА ОУБИТА**»⁹¹⁵.

«лучане были перебиты все до
одного, кроме ... того
человека, которого ...
предостерегала мачеха»⁹¹⁶.

Подобные имплицитные выражения оценки являются примером типологического сходства в памятниках разных традиций. Краткость оценочных высказываний ВЛ более соответствует киевскому летописанию XII века и контрастирует с текстом ГЛ⁹¹⁷, указывая на смену ориентиров историописания.

Некоторые оценочные высказывания в СЛ варьируются, что указывает на присутствие в них авторского начала. Примером является изменение топоса «**МНОГО ЗЛА СТВОРИША**»⁹¹⁸ (варианты «**МНОГО ПАКОСТИ СТВОРИША**»⁹¹⁹, «**МНОГУ ТЯГОТУ ... СТВОРИША**»⁹²⁰), которое указывает на стремление летописца более разнообразно называть ситуации. К особенностям выражения отрицательной оценки в СЛ относятся мотив отсутствия братской помощи («**НЕ ПОСЛУШАВЪ БРАТА СВОЕГО**»⁹²¹, «**ОТЬ БРАТЬИ НЕ БЫСТЬ ЕМУ ПОМОЩИ**»⁹²²), а также самоуверенность князя, надеющегося на свои силы, а не на помощь Бога («**НАДЪЯСЯ СИЛЪ СВОЕЙ**»⁹²³, «**НАДЪЯСЯ НА МНОЖСТВО ВОЙ**»⁹²⁴). Другим примером оригинальных оценочных суждений книжников являются высказывания, не только относящиеся к конкретной ситуации, но и

⁹¹⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 856 (1262).

⁹¹⁵ Там же, стб. 886 (1281).

⁹¹⁶ ЧХ, с. 53 («*Lucensibus omnibus interfectis usque ad unum, praeter illum videlicet quem noverca olim praemonuerat euntem ad praelium*», ССВ, S. 42).

⁹¹⁷ Это различие отмечал И.П. Еремин, который единственным сходством между ГЛ и ВЛ считал отсутствие погодной сетки, см.: *Еремин И.П.* Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.–Л.: Наука, 1966. С. 178.

⁹¹⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 136 (1146), с. 154 (1169), с. 156, 157 (1175), с. 184 (1210).

⁹¹⁹ Там же, с. 135 (1142), с. 148 (1155).

⁹²⁰ Там же, с. 159 (1176).

⁹²¹ Там же, с. 132 (1134).

⁹²² Там же, с. 133 (1138).

⁹²³ Там же, с. 134 (1139).

⁹²⁴ Там же, с. 139 (1149).

описывающие ее («**И видѣ Игорь въ Киевѣ, и не годно бысть людемъ**»⁹²⁵, епископ Леон «**умножилъ бяше церковь, гравяй попы**»⁹²⁶). Более разнообразные средства выражения оценки указывают на развитие повествовательного мастерства летописцев северо-восточной Руси.

В НПЛ способы выражения оценки традиционны и лаконичны. Так при сообщении о кончине архиепископа Нифонта летописец упоминает о его противниках («**глаголаху ... себе на грѣхъ**»⁹²⁷). Для усиления оценки книжники ссылались на авторитетный текст («**о таковыхъ во рече дѹхъ святыи: събираеть, а нѣ вѣсть, комуъ свираеть**»⁹²⁸) или приводили дидактическое рассуждение («**не добро же бысть и самому: еже во сѣть чловѣкъ, тоже и пожнеть**»⁹²⁹). Оба приведенных примера отличает краткость и афористичность. Некоторые высказывания летописцев в НПЛ объясняют возмездие за отрицательный поступок как закономерное и справедливое («**всякъ во злыи злѣ да погывнеть**»⁹³⁰). Такие высказывания традиционны для древнерусского летописания и свидетельствуют о провиденциальном⁹³¹ характере сознания книжников.

§3.3. Сравнения и эпитеты как авторские экспликации

Сравнения

Структура сравнения подразумевает наличие нескольких компонентов: объекта, который сравнивают, объекта, с которым производится сравнение, признака, по которому сравниваются объекты, а также показателя сравнения

⁹²⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 136 (1146).

⁹²⁶ Там же, с. 149 (1159).

⁹²⁷ НПЛ СИ, с. 29 (1156).

⁹²⁸ Там же, с. 70 (1230).

⁹²⁹ Там же, с. 97 (1325).

⁹³⁰ Там же, с. 82 (1257). О прилагательных со значением моральной оценки в тексте НПЛ СИ см.: Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись ... , С. 193-194.

⁹³¹ Подробнее провиденциальности сознания книжников см.: Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI-XIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. – 26 с.

(средства языкового оформления сравнительных отношений). В средневековой картине мира принцип подобия является одним из основных и широко распространенных⁹³², поэтому в произведениях XI-XIII вв. господствуют «двузначные» выразительные средства (символ, метафора, сравнение). При создании текстов разных жанров они могли заимствоваться и таким образом образовывать *loci communes*. Помимо этого, средневековая историография во многом определялась символическим⁹³³ толкованием Ветхого и Нового заветов: факты истории и явления природы понимались как знаки, отсылающие к скрытому (часто абстрактному) смыслу⁹³⁴. Для каждого типа текста (жанра) были характерны свои устойчивые выражения, поэтому представляет интерес выявление «существенных жанровых отличий сравнений»⁹³⁵. При изучении категории автора мы рассматриваем сравнение как «мыслительный процесс, играющий главную роль в познании и словесном описании окружающего мира»⁹³⁶. Учитывая традиционный характер средневековой книжной культуры, для нас релевантными оказываются случаи отклонения от нормы, варианты, относящиеся к конкретной ситуации и имеющие дополнительные компоненты значения⁹³⁷.

Со времен Аристотеля существует традиционное деление сравнений на образные и безобразные (в зависимости от принадлежности сопоставляемых

⁹³² Подробнее о сравнении в средние века см.: *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст. и комм. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990. С. 213-233; *Гуревич А.Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 230, 302.

⁹³³ Подробнее о символическом характере средневековой книжности см.: *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы ... , С. 161-162; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового запада ... , С. 400-406.

⁹³⁴ В этой связи интересно высказывание Гуго Сент-Викторского (XII в.): **“Я ... порицаю тех, кто стремится ... там обнаружить мистический смысл и глубокую аллегория, где их нет, равно как и тех, кто упорно его отрицает там, где таковой имеется”** (цит. по: *Барг М.А.* Эпохи и идеи ... , С. 165).

⁹³⁵ *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы ... , С. 184.

⁹³⁶ *Баранова Т.М.* Типология индивидуальных образных сравнений с позиции их восприятия реципиентом в аспекте перевода // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020. № 13 (5). С. 275.

⁹³⁷ *Черемисина М.И.* Сравнительные конструкции русского языка. М.: URSS, 2020. С. 36.

объектов к одному или к разным классам вещей)⁹³⁸, которые по-разному свидетельствуют о книжниках. Для образных сравнений ПВЛ характерны сопоставления с библейскими персонажами⁹³⁹, в которых используется союз «**тако**» («**как**»⁹⁴⁰). Так летописец сравнивает Ольгу с эфиопской царицей, что сходно с описанием матери Болеслава I Храброго в ХГА:

«тако и при Соломони приде църца ѿфиопьска слышати хотѣци мдрѣть Соломоню ... тако и си влаженаа Волга искаше добры мдрѣти Бига»⁹⁴¹.
*«Как Юдифь спасла народ свой / Через убийство Олоферна, / Так дала нам эта сына»*⁹⁴².

Подобные сравнения в летописях подчеркивают значимый для книжников библейский контекст и встречаются только по отношению к правителям, принявшим христианство⁹⁴³. Помимо библейских персонажей летописцы сравнивали князей с известными историческими личностями (Владимир Святославич **«новы Костѣнтинъ великаго Рима иже крѣсти всѣ люди своа самъ и тако сии створиша подобно ему»**⁹⁴⁴) или даже друг с другом (о Владимире Святославиче и Ярославе Владимировиче: **«такоже во нѣкто землю разореть другыи же насѣть инии же пожинають и дати пищу**

⁹³⁸ Девятова Н.М. Об образном сравнении и его типологии // Болгарская русистика. 2010. № 3-4. С. 56.

⁹³⁹ Среди них преобладают ветхозаветные (21 персонаж) по сравнению с новозаветными (8 персонажей), см.: Ивков Д.Э. Сопоставление исторических персонажей с библейскими в летописании домонгольской Руси // Аналитика культурологии: Электронное научное издание. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 1. О библейских текстах как источнике ПВЛ см.: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы ... , С. 90-110.

⁹⁴⁰ Подробнее о сложных сравнительных конструкциях с союзом «как» см.: Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. М.: URSS, 2020. С. 41-127.

⁹⁴¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 50-51 (955).

⁹⁴² ХГА, с. 26 (*«Judith salvavit populum / Per Olofernis iugulum. / Ista peperit filium»*, GPP, p. 10). Упомянутый библейский сюжет см.: Иудифь 13:6-8.

⁹⁴³ По отношению к князьям, не принявшим христианство, летописцы употребляли сравнения с животными: Святослав Игоревич **«легокъ ходѣ акы пардусъ (леопард – А.Ш.)»**, ПСРЛ, Т. II, стб. 52 (964); анализ этого сравнения см.: Гуппиус А.А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 48-49.

⁹⁴⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 115 (1015).

БЕСКУДНУ ДА И СЕ»⁹⁴⁵). Соотнесение событий древнерусской и европейской истории было важно для летописцев при описании Крещения Руси и распространения книг⁹⁴⁶. Напротив, Галл использует библейские образы для описания военных качеств правителя, как в случае сопоставления Болеслава II с иудейскими вождями («**как бы подражая Маккавеям, он, разделив войско, выступил и как защитник родины и как мститель за обиду»**⁹⁴⁷). Также в ХГА неоднократно встречается мотив родительской заботы о подданных (Болеслав I Храбрый «**как отец сына, увещевал ... крестьянина»**⁹⁴⁸, «**вся Польша скорбела, как мать, оплакивающая гибель единственного сына»**⁹⁴⁹). В летописях подобные высказывания распространятся несколько позже (см. ниже примеры из КЛ). В отличие от них, Козьма Пражский сопоставляет друг с другом не только людей, но и животных («**И даже самая несчастная кляча, как горячий конь, мчалась в битву»**⁹⁵⁰), а также качества человека («**Бржетислав возрастом зрелый, а еще более зрелый по уму»**⁹⁵¹). Это указывает на постепенное формирование у средневековых книжников умений оперировать абстрактными представлениями.

Как отмечал В.Е. Хализев, на начальном этапе существования литературы «широко бытовали сравнения человеческого мира с предметами и явлениями природы»⁹⁵² (безобразные сравнения). В ПВЛ подобным

⁹⁴⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 115 (1015). Символический характер этого сравнения отмечался ранее, см.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы ... С. 166.

⁹⁴⁶ Об организации школьного учения при Владимире Святославиче и начале переводческой деятельности при Ярославе Владимировиче см.: Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. С. 13-22.

⁹⁴⁷ ХГА, с. 93-94 («**sicut Machabeorum imitator, diviso exercitu et patrie defensor extitit et iniurie vindicator**», GPP, p. 180). Об этом походе упоминает и Козьма Пражский, см.: ЧХ, с. 193 (1106).

⁹⁴⁸ Там же, с. 39 («**rusticum quasi pater filium admonebat**», GPP, p. 50), аналогичные примеры с. 42, 44, 46 (GPP, p. 58, 62, 66).

⁹⁴⁹ Там же, с. 59 («**tota Polonia sic lugebat, sicut mater unici mortem filii**», GPP, p. 102).

⁹⁵⁰ ЧХ, с. 49 («**saltat scabiosa equa, ut acer equus in pugna**», ССВ, S. 41).

⁹⁵¹ Там же, с. 172 (1093, «**sed maturus aetate, sensu maturior**», ССВ, S. 102). Сходное высказывание присутствует и в ХГА, которое оформлено как противопоставление: Болеслав «**отрок по возрасту, старец по мужеству**» (ХГА, с. 74, «**puer etate, senex probitate**», GPP, p. 138).

⁹⁵² Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С. 241.

примером является метафора «христианское учение – источник воды»⁹⁵³, на которой построен ряд сравнений (Ольга «**аки г҃уба напає внимаючи о҃учнью**»⁹⁵⁴, Борис и Глеб «**ако потока точита ѿ кладѣзѣ водѣ живоносныа исцѣлениа истѣвкуютъ вѣрнымъ людемъ**»⁹⁵⁵, книги «**с҃уть реки напаяющи вселенюю всю**»⁹⁵⁶). Эти сравнения отражают влияние агиографической стилистики и подчеркивают стремление летописцев сделать историческое повествование более изысканным. Сопоставления с небесными светилами читаются в ПВЛ и ЧХ, однако книжники употребляют их по-разному:

Печерские старцы « ако свѣтилѣ	«подобно тому, как после тучи
взарѣюща всю землю » ⁹⁵⁷ ,	солнце всегда ярче и отраднее для
« ѡцї наши акы свѣтила в	глаза, так и после бездействия это
мирѣ » ⁹⁵⁸ ,	войско стало проворнее и
« черноризци акы свѣтила » ⁹⁵⁹ ,	отважнее в битве» ⁹⁶¹ ,
« чернорисци ... сигають и по смрѣти	«тот скорее бы дождался закат
ако свѣтила » ⁹⁶⁰ .	солнца, чем успел бы прочитатъ
	обо всем этом» ⁹⁶² .

Если в ПВЛ летописцы употребляли устойчивые выражения применительно к тем, кого они почитали святыми (к Борису и Глебу, к печерским старцам), то Козьма Пражский рассматривает образ солнца с «повседневной» точки зрения, не наделяя его сакральным смыслом. В то же время, книжники разных культурных центров имели свои предпочтения. Козьма Пражский в качестве объектов сравнения часто использует огонь или пламя («**страсть**

⁹⁵³ Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля ... , С. 50.

⁹⁵⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 49 (955).

⁹⁵⁵ Там же, стб. 125 (1015).

⁹⁵⁶ Там же, стб. 140 (1037).

⁹⁵⁷ Там же, стб. 125 (1015).

⁹⁵⁸ Там же, стб. 175 (1074).

⁹⁵⁹ Там же, стб. 179 (1074).

⁹⁶⁰ Там же, стб. 189 (1074).

⁹⁶¹ ЧХ, с. 51 («*sicut post aquosam nubem fit sol clarior et visu iocundior, ita post nimiam inerciam exercitus ille fuit alacrior et ad pugnam audatior*», ССВ, S. 41).

⁹⁶² Там же, с. 144 (1073, «*prius lux diurna deficeret, quam haec omnia perlegerit*», ССВ, S. 88).

стяжания пылает в душе сильнее огня Этны»⁹⁶³, Святополк «усевшись посреди на скамью, возле печи, весь пылая гневом, подобно этой печи, после того как ее семь раз подряд разжигали»⁹⁶⁴), а также образы, привычные для сельского жителя (Дуринк «отрезал у своего маленького господина голову, как у поросенка»⁹⁶⁵, претендующие на наследство сыновья Владислава «как два щенка, посаженные в один мешок, не могут жить вместе»⁹⁶⁶). Интересно, что сравнения, свидетельствующие о знакомстве книжников с элементами охоты, встречаются как в ПВЛ, так и в хрониках. В ПВЛ есть только одно такое высказывание (Боняк «свиша Оугры в мдчъ како соколъ галицѣ звиваетъ»⁹⁶⁷). Напротив, в ЧХ и ХГА подобные сравнения более пространные (Святополк «переловил их всех до одного, как рыб на закинутую приманку»⁹⁶⁸, Святополк «как дикий вепрь, преследуемый молосскими⁹⁶⁹ собаками, ранит всех повсюду острыми клыками, одних убивает, другим выпускает внутренности и не останавливается и не перестает причинять вред до тех пор, пока запыхавшийся охотник не прибежит с новой сворой собак на помощь своим псам»⁹⁷⁰). Это указывает на то, что в окружении авторов хроник охоты проходили более часто, и они были знакомы с их деталями лучше, чем древнерусские книжники, которые были монахами и об охоте могли узнать только по рассказам современников. Вероятно, по этой же причине круг животных в сравнениях Галла Анонима значительно шире, чем в других

⁹⁶³ ЧХ, с. 35 («*amor habendi saevior ignibus Aethnae in omnibus ardet*»), ССВ, S. 34).

⁹⁶⁴ Там же, с. 197 (1107, «*sedit in medio super truncum fornacis, plus succensus ira, Quam fornax, qui sepcies succenditur flamma*»), ССВ, S. 113).

⁹⁶⁵ Там же, с. 55 («*caput suo dominello abscondens ut porcello*»), ССВ, S. 43).

⁹⁶⁶ Там же, с. 187 (1102, «*sicut vulgo dicitur, duo catti uno sacco capti insimul esse non possunt*»), ССВ, S. 109).

⁹⁶⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 146 (1097).

⁹⁶⁸ ЧХ, с. 201 (1108, «*repente irruens, omnes usque ad unum, velut pisces missa sagena captos*»), ССВ, S. 114).

⁹⁶⁹ Молоссы - древнегреческое племя, жившее в области Эпира, охотничьи собаки которых были известны за пределами Древней Греции, см.: ХГА, С. 156.

⁹⁷⁰ ХГА, с. 86 («*sicut aper molosis indagatus, scilicet undique curvo dente percuciens, alios perimit, aliis viscera fundit, nec prius gradum figit, vel facere dampnum desistit, donec venator anhelus cum alia turba canum suis laborantibus occurrit*»), GPP, p. 162).

рассматриваемых памятниках (Збигнев «обратился в бегство, подобно оленю»⁹⁷¹, воины Збигнева вышли «как мыши из нор»⁹⁷², чехи считали поляков «не построенными, скрывающимися, рассеянными, подобно зайцам»⁹⁷³), а в предисловии ко второй книге Хроники Галл сравнивает себя с муравьем («так и муравей, насекомое, хотя и несоразмерное с верблюдом по величине своего тела, однако ревностно выполняет работу, пропорциональную его силам»⁹⁷⁴). Приведенные сравнения позволяют сделать вывод о различном повседневном опыте историописателей, определившем сферу, из которой они заимствовали объекты для сравнений.

В местном летописании оригинальные сравнения, которые используют книжники, более разнообразны. В КЛ часто встречается образ отца (Бог «**тако възлюбленыи щѣь вѣшеть**»⁹⁷⁵, Рюрик «**плакашасѣ по немь аки по щѣь**»⁹⁷⁶), причем летописцы сравнивают между собой не только людей, но и их поступки (Ярополк «**страхъ Бѣи имѣ въ срѣци такоже и щѣь его имѣше страхъ Бѣи**»⁹⁷⁷, «**юже бѣь создалъ щѣь его ... юже бѣь самъ создалъ**»⁹⁷⁸). Последнее представляется существенным, поскольку в некоторых случаях сопоставление качеств человека находит соответствия в хрониках:

«Володимиръ лежа творѣсѣ акы «Сделав вид, что занемог, он **изнемага с ранъ но ранъ на немъ** (Неклан – А.Ш.) **укрылся в не бѣло**»⁹⁷⁹. **упомянутом граде**»⁹⁸⁰.

⁹⁷¹ ХГА, с. 97 («*fugiens velud cervus*»), GPP, p. 188).

⁹⁷² Там же, с. 124 («*congregatis, sicut mures de latibulis exeuntes*»), GPP, p. 252).

⁹⁷³ Там же, с. 130 («*irrevocabiles, inordinatos, latitantes, dispersos se capere sicut lepores*»), GPP, p. 264).

⁹⁷⁴ Там же, с. 64 («*Insuper etiam formica, cum sit camelo quantitate corporis animal inaequale, opus tamen suum exercet studiose, suis viribus coequale*»), GPP, p. 112).

⁹⁷⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 583 (1175).

⁹⁷⁶ Там же, стб. 618 (1180).

⁹⁷⁷ Там же, стб. 302 (1139).

⁹⁷⁸ Там же, стб. 703 (1197).

⁹⁷⁹ Там же, стб. 454 (1152).

⁹⁸⁰ ЧХ, с. 37 («*et ficta infirmitate in castro supradicto delituit*»), ССВ, S. 41).

Помимо качеств киевские летописцы сравнивают эмоциональные состояния (Святослав и Ростислав «**вѣста весела пачѣ вчерашнего дни**»⁹⁸¹, Святолав Всеволодович «**вбравовашасѧ аки не вѣдоуще Бжи казни**»⁹⁸²), а также объекты и расстояния («**толь далече такоже Вышегородъ ѿ Кыева тако же и Бѣлюбъли ѿ Володимѣрѧ**»⁹⁸³). Подобные сравнения были распространены в хождениях, когда о реалиях других стран сообщалось людям, которые никогда в них не бывали (как в случае описаний памятников Святой земли в «Хожении игумена Даниила»⁹⁸⁴). Некоторые безобразные сравнения с явлениями природы в КЛ употреблены с изобразительной целью («**летѧщу по нѣси до землѧ тако кригоу ѡгненоу**»⁹⁸⁵, «**громъ силенъ тако во емъ бродѧщимъсѧ чересъ рѣкѣ**»⁹⁸⁶). Иногда в летописных сравнениях отражался личный опыт человека («**оустрои Бѣ мьглѣ такоже не видѣти никамо же толико до конецъ копыа видити**»⁹⁸⁷, «**не бысѣ бо иколиже толь тѧжка пѣти людемъ симъ**»⁹⁸⁸, Святослав «**ѡхѧ ко стмѣ мученикомъ ... тако послѣднюю свою слоужбоу приносѧ**»⁹⁸⁹). Отнесенность к конкретной жизненной ситуации позволяет рассматривать такие сравнения как проявления субъективности книжников.

Стремление использовать в сравнениях конкретный жизненный опыт присутствует и у галицких книжников. Некоторые из таких сопоставлений в ГЛ обнаруживают аналогии в тексте ХГА:

⁹⁸¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 504 (1160).

⁹⁸² Там же, стб. 603 (1177).

⁹⁸³ Там же, стб. 580 (1175).

⁹⁸⁴ Ср. описание игуменом Даниилом церкви Воскресения Господня в Иерусалиме: «**яко печерка мала у камени сечена, дверци имущи малы, яко можетъ человекъ влести на колену, поклонься, возвыше жь есть мала, всямокачна, 4 лакоть и въ длину и въ ширину**», ХИГ, с. 33.

⁹⁸⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 314 (1144).

⁹⁸⁶ Там же, стб. 527 (1167).

⁹⁸⁷ Там же, стб. 435 (1151), аналогичный пример стб. 466 (1153).

⁹⁸⁸ Там же, стб. 560 (1173).

⁹⁸⁹ Там же, стб. 680 (1194). В этом фрагменте отмечался интерес составителя летописи к «семантике княжеских имен» и «церковной повседневности» семьи Рюриковичей, см.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010, С. 138-151.

«по соухоу же Днѣпръ «такое множество было там перешедшимъ тако же покрыти рыцарей, переходящих реку, что водѣ бѣти ѿ множества она смотрящим с берега казалась людьми»⁹⁹⁰. не водой, а как бы сухой дорогой»⁹⁹¹.

Эти сравнения указывают на книжников как на людей, принимавших участие в походах. При описании победы над пруссами летописец использовал сравнение галицкого князя со львом, которое также встречается в хрониках:

Даниил Романович Святополк «был Болеслав III «подобно «изовстрисѣ на подобен выпущен- рыкающему льву»⁹⁹⁴, поганыѣ тако ному из клетки льву, «Болеслав стоит у левъ»⁹⁹². который, выйдя с власти, точно лев рычанием на арену, с могучий наш»⁹⁹⁵, взъерошенной гри- Болеслав III «рассвирепел, как вой высматривает лев, увидевший, что добычу»⁹⁹³. добыча спряталась за ограду»⁹⁹⁶.

Сравнения при описании битв в ГЛ традиционны («копьем же изломившимсѣ тако ѿ грома трѣсновение выѣ»⁹⁹⁷), а сопоставления с артефактами выглядят несколько необычно («блещатисѣ тако зерчалоу»⁹⁹⁸, «оубѣлена тако сырѣ»⁹⁹⁹). Подобные примеры подчеркивают своеобразие

⁹⁹⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 741 (1224).

⁹⁹¹ ХГА, с. 40-41 («Tanta vero fuit ibi militum flumen transeuntium multitudo, quod non aqua videbatur ab inferioribus, sed quedam itineris siccitudo», GPP, p. 54).

⁹⁹² ПСРЛ, Т. II, стб. 813 (1251).

⁹⁹³ ЧХ, с. 197 (1107, «sicut leo de sua emissus cavea in theatrum stat rugiens et erectis iubis expectat edulium», ССВ, S. 113).

⁹⁹⁴ ХГА, с. 95, 121 («sicut leo rugiens», GPP, p. 184, 244). Заимствовано из 1Пет 5:8.

⁹⁹⁵ Там же, с. 109 («Bolezlaus stat in regno magnus dux et dominus / Et paratus est ad bellum sicut leo cominus», GPP, p. 220).

⁹⁹⁶ Там же, с. 126 («querebat, quasi leo visa preda septis conclusa stomachabatur», GPP, p. 256).

⁹⁹⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 803 (1249).

⁹⁹⁸ Там же, стб. 844 (1259).

⁹⁹⁹ Там же.

жизненного опыта Галицких летописцев, обусловившего использование выразительных средств.

По сравнению с ГЛ в повествовании волынских книжников субъективный компонент выражен слабее, оригинальных сравнений в нем немного, и значительная их часть обнаруживает сходство с предшествующим киевским летописанием. В образных сравнениях волынские книжники часто уделяли внимание родственным отношениям, что ранее отмечалось для КЛ («**аки свою дщерь родимою**»¹⁰⁰⁰, «**створшемоу толкию свободуу какоже и дѣдъ твои Романъ**»¹⁰⁰¹). Безобразные сравнения ВЛ отличает частое использование традиционных эпитетов (полки «**аки боровѣ величѣи**»¹⁰⁰², камни «**аки градъ силнии**»¹⁰⁰³), а число оригинальных сопоставлений невелико (мертвые падают «**аки сноповѣ**»¹⁰⁰⁴, благоухание «**пшдовна драмат многоценных**»¹⁰⁰⁵, Владимир Василькович украшен «**млстнею како гривною**»¹⁰⁰⁶). Приведенные сравнения указывают на традиционный характер Волынского летописания и на заметное влияние агиографического жанра.

Особенностью СЛ является достаточно широкий круг объектов сравнения. Разнообразно в СЛ сопоставляются различные ситуации, причем не только с событиями Священной истории («**Якоже и Саулъ ... тако и сего**»¹⁰⁰⁷, «**приде на нь искушеньє, аки на Ієва**»¹⁰⁰⁸), но и с тем, как понимал книжник авторитетный текст («**его же благословятъ человекѣци, бѣдетъ благословенъ, его же проклянутъ человекѣци, бѣдетъ проклятъ, тако и съ Феодорець**»¹⁰⁰⁹, «**его же Богъ позоветъ и святая Богородиця, князь**

¹⁰⁰⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 901, 905 (1287).

¹⁰⁰¹ Там же, стб. 920 (1289).

¹⁰⁰² Там же, стб. 885 (1281).

¹⁰⁰³ Там же, стб. 885-886 (1281).

¹⁰⁰⁴ Там же, стб. 886 (1281).

¹⁰⁰⁵ Там же, стб. 927 (1289).

¹⁰⁰⁶ Там же, стб. 924 (1289).

¹⁰⁰⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 168 (1186), с. 200 (1239).

¹⁰⁰⁸ Там же, с. 192 (1229).

¹⁰⁰⁹ Там же, с. 152 (1169).

въсхочеть и людье: тако и сего»¹⁰¹⁰). В отличие от хроник, пространные сравнения для СЛ нетипичны, как в случае сопоставления Андрея Боголюбского с солнцем в летописной повести о его убиении (**«НЕ ПОСТАВ ИВО ПРЕКРАСНОГО СОЛНЦА НА ЕДИНОМЪ МѢСТѢ, А ДОВОЛЕЮЩА И ОТТУДУ ВСЮ ВСЕЛЕННЮЮ ОСЯТИ, НО СТВОРИ ЕМУ ВСТОКЪ, ПОЛЪДНЕ И ЗАПАДЪ: ТАКО И УГОДНИКА СЕГО АНДРѢЯ КНЯЗЯ»¹⁰¹¹**). Обусловленность требованиями агиографического жанра затрудняет отнесение приведенных сравнений к собственно авторским проявлениям субъективности. В других случаях традиционные сравнения в СЛ претерпевают изменения, обусловленные местным характером повествования. В некоторых из них описываемый объект превосходит по качеству все подобное не только в Русской земле (Ярослав Всеволодович ходил на Емь, **«ГДѢ ЖЕ НИЕДИНЪ ОТЪ КНЯЗЬ РУСЬСЬСКИХЪ НЕ ВЗМОЖЕ БЫВАТИ»¹⁰¹²**), но и в конкретном княжестве (епископ Ростовский Кирилл **«ТАКЪ БѢ БОГАТЪ ВСѢМЪ, ТАКЪ НИ ЕДИНЪ ЕПИСКОПЪ БЫВЪ ВЪ СҀЖДАЛЬСЬКѢ ОБЛАСТИ»¹⁰¹³**). В СЛ присутствует сопоставление двух ситуаций из древнерусской истории, что сходно с приведенным выше уподоблением Ярослава Владимировича Владимиру Святославичу в ПВЛ (**«БОГЪ ОТЦА ЕГО МОЛИТВОЮ ИЗБАВИ ЕГО ОТЪ СМЕРТИ, ЯКОЖЕ И ПРЕЖЕ ВЪ ЛҀЦѢ МОРЯ»¹⁰¹⁴**). Помимо описания событий из жизни северо-восточной Руси книжники использовали сравнения для характеристики простых людей (**«БОЛѢ ВЗЕМШЕ МИРНЫХЪ ЛЯХОВЪ, НЕЖЕЛИ РАТНЫХЪ»¹⁰¹⁵**), качеств человека (**«МИЛОСТИВЪ ЖЕ БЯШЕ ПАЧЕ МѢРЫ»¹⁰¹⁶**, угры **«ЛЕЖАХУТЬ ПЬЯНИ ЯКО МЕРТВИ»¹⁰¹⁷**), абстрактных понятий (**«ЧЮДО ПАЧЕ НАШЕЯ НАДЕЖА»¹⁰¹⁸**,

¹⁰¹⁰ ПСРЛ, Т. I, с. 165 (1185).

¹⁰¹¹ Там же, с. 157-158 (1175).

¹⁰¹² Там же, с. 190 (1226).

¹⁰¹³ Там же, с. 192 (1229).

¹⁰¹⁴ Там же, с. 154 (1169).

¹⁰¹⁵ Там же, с. 135 (1142).

¹⁰¹⁶ Там же, с. 129 (1125), с. 200 (1239).

¹⁰¹⁷ Там же, с. 144 (1151), ПСРЛ, Т. II, стб. 442 (1151).

¹⁰¹⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 153 (1169), ПСРЛ, Т. II, стб. 555 (1172).

«**ОБНОВЛЕНА БЫСТЬ ЦЕРКЫ ... И ТО ЧЮДУ ПОДОВНО**»¹⁰¹⁹) или речевых действий («**ЛЕСТНЫМИ СЛОВЕСЫ АКЫ БЕЗЪ ПЕЧАЛИ И СТВОРИША**»¹⁰²⁰). То обстоятельство, что некоторые из приведенных сравнений читаются не только в СЛ, но и в КЛ, указывает на то, что фрагменты этих памятников восходят к общему протографу¹⁰²¹. Многие безобразные сравнения СЛ имеют своей целью наглядно изобразить происходившее, что нетипично для начальной части общерусского летописания (солнце «**АКЫ МЪСЯЦЪ ДОЛУ РОГОМА**»¹⁰²², «**АКЫ ДУГА МЪСЯЦЪ**»¹⁰²³, «**П҄УСТОШНАГО СВѢТА СЕГО, ЕЖЕ ... Х҄УЖЕ ПА҄УЧИНЫ**»¹⁰²⁴, гребцы «**АКИ МГЛОЮ ОДѢНИ**»¹⁰²⁵, звезда «**ЛУЧА ИМУЩИ ЯКО И ХВОСТЪ КЪ ГОРѢ, КЪ ПОЛУДЕНЬЮ ЛИЦЬ**»¹⁰²⁶). К проявлениям субъективности относятся некоторые оригинальные сравнения, которые обнаруживают в летописце очевидца описываемых событий («**ВѢ ВО ЯКО МГЛА КЪ ЗЕМЛИ ПРИЛЕГЛА, ЯКО И ПТИЦЕМЪ ПО АЕР҄У НЕ ВѢ ЛЪЗѢ ЛЕТАТИ, НО ПАДАХ҄У НА ЗЕМЛИ И УМИРАХ҄У**»¹⁰²⁷). Подобные высказывания подтверждают соотнесение книжником разных фрагментов созданного им текста, что позволяет говорить об элементах рефлексии.

Отмеченные для летописания киевской и северо-восточной Руси особенности употребления сравнений во многом справедливы и для новгородского летописания. В НПЛ образные сравнения читаются более редко, что свидетельствует о менее выраженном учительном характере этого памятника (архиепископ Митрофан «**ПРИЯ СЪ РАДОСТИЮ, ЯКО ИОАНН ЗЛАТОУСТЬЦЬ И ГРИГОРИИ АКРАГАНЬСКИИ**»¹⁰²⁸). Часто «антропоморфные» сравнения употребляются новгородскими книжниками не с изобразительной

¹⁰¹⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 173 (1194).

¹⁰²⁰ Там же, с. 133 (1138).

¹⁰²¹ О южнорусских источниках ростово-суздальского летописания см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб: Дмитрий Буланин, 1996. С. 109-117.

¹⁰²² ПСРЛ, Т. I, с. 127 (1114).

¹⁰²³ Там же, с. 135 (1141).

¹⁰²⁴ Там же, с. 186 (1216).

¹⁰²⁵ Там же, с. 205 (1263).

¹⁰²⁶ Там же, с. 209 (1302).

¹⁰²⁷ Там же, с. 189 (1223).

¹⁰²⁸ НПЛ СИ, с. 52 (1212).

целью, а имеют бытовой характер («**обнаживъше, яко мати родила**»¹⁰²⁹, «**акы злодѣя пѣхующе за воротъ, выгнаша**»¹⁰³⁰). Напротив, безобразные сравнения в НПЛ достаточно разнообразны. Среди них преобладают сопоставления с природными явлениями («**градъ же яко явлѣковъ боле**»¹⁰³¹, «**шишкы, яко дрѣва вышша муж**»¹⁰³², «**люди стѣкѣще акы травѣ**»¹⁰³³, «**проливающа кровь христьянскую акы воду**»¹⁰³⁴, «**полкъ нѣмецкыи ... якои лѣсъ**»¹⁰³⁵). Неоднократно в тексте НПЛ встречаются сопоставления с небесными светилами, что обнаруживает в новгородских книжниках осведомленность в этих вопросах и отличает их стиль от повествования других древнерусских историописателей («**якоже бываетъ мѣсяць 4 дни**»¹⁰³⁶, «**акы въ 5 ноци мѣсяць**»¹⁰³⁷). Сопоставления с животными в НПЛ преимущественно являются отсылками к библейским текстам («**акы агныци непорочни прѣдаша дѣша своя богови**»¹⁰³⁸, «**множество вѣщисла, акы прѣзи**»¹⁰³⁹), а сравнения с артефактами немногочисленны («**наиде 4 вощаници яко въ стѣкляницю**»¹⁰⁴⁰). Приведенные примеры подтверждают высказанную ранее точку зрения о лаконизме новгородских летописцев¹⁰⁴¹. В них проявляется внимание книжников к повседневности¹⁰⁴², что связано с их принадлежностью к белому духовенству и осознанием себя городскими жителями.

¹⁰²⁹ НПЛ СИ, с. 26 (1141).

¹⁰³⁰ Там же, с. 67 (1228).

¹⁰³¹ Там же, с. 30 (1157).

¹⁰³² Там же, с. 48 (1204).

¹⁰³³ Там же, с. 76 (1238).

¹⁰³⁴ Там же, с. 84 (1265). Заимствовано из Пс 78:1-3.

¹⁰³⁵ Там же, с. 86 (1269).

¹⁰³⁶ Там же, с. 25 (1140).

¹⁰³⁷ Там же, с. 69 (1230), с. 74 (1237), с. 96 (1321).

¹⁰³⁸ Там же, с. 58 (1218).

¹⁰³⁹ Там же, с. 74 (1238).

¹⁰⁴⁰ Там же, с. 79 (1243).

¹⁰⁴¹ Подскальски Г. Христианство и богословская литература ... , С. 371.

¹⁰⁴² Интерес новгородцев к коллизиям повседневной жизни нашел отражение и в фольклоре, см.: Алпатов С.В. Фольклор как составляющая средневековой культуры (к проблеме школьного курса) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 120-121.

Эпитеты

В историческом повествовании книжники неоднократно использовали эпитеты (образные определения)¹⁰⁴³. В средневековых памятниках (как и в произведениях устного народного творчества) они часто являются устойчивыми выражениями и обозначают постоянный признак объекта¹⁰⁴⁴. Однако в летописях помимо подобных «терминологических, закреплённых значений» эпитетов встречаются и случаи «вольного их употребления»¹⁰⁴⁵. Так при характеристике исторического лица использование того или иного эпитета зависит от «предпочтений автора, его осведомлённости и широты кругозора»¹⁰⁴⁶. По этой причине изучение летописных эпитетов помогает определить «пристрастия и навыки, черты повествовательной манеры отдельных летописцев»¹⁰⁴⁷. Учитывая сказанное, становится понятным наш интерес к эпитетам при изучении форм авторского присутствия как к проявлениям субъективности книжников. В этом разделе рассматриваются случаи варьирования устойчивых выражений, а также эпитеты, характерные для данного памятника.

В ПВЛ эпитеты выполняют несколько основных функций. В повествовании о давно прошедших событиях они характеризуют народы, о которых киевские книжники имели некоторые сведения (кривичи «погани»¹⁰⁴⁸, тиверцы «**суть толковины**»¹⁰⁴⁹, греки «**мудри**»¹⁰⁵⁰). Такие

¹⁰⁴³ Подробнее о различных видах эпитетов см.: *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989, с. 59-63, об истории эпитета – С. 63-75.

¹⁰⁴⁴ *Потебня А.А.* Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст. и комм. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990. С. 167-168; Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина М.: Интелвак, 2001. Стб. 1235.

¹⁰⁴⁵ *Шайкин А.А.* Тропы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. М.: Наука, 2004. С. 508-509.

¹⁰⁴⁶ *Лавренченко М.Л.* Титулы и эпитеты правителей в русских летописях и польских хрониках XI-XIII вв. // *Colloquia Russica*. 2019. Series I. V. 9. P. 184.

¹⁰⁴⁷ *Пауткин А.А.* Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наука, 1998. С. 127.

¹⁰⁴⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 10. Об идеологических основах власти и традиции объединения кочевников в Монгольской державе см.: *Трепавлов В.В.* Государственный строй монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. С. 45-58.

¹⁰⁴⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 21 (907).

¹⁰⁵⁰ Там же, стб. 57 (971). В Лаврентьевской летописи это высказывание читается иначе: «**Суть во Греци лстивы**», ПСРЛ, Т. I, с. 29 (971).

высказывания свидетельствуют о формировании социального аспекта самосознания летописцев. В других случаях книжники описывали человека, подчеркивая важные для них качества (Борис «**вѣжнѣи**»¹⁰⁵¹, Всеслав «**немлѣтивъ есть на кровопролитѣе**»¹⁰⁵²). Для характеристики Бориса и Глеба употребляются эпитеты, образованные из словосочетаний (братья «**вѣмудрага**»¹⁰⁵³, воды «**живоноснага**»¹⁰⁵⁴, лучи «**(пре)свѣтозарнага**»¹⁰⁵⁵, очи «**недрѣманнага**»¹⁰⁵⁶, места «**златозарнага**»¹⁰⁵⁷, заступники «**хрѣстолюбивага**»¹⁰⁵⁸), а также описывается ситуация («**ни ѿвѣжаста нѣжнѣга смѣрти**»¹⁰⁵⁹). Происхождение приведенных эпитетов А.А. Шайкин объяснял влиянием агиографической стилистики¹⁰⁶⁰. Подобные примеры подтверждают стремление киевских книжников включить в историческое повествование сведения из разных источников и сделать его более разнообразным по форме.

Как и в общерусском летописании, в западославянских хрониках эпитеты часто служат средством выражения оценки. В начальной части ЧХ преобладают устойчивые эпитеты, по которым мы можем судить об отношении Козьмы Пражского не только к себе («**моя угасающая память**»¹⁰⁶¹, «**моя глупая затея**»¹⁰⁶²), но и к описываемым объектам («**очень мощный град**»¹⁰⁶³, «**чудодейственное искусство**»¹⁰⁶⁴, «**грубые мужчины**»¹⁰⁶⁵, «**адский дар прорицания**»¹⁰⁶⁶). Их выбор обусловлен

¹⁰⁵¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 120 (1015).

¹⁰⁵² Там же, стб. 143 (1044).

¹⁰⁵³ Там же, стб. 125 (1015).

¹⁰⁵⁴ Там же.

¹⁰⁵⁵ Там же.

¹⁰⁵⁶ Там же.

¹⁰⁵⁷ Там же, стб. 125 (1015).

¹⁰⁵⁸ Там же, стб. 126 (1015).

¹⁰⁵⁹ Там же, стб. 282 (1115).

¹⁰⁶⁰ Шайкин А.А. Тропы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. М.: Наука, 2004. С. 509-511.

¹⁰⁶¹ ЧХ, с. 30 («**mens mea dormitans titubavit**», ССВ, S. 32).

¹⁰⁶² Там же, с. 30 («**meis ineptis ... coeptis**», ССВ, S. 32).

¹⁰⁶³ Там же, с. 37 («**urbem tunc potentissimam**», ССВ, S. 35).

¹⁰⁶⁴ Там же, с. 38 («**magica arte**», ССВ, S. 35).

¹⁰⁶⁵ Там же, с. 39 («**agrestes viros**», ССВ, S. 36).

сложившейся традицией повествования о давно прошедших временах. Аналогичным образом в ЧХ изображены и первые правители (Крок¹⁰⁶⁷ «**совершенный**»¹⁰⁶⁸, «**многоопытный**»¹⁰⁶⁹), однако в последующем тексте наряду с прямыми характеристиками человека Козьма весьма разнообразно описывает его внешние проявления (Бржетислава отличали «**дела, угодные богу и людям**»¹⁰⁷⁰, «**неистошимые доблести**»¹⁰⁷¹, «**высокие достоинства**»¹⁰⁷², «**неисчерпаемые богатства**»¹⁰⁷³). Аналогичное разделение объектов оценки на человека и его поступки присутствует и в ПВЛ, однако в подобных случаях здесь преобладают топоры («**Ѣтополкъ же ѡканьныи ... примъ смыслъ Канновъ**»¹⁰⁷⁴). Это связано с формирующимися способами изображения человека в летописи, которые оказываются типологически сходными с хрониками, однако не имеют длительной книжной традиции. По сравнению с ЧХ Галл Аноним использование эпитетов подчиняет главной цели своего труда – прославлению основного персонажа польской хроники Болеслава III Кривоустого. Этот князь охарактеризован как «**бесстрашный**»¹⁰⁷⁵, «**воинственный**»¹⁰⁷⁶, «**человек мужественный**»¹⁰⁷⁷, «**полководец доблестный**»¹⁰⁷⁸, «**неутомимый**»¹⁰⁷⁹. Под стать своему правителю в ХГА изображены польские воины (они «**достойные**»¹⁰⁸⁰,

¹⁰⁶⁶ ЧХ, с. 46 («*spiritus pestilens et prophetans*», ССВ, S. 38).

¹⁰⁶⁷ Этимологию имени «Крок» исследователи возводят к названию птицы «ворон», что обнаруживает сходство с именем основателя Галича, происхождение которого связывают со словом «галка», см.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. С. 141.

¹⁰⁶⁸ ЧХ, с. 35 («*perfectus*», ССВ, S. 34).

¹⁰⁶⁹ Там же, с. 36 («*expers*», ССВ, S. 34).

¹⁰⁷⁰ Там же, с. 100 (1039, «*Deo tam hominibus beneplacitis actibus*», ССВ, S. 66).

¹⁰⁷¹ Там же, («*indeficientes virtutes*», ССВ, S. 67).

¹⁰⁷² Там же, («*hunc virtutum*», ССВ, S. 67).

¹⁰⁷³ Там же, с. 101 (1039, «*inexhaustis affluens divitiis*», ССВ, S. 67).

¹⁰⁷⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 122 (1015).

¹⁰⁷⁵ ХГА, с. 84, 90, 102, 112 («*inpiger*», GPP, p. 160, 174, 200, 224), с. 130 («*belliger*», GPP, p. 264).

¹⁰⁷⁶ Там же, с. 90 («*itaque*», GPP, p. 174), 96, 110, 111, 125, 132 («*belliger*», GPP, p. 186, 220, 222, 254, 268).

¹⁰⁷⁷ Там же, с. 115 («*sicut miles*», GPP, p. 232).

¹⁰⁷⁸ Там же, с. 119 («*dux gloriosissime*», GPP, p. 240).

¹⁰⁷⁹ Там же, с. 124, 132 («*inpiger*», GPP, p. 250, 268).

¹⁰⁸⁰ Там же, с. 48 («*condolete milites*», GPP, p. 70).

«мужественные»¹⁰⁸¹, «избранные»¹⁰⁸², «доблестные рыцари»¹⁰⁸³). Эти высказывания указывают на стремление сделать акцент именно на воинских качествах главного персонажа хроники и его оружия и согласуются с наблюдением о четкой иерархии правителей в трудах польских хронистов¹⁰⁸⁴. Проведенное сопоставление ПВЛ с ЧХ и ХГА показало при наличии некоторых сходств различие в целевых установках их авторов, которое проявилось в большем внимании хронистов к описанию качеств князя и его внешних атрибутов.

По сравнению с ПВЛ, число оригинальных эпитетов в местном летописании возрастает. Так, в КЛ с их помощью книжники подчеркивали качество человека, привлечшее их внимание (Ярополк «**вѣдоумныи**»¹⁰⁸⁵, Мануил «**пѣвечь гораздыи**»¹⁰⁸⁶, Мстислав «**вѣголюбивыи**»¹⁰⁸⁷, Владимирко «**многоглѣивыи**»¹⁰⁸⁸). В других случаях летописцы предпосылали эпитет не человеку, а другому объекту, тем самым расширяя их круг (добродетель «**прѣмногага**»¹⁰⁸⁹, речи «**тажкы**»¹⁰⁹⁰, честь «**достоуханага**»¹⁰⁹¹) или даже дьяволу («**всекознѣныи**»¹⁰⁹²). Внимание книжников к определенным качествам человека проявилось в том, что в ряде случаев эпитеты сопровождаются дополнительными характеристиками (Андрей «**мѣствъ на свои родъ паче же на крѣстьяны**»¹⁰⁹³, Святослав Ольгович «**вѣ тажекъ**

¹⁰⁸¹ ХГА, с. 55 («*virtute militum*»), GPP, p. 90).

¹⁰⁸² Там же, с. 87 («*electos*»), GPP, p. 166).

¹⁰⁸³ Там же, с. 45 («*diviciis probisque militibus*»), GPP, p. 66).

¹⁰⁸⁴ Сходство обозначений титулов древнерусских и древнепольских правителей как свидетельство включенности последних в политическую жизнь Древней Руси отмечалось в работе: *Лавренченко М.Л.* Титулы и эпитеты правителей в русских летописях и польских хрониках XI–XIII вв. // *Colloquia Russica*. 2019. Series I. V. 9. P. 193-194.

¹⁰⁸⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 300 (1136).

¹⁰⁸⁶ Там же, стб. 300 (1137).

¹⁰⁸⁷ Там же.

¹⁰⁸⁸ Там же, стб. 315 (1144).

¹⁰⁸⁹ Там же, стб. 491 (1158).

¹⁰⁹⁰ Там же, стб. 503 (1159).

¹⁰⁹¹ Там же, стб. 504 (1160).

¹⁰⁹² Там же, стб. 324 (1146).

¹⁰⁹³ Там же, стб. 392 (1149).

тѣломъ и трудилъсѧ вѣ вѣжа»¹⁰⁹⁴). Также внимание киевского летописца привлекают временные состояния человека (Владимир **«молодъ вѣ в то время»**¹⁰⁹⁵, Святослав **«вѣ бо тогда ... несдравуга»**¹⁰⁹⁶). Приведенные примеры указывают на расширение киевскими книжниками способов изображения человека в летописи по сравнению с предшественниками.

Особенностью стиля галицких летописцев является использование эпитетов по отношению к внешнему облику человека. Так, при описании посещения Даниилом Романовичем венгерского короля сообщается, что одежда галицкого князя вышита **«кроуживты златыми»**¹⁰⁹⁷, седло его **«Ѡ злата жьжена»**¹⁰⁹⁸. Не обходит вниманием галицкий книжник и внешний вид воинов Даниила (от полков исходила **«свѣтлость велика Ѡ врожьга блистающасѧ»**¹⁰⁹⁹, их кони в **«когарѣхъ кожаныхъ»**¹¹⁰⁰). Подтверждением правдивости подобного описания является свидетельство шведской хроники Эрика, в которой при сообщении похода на Неву упоминаются **«светлые шлемы»**¹¹⁰¹ древнерусских воинов¹¹⁰². Подобная повествовательная манера обнаруживает сходство с приведенными выше характеристиками центральной фигуры польской хроники Болеслава III Кривоустого и его окружения. Это указывает на общность целевых установок авторов ГЛ и ХГА. Внимание к внешнему облику человека характерно для сознания

¹⁰⁹⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 440 (1151).

¹⁰⁹⁵ Там же, стб. 431 (1151).

¹⁰⁹⁶ Там же, стб. 507 (1160).

¹⁰⁹⁷ Там же, стб. 814 (1252). Для византийца золото являлось «образом света как истины и славы», «постоянной метафорой девства и нетления», см.: *Аверинцев С.С.* Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 51. Отметим, что в летописной хвале Владимиру Васильковичу Волынскому золото упоминается 11 раз, см.: ПСРЛ, Т. II, стб. 925-927 (1289).

¹⁰⁹⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 814 (1252).

¹⁰⁹⁹ Там же.

¹¹⁰⁰ Там же.

¹¹⁰¹ ХЭ, С. 55 (1300).

¹¹⁰² Е.А. Рыдзевская отмечает, что описание событий 1300-1301 гг. в ХЭ отличается «точностью и четкостью топографических указаний», см.: *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. (материалы и исследования). М.: Наука, 1978, С. 115, 120.

скорее воина, чем монаха, что согласуется с наблюдением А.А. Пауткина о «почти полном отсутствии церковного начала» в ГЛ¹¹⁰³.

Дальнейшее повествование ИЛ отходит от установки на изображение одного князя как основного персонажа (текст ВЛ описывает нескольких преемников Даниила Романовича). Это проявляется в более редком употреблении книжниками оригинальных эпитетов, многие из которых содержатся в летописной некрологической похвале Владимиру Васильковичу Волынскому (о них см. §4.5). В описаниях княжеских приближенных волынские книжники дополняли устойчивые эпитеты собственными высказываниями (Владимир Василькович отправил пшеницу «с людьми с добрыми комоу вѣрѣ»¹¹⁰⁴, воевода Тит «вездѣ словыи моужьствомъ на ратѣхъ и на ловѣхъ»¹¹⁰⁵). Обращает на себя внимание, что в ВЛ с помощью эпитетов положительная и отрицательная оценка могла быть выражена по отношению к одному и тому же объекту («богарѣ невѣрни»¹¹⁰⁶, «богарина добра»¹¹⁰⁷). К оригинальным выражениям волынских книжников относятся описания качеств человека (боярский сын Рах Михайлович «оумроста моужественмь срѣцмь»¹¹⁰⁸), а также эпитет «милый», который встречается по отношению как к человеку («милоую свою дочерь»¹¹⁰⁹, «сиѣ же вѣшетъ емоу всихъ милѣе»¹¹¹⁰), так и к неодушевленному объекту («милое мѣсто»¹¹¹¹). Неоднократно волынские летописцы отмечали непостоянные признаки человека (Тюима «бѣ во раненъ велми»¹¹¹², Владимир «вдше тогда хромъ ногою и тѣмъ не идше»¹¹¹³), а также речевые характеристики

¹¹⁰³ Пауткин А.А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 23.

¹¹⁰⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 879 (1279).

¹¹⁰⁵ Там же, стб. 890 (1282).

¹¹⁰⁶ Там же, стб. 884 (1281).

¹¹⁰⁷ Там же, стб. 887 (1281).

¹¹⁰⁸ Там же, стб. 887 (1281).

¹¹⁰⁹ Там же, стб. 862 (1264).

¹¹¹⁰ Там же.

¹¹¹¹ Там же, стб. 885 (1281).

¹¹¹² Там же, стб. 887 (1277).

¹¹¹³ Там же, стб. 888 (1282).

(«**ТЕМНО СЛОВО**»¹¹¹⁴). Это сближает ВЛ и КЛ и указывает на некоторое возвращение волынских книжников к традициям киевского летописания.

Употребление эпитетов в местном летописании северо-восточной и северо-западной Руси несколько отличается от южнорусских памятников. Так, в СЛ наиболее часто встречается традиционный эпитет «**ВЕЛИКЪ**», который сочетается с широким рядом понятий («**ПОВѢДА**»¹¹¹⁵, «**ОВѢДЪ**»¹¹¹⁶, «**ЛЮБОВЬ**»¹¹¹⁷, «**ЧЕСТЬ**»¹¹¹⁸, «**РАДОСТЬ**»¹¹¹⁹, «**ПОЖАРЪ**»¹¹²⁰, «**СРАМЪ**»¹¹²¹, «**ПЛАЧЪ**»¹¹²²). Текст летописи содержит также вариации топосов: «**СЪ ЧЕСТЬЮ ВЕЛИКОЮ**» (варианты «**СЪ ДОСТОЙНОЮ ЧЕСТЬЮ**»¹¹²³, «**СЪ ЧЕСТЬЮ МНОГОЮ**»¹¹²⁴), «**СЪЧА ЗА**»¹¹²⁵ (варианты «**СЪЧА КРѢПКА**»¹¹²⁶, «**СЪЧА ВЕЛИКА**»¹¹²⁷, «**БРАНЬ КРѢПКА ЗѢЛО ... БРАНЬ ЛЮТА**»¹¹²⁸), «**БОЛѢСТЬ СИЛНА**»¹¹²⁹ (вариант «**БОЛѢЗНЬ ТЯЖКА**»¹¹³⁰). Приведенные примеры отличает то, что в них книжники чаще варьируют эпитет, чем характеризуемый объект. Сходная ситуация ранее отмечалась для общерусского летописания, тогда как в тексте ГЛ наблюдается обратная тенденция¹¹³¹. Другие эпитеты употребляются в СЛ не так часто, что связано со стремлением книжников подчеркнуть именно данное качество («**ВО ИСТИНУ СЯТЫЙ СВЯТОСЛАВЪ**»¹¹³², «**БРАТОМА БЛАГОУМНЫМА**»¹¹³³, Всеволод «**ПРАВОВѢРЕНЪ СЫЙ**»¹¹³⁴, клирос

¹¹¹⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 913 (1288).

¹¹¹⁵ ПСРЛ, Т. I, с. 132 (1134).

¹¹¹⁶ Там же, с. 138 (1148).

¹¹¹⁷ Там же, с. 141 (1150).

¹¹¹⁸ Там же, с. 162 (1177), с. 201 (1239), с. 201 (1243), с. 202 (1252), с. 203 (1255).

¹¹¹⁹ Там же, с. 175 (1201), с. 203 (1255).

¹¹²⁰ Там же, с. 174 (1199).

¹¹²¹ Там же, с. 179 (1205).

¹¹²² Там же, с. 203 (1255).

¹¹²³ Там же, с. 202 (1254).

¹¹²⁴ Там же, с. 203 (1255).

¹¹²⁵ Там же, с. 139 (1149), с. 146 (1153), с. 154 (1169), с. 198 (1237).

¹¹²⁶ Там же, с. 144 (1151).

¹¹²⁷ Там же, с. 196 (1237).

¹¹²⁸ Там же, с. 181 (1207).

¹¹²⁹ Там же, с. 170 (1186), с. 282 (1298).

¹¹³⁰ Там же, с. 202 (1251).

¹¹³¹ Подробнее см.: Пауткин А.А. Галицкая летопись ... , с. 50.

¹¹³² ПСРЛ, Т. I, с. 156 (1174).

¹¹³³ Там же, с. 157 (1175).

«пресвѣтлый»¹¹³⁵, татарские идолы «глухыя»¹¹³⁶, епископ Кирилл «священный»¹¹³⁷, «учителный ... истинный пастырь»¹¹³⁸). Сознательный выбор книжниками данного выразительного средства проявляется и в описании речевых действий: это мог быть оригинальный эпитет («вую рѣчь»¹¹³⁹) или дополненное летописцем устойчивое выражение («говоръ великъ акы до небеси отъ множества людій, отъ радости великія»¹¹⁴⁰). Аналогичные случаи распространения топосов имеют место при сообщении о погодных явлениях: книжники создавали краткие описания, построенные по одной модели, в которых первым компонентом выступает топос («бысть буря велика, и много пакости бысть, по селомъ дубье подрало»¹¹⁴¹, «бысть туча велика съ востока, и удари громъ велми силно въ маковицю Феодора церковь»¹¹⁴²). Приведенные высказывания указывают на то, что в рамках традиционных способов изображения природных явлений в местном летописании постепенно формируются более разнообразные повествовательные формы.

В НПЛ эпитеты характеризуют достаточно широкий круг объектов. Наглядно это можно продемонстрировать на примере традиционного эпитета «великий», который описывает не только ситуации городской жизни («встань»¹¹⁴³, «мятежь»¹¹⁴⁴, «осмьмънка»¹¹⁴⁵, «честь»¹¹⁴⁶), но и погодные условия («звезда»¹¹⁴⁷, «вода»¹¹⁴⁸, «буря»¹¹⁴⁹, «громъ»¹¹⁵⁰). К другим топосам,

¹¹³⁴ ПСРЛ, Т. I, с. 169 (1186).

¹¹³⁵ Там же, с. 194 (1231).

¹¹³⁶ Там же, с. 201 (1246).

¹¹³⁷ Там же, с. 202 (1253).

¹¹³⁸ Там же, с. 204 (1262).

¹¹³⁹ Там же, с. 183 (1208).

¹¹⁴⁰ Там же, с. 177 (1206).

¹¹⁴¹ Там же, с. 209 (1302).

¹¹⁴² Там же, с. 209 (1305).

¹¹⁴³ НПЛ СИ, с. 22 (1132).

¹¹⁴⁴ Там же, с. 24 (1136).

¹¹⁴⁵ Там же, с. 25 (1137).

¹¹⁴⁶ Там же, с. 21 (1121).

¹¹⁴⁷ Там же, с. 17 (1065).

¹¹⁴⁸ Там же, с. 19 (1109), с. 21 (1127), с. 22 (1128).

¹¹⁴⁹ Там же, с. 21 (1125).

характерным именно для НПЛ, относятся эпитеты, описывающие человека («придоша сторови»¹¹⁵¹ – о благополучном возвращении из похода), результаты его труда («камяна» – «церковь»¹¹⁵², «городъ»¹¹⁵³, «тръпезниця»¹¹⁵⁴, церкви «цстъныя»¹¹⁵⁵, волости «достонныя»¹¹⁵⁶) или условия жизни («лють путь»¹¹⁵⁷, «лютъ въ вяше»¹¹⁵⁸ – о голоде). В приведенных высказываниях обращает на себя внимание «практический» подход, описание «функциональных» качеств объектов, составляющих своего рода «официально-деловой стиль» Древней Руси. Это согласуется с содержанием берестяных грамот, основную часть которых составляют деловые послания повседневного характера (частные письма, различные реестры, ярлычки, официальные документы или их черновики и др.¹¹⁵⁹). Приведенные примеры отличают новгородское летописание от памятников других культурных центров Древней Руси и важны при изучении стиля новгородских летописцев. При описании человека обращает на себя внимание, что новгородские книжники дают краткие характеристики церковным иерархам (архиепископ Нифонт «**БОГОЛЮБИВЫИ**»¹¹⁶⁰, епископ Аркадий «**БОГОМЪ ИЗБРАНЪ**»¹¹⁶¹), но крайне редко описывают качества князя,

¹¹⁵⁰ НПЛ СИ, с. 25 (1138).

¹¹⁵¹ Там же, с. 22 (1130).

¹¹⁵² Там же, с. 20 (1115, 1117), с. 21 (1119, 1127), с. 23 (1135), с. 27 (1144, 1145), с. 29 (1153).
Употребление эпитета «**камяна**» Е.Л. Конявская относит к числу признаков «одной руки» в погодных статьях 1140-1170 гг., см.: *Конявская Е.Л.* Проблема авторского самосознания в летописи // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2000. № 2 (2). С. 66. Об освящении каменных церквей как важнейших событиях жизни древнерусских княжеств и городов см.: *Виноградов А.Ю.* Освящения храмов в письменной традиции Византии и Руси (середина IX – первая половина XIII в.) // *Восточная Европа в древности и средневековье.* Выпуск 32: Сравнительные исследования социокультурных практик. М., 2020. С. 46-47.

¹¹⁵³ НПЛ СИ, с. 20 (1116).

¹¹⁵⁴ Там же, с. 21 (1127).

¹¹⁵⁵ Там же, с. 22 (1134).

¹¹⁵⁶ Там же, с. 29 (1155).

¹¹⁵⁷ Там же, с. 22 (1128).

¹¹⁵⁸ Там же, с. 209 (1305).

¹¹⁵⁹ *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 20-21.

¹¹⁶⁰ НПЛ СИ, с. 29 (1153).

¹¹⁶¹ Там же, с. 29 (1156).

что связано с особенностью его положения в Новгороде¹¹⁶², а также с владычным характером новгородского летописания. Другой особенностью НПЛ является неоднократное использование книжниками оригинальных эпитетов при описании погодных условий (знамение «**ЗМНЄВО**»¹¹⁶³, «**МЕТЫЛЬ ГУСТЪ**»¹¹⁶⁴, «**ОСЕНИНА ДЪЖДЕВА**»¹¹⁶⁵). Это объясняется тем, что жители Новгорода в большей степени по сравнению с южными землями зависели от погоды, что подтверждают неоднократные описания случаев неурожая и голода, а также отмечавшиеся выше упоминания цен. Сделанные наблюдения указывают на то, что в НПЛ сильнее по сравнению с другими летописными памятниками Древней Руси отразилось сознание книжников как жителей средневекового города.

* * *

Проявления субъективности в древнерусских летописях и западнославянских хрониках встречаются эпизодически, однако для изучения категории автора они весьма полезны. К целям употребления риторических вопросов и восклицаний следует отнести экспрессивное выражение книжниками своего отношения к описываемым событиям для более сильного воздействия на читателя, а также следование риторической традиции (в частности, похвальным словам). Особенностью ЧХ и ХГА является употребление в качестве риторических вопросов и восклицаний одних и тех же выражений (что позволяет говорить об их топики), а также использование риторических фигур в стихотворных фрагментах и сочетание с различными выразительными средствами (эпитетом, сравнением, гиперболой). Эти черты нехарактерны для ПВЛ, в которой количество

¹¹⁶² Ограничение княжеской власти заключалось в запрете собирать доходы в новгородских землях; этим занимались новгородцы, которые платили приглашенному князю вознаграждение. Подробнее см.: Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 30.

¹¹⁶³ НПЛ СИ, с. 16 (1128).

¹¹⁶⁴ Там же, с. 21 (1127).

¹¹⁶⁵ Там же, с. 26 (1143).

риторических вопросов и восклицаний меньше, они часто являются библейскими цитатами и сочетаются с собственными высказываниями летописцев. Подобное различие связано с тем, что к рубежу XI-XII вв. существовала латинская риторическая традиция, в то время как письменная форма языка в Древней Руси еще только формировалась. Небольшое количество риторических фигур в летописях объясняется и их экспрессивностью, поэтому (как подтверждает сопоставление двух изводов НПЛ) переписчики в ряде случаев заменяли их эмоционально нейтральными высказываниями.

Наблюдения над другими проявлениями субъективности обнаружили изменение повествовательной манеры летописцев на протяжении XI-XIII вв. Несмотря на традиционный характер эмотивных высказываний, в местном летописании они становятся более разнообразными. Это относится и к употреблению оценочных высказываний, в которых происходит расширение круга оцениваемых (в том числе отрицательно) объектов и неоднократно упоминаются отдельные земли и города. Наряду с использованием традиционных сопоставлений, отсылающих к библейским или литургическим текстам, в местных летописцах присутствуют сравнения в изобразительной функции, что указывает на ослабление учительного характера историописания. Более разнообразными становятся и эпитеты, в которых книжники стремились отразить важные и необычные для них признаки. Это позволяет проследить формирование значений, которые приобретали устойчивые выражения в конкретном фрагменте повествования, а также указывает на расширение форм их выражения, что свидетельствует о формировании принципов историописания, которые в разных культурных центрах Древней Руси имели свои особенности.

Глава 4. Сочетания авторских проявлений¹¹⁶⁶

При изучении форм авторского присутствия в тексте произведения рассмотрение лексем и словосочетаний в ряде случаев оказывается недостаточным, поскольку многие факты можно объяснить лишь на уровне текста или его пространного фрагмента. Рассмотрение языковых явлений, выходящих за рамки словосочетания и предложения, позволяет изучить процессы текстообразования¹¹⁶⁷, а понимание текста как целого обеспечивает правильное распределение функций составляющих его элементов¹¹⁶⁸. При этом авторская точка зрения на излагаемую информацию определяет такие свойства текста, как наличие определенного замысла (смыслового ядра), единство коммуникативного задания текста, его стилистическую маркированность¹¹⁶⁹. Вместе с тем принципы текстообразования и функционирование текстообразующих категорий в историческом повествовании XI-XIII вв. изучены недостаточно. Рассмотренные в главе 3 проявления субъективности книжников в летописях и хрониках имеют вид не только отдельных высказываний, но и их комбинаций. Такие сочетания представляют собой более сложный случай авторского присутствия, поскольку являются примером сознательного выделения фрагмента текста («эпизода»¹¹⁷⁰), т.е. свидетельствуют об определенной интенции книжника, о

¹¹⁶⁶ При написании главы использованы следующие публикации автора: *Шаповалов А.В.* Особенности употребления сравнений в «Повести временных лет» и «Хронике Галла Анонима» // Слово и общество: сборник статей международного филологического колледжума. Шумен: Университет Константина Преславского, 2021. Т. II. С. 109-118; *Шаповалов А.В.* Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI-XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. № 3. С. 256-268.

¹¹⁶⁷ *Кузьменко О.Н.* Повтор как способ лингвостилистической организации старофранцузского текста. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1980. С. 4.

¹¹⁶⁸ *Шмидт З.Й.* «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 107-108.

¹¹⁶⁹ *Кузьменко О.Н.* Повтор как способ ... , С. 5.

¹¹⁷⁰ Термин использован Ц. Тодоровым при рассмотрении «Декамерона» Дж. Боккаччо и обозначает более крупную по сравнению с предложением синтаксическую единицу, см.: *Тодоров Ц.* Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 460.

реальных или потенциальных реципиентах в его представлении¹¹⁷¹. В четвертой главе диссертации рассмотрены основные примеры комбинаций авторских экспликаций, к которым относятся сочетания риторических фигур (вопросов и восклицаний), эмотивных и оценочных выражений, некоторых выразительных средств (сравнений и эпитетов).

§4.1. Сочетания риторических фигур

Риторические блоки (группы риторических высказываний) не только являются проявлением индивидуального стиля и выражением идейной позиции автора¹¹⁷², но и выступают как средство повышенного эмоционального воздействия на читателя¹¹⁷³. Особенностью ПВЛ при использовании блоков риторических высказываний является сочетание цитат друг с другом («се коль добро и коль красно же жити братома вкупѣ ... не вѣды двѣда глѣща что сѧ хвалиши ѡ злобѣ силне»¹¹⁷⁴), а также сочетание цитат и собственных высказываний книжников («доколѣ не насытитесѧ злобѣ вашихъ ... почто не здерьзастесѧ въ грѣсѣхъ вашихъ ... се бо не поганьски живемъ ... то не поганьски ли есть се»¹¹⁷⁵). Такое сочетание цитат и оригинальных высказываний книжников говорит о том, что киевские летописцы воспринимали священные тексты как ориентир для собственных речений. Сочетаний риторических вопросов и восклицаний, не содержащих цитат, в ПВЛ немного («Ѡмѣстькѣ примша Ѡ Ба по правдѣ ... аще ли гата быста то по что глѣста како не оумрети нама а ѡному мыслѣщю оубити га»¹¹⁷⁶). В этом отношении интересны оригинальные рассуждения книжника о

¹¹⁷¹ Колишанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 61-62.

¹¹⁷² Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М. 2011, С. 35-38.

¹¹⁷³ Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011, С. 270.

¹¹⁷⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 123 (1015). Заимствовано из Пс 132:1, 51:3.

¹¹⁷⁵ Там же, стб. 157-159 (1068). Первые две фразы заимствованы из Мал 3:5-14.

¹¹⁷⁶ Там же, стб. 168 (1071).

причинах поражения русских князей («**ѡ неизреченному члвколюбью ... тмами любовь ѡже к намъ ... кдѣ бо бѣ тогда оумиленье в насъ ... кдѣ бѣ в насъ оудыханье**»¹¹⁷⁷, «**да никто же дерзнетъ рещи ѡко ненавидѣми Бмѣ есмы кого бо Бѣ тако любить ѡкоже насъ оудлюбилъ есть кого бо тако почтилъ есть ѡкоже насъ прославилъ есть ꙗ възнеслъ есть никого же**»¹¹⁷⁸).

В приведенных примерах обращает на себя внимание повтор отдельных словосочетаний («**не поганьски**», «**кдѣ бѣ**», «**кого бо тако ... ѡкоже насъ**»).

Если в летописании риторическая форма привнесена извне и подобные повторы встречаются эпизодически, то в риторических сочинениях XII в. (в частности, в словах Кирилла Туровского) эстетическое начало присутствует исходно, и в них повторяющиеся риторические фигуры нередко определяют стилистический рисунок пространного фрагмента текста¹¹⁷⁹. Отдельную проблему составляет включение сочетаний риторических фигур в прямую речь¹¹⁸⁰ персонажей, как в случае предсмертных речей Бориса («**Гси что сд оумножишасд стужающи ми ... Гси Бѣ мои на тд оуповахъ**»¹¹⁸¹) и Глеба («**оувы мнѣ Гси ... нынѣ же что ради встахъ азъ единъ кде сѣть словеса твоя ѡже глаше ко мнѣ брате мои любимы**»¹¹⁸²). Приведенные сочетания риторических фигур отличает отнесенность к ситуации древнерусской истории и выражение оценки событий в провиденциальном ключе, что позволяет рассматривать их как проявления рефлексии по поводу созданного текста.

В отличие от ПВЛ, сочетания риторических фигур в хрониках достаточно разнообразны. Козьма Пражский неоднократно употребляет два вопроса или два восклицания («**О, сколь удивительна милость божья! О,**

¹¹⁷⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 215 (1093).

¹¹⁷⁸ Там же, стб. 216 (1093).

¹¹⁷⁹ Подробнее об особенностях употребления риторических вопросов и восклицаний в словах Кирилла Туровского см.: *Еремин И.П.* Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1962. Т. 18, с. 51–52.

¹¹⁸⁰ О субъективно-модальном содержании устных высказываний персонажей в ПВЛ см.: *Савельев В.С.* Древнерусские иллокутивно-полифункциональные высказывания ... , с. 49-72.

¹¹⁸¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 119 (1015).

¹¹⁸² Там же, стб. 122 (1015).

сколь непостижим суд его!»¹¹⁸³, «Зачем же я мешкаю с рассказом, излагая многие подробности? Почему я не излагаю быстрее то, что произошло тотчас же?»¹¹⁸⁴), а также сочетает риторический вопрос с риторическим восклицанием («Нужно ли об этом говорить еще? Увы!»¹¹⁸⁵, «О, непреоборимая жажда золота! Куда девалось могущественное право Римской империи?»¹¹⁸⁶). Третья (последняя) книга ЧХ также оканчивается рассуждением Козьмы Пражского, в котором чередуются риторические вопросы и обращения («Не пора ли мне бросить у берега якорь, или мне следует, пока бушуют ветры, натянуть паруса и устремиться в открытое море теперь? / О, советчик мой, Муза, о друг мой, теперь что же ты посоветуешь мне? ... О, Муза! Благословенная и любезная к юношам, всегда стыдливая и никогда не стареющая, зачем же ты опять призываешь меня, старика? Зачем ты возбуждаешь мою отупевшую мысль? ... О, Софистика, ты наука бодливая и желанная для тех, кто любит силлогизмы!»¹¹⁸⁷). Подобное сочетание риторических фигур усиливает их экспрессивную функцию и стилистически маркирует значимый для книжника фрагмент хроники. Серия риторических вопросов и восклицаний может представлять в ЧХ самостоятельное авторское рассуждение, как в случае повествования о призвании чешского князя Пржемысла, первого из династии Пржемысловичей («И кто бы мог подумать, что они призовут себе в князья человека от плуга? И кто бы мог знать, где пашет тот, кто станет правителем народа? Или не ведает

¹¹⁸³ ЧХ, с. 64 (967, «O mira Dei clemencia! O quam incomprehensibilia eius sunt iudicia!», ССВ, S. 48).

¹¹⁸⁴ Там же, с. 211 (1110, «Quid multis moror? Cur non cicius quod sine mora factum est eloquor?», ССВ, S. 119).

¹¹⁸⁵ Там же, с. 35 («Quid plura? Proh dolor!», ССВ, S. 34).

¹¹⁸⁶ Там же, с. 81 (1000, «O invictissima fames auri! ubi est potentissimum ius Romani imperii?», ССВ, S. 57).

¹¹⁸⁷ Там же, с. 237-238 (1125, «utrum ibi figam littori anchoram, an etiam Nunc furentibus euris in altum carbasa tendam / Consule formosa mea doctrius nunc mihi Musa ... O si mihi iam octogenario praeteritos Deus referat annos, quibus olim Leodii sub Francone magistro tum grammaticae tum dialecticae artis in viretus pratis mecum lusisti satis! O nimium amabilis iuvenibus et suavis, semper pudica, sed nunquam vetula, cur me repetis senem? Cur hebetem incites mentem? ... O sophistica cornupeta, ultro viris syllogisticis appetenda ... !», ССВ, S. 130-131).

ничего восторг прорицания? Или разве есть что-либо такое, чего не смогло бы свершить волшебство магии?»¹¹⁸⁸). Появление подобного фрагмента связано с тем, что при отсутствии достоверных источников Козьма Пражский использовал серию риторических высказываний для украшения и придания большего веса этому фрагменту памятника. В ЧХ риторические восклицания неоднократно сочетаются с гиперболой («**О, сколько денег в тот день было отнято у несчастных евреев! Столько богатства не было вынесено из горящей Трои на Эвбейский берег**»¹¹⁸⁹) или эпитетом¹¹⁹⁰ («**О, деньги! Деньги – это царь всякого зла, друг коварства, недруг верности**»¹¹⁹¹). Внимание Козьмы Пражского к выразительным средствам говорит о его желании усилить изобразительный компонент хроники.

Подобное стремление присутствует и в труде Галла Анонима, который употребляет сочетания риторических фигур преимущественно по отношению к польским князьям. Таково повествование о Болеславе I Храбром (967 – 1025) – правителе, время жизни которого удалено примерно на столетие от времени написания хроники. Сочетаниями риторических фигур Галл прославляет его деяния, для чего использует гиперболизацию и противопоставление («**Кто же способен достойно рассказать о его славных подвигах или битвах с соседними народами, не говоря уже о том, чтобы описать это и передать потомству? ... Кто, как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их вплоть до Дуная захватил, под свою власть? ... Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими**

¹¹⁸⁸ ЧХ, с. 39 («*Quis enim crederet quod de aratro sibi ducem praerogarent? Aut quis sciret, ubi araret qui rector populi fieret? Quid enim phitonicus furor nescit? Aut quid est, quod magica ars non efficit?*»), ССВ, S. 36).

¹¹⁸⁹ Там же, с. 177 (1098, «*O quantum pecuniae eis miseris Iudeis illa die est sublatum, nec ex succensia Troia tantum diviciarum in Euboyco littore fuit collatum*»), ССВ, S. 104).

¹¹⁹⁰ Подробнее об ориентации Козьмы Пражского на латинские и библейские образцы см.: Мельников Г.П., Петрухин В.Я. Чешское «язычество» и «Славянские древности»: чешская средневековая традиция // Славяноведение. 2020. № 2. С. 12 – 13.

¹¹⁹¹ ЧХ, с. 188 (1103, «*O pecunia tocius mali regina, fraudis amica, fidei hostis et inimica!*»), ССВ, S. 109).

народами, которых, как известно, он как бы попирает ногами?»¹¹⁹², «*Горе, горе, Болеслав наш! Где же слава рыцаря? / Доблесть где, где честь твоя, щедрость где великая? ... Вместе нынче восклицайте: «Горе всем сегодня нам! ... / И господь как допустил, чтобы ты преставился? / Почему господь не дал умереть нам, грешникам?»*¹¹⁹³). Прославляющие этого князя фрагменты в ХГА относятся к началу и к концу повествования о нем, что сходно с общерусским летописанием и свидетельствует об осмыслении Галлом этого повествовательного фрагмента хроники в традиционном ключе. Сочетания риторических фигур присутствуют и во фрагментах о Болеславе III Кривоустом (1086 – 1138: «*Равного ему по силе и на свете не было! / Кто на битву с нашим князем двинуться осмелится? ... / Миром-то король при нем пользовался в Венгрии! / О делах расскажешь разве славных Болеслава всех?»*¹¹⁹⁴). Подобное обилие риторических высказываний обусловлено стремлением Галла посвятить свой труд именно этому князю¹¹⁹⁵. По отношению к другим правителям сочетания риторических фигур Галл использует существенно реже («*Что же? Будем ли обвинять Збигнева и извинять Болеслава?»*¹¹⁹⁶). Отметим, что сочетание риторических вопросов и восклицаний, представляющее собой молитвенное обращение к мученику Лаврентию, выглядит в ХГА как частный эпизод («*Великий мученик Лаврентий! Помилуй народ мой, заслуживший помощь твою! Что же теперь делать христианам? Куда им обратиться? ... Великомученик Лаврентий! Возьми силу у народа*

¹¹⁹² ХГА, с. 33 («*Quis enim eius gesta fortia vel certamina contra populos circumquaque commissa digne valeat enarrare, nedum etiam scriptis memorialibus commendare ... Numquid non ipse Vngaros frequencius in certamine superavit, totamque terram eorum usque Danubium suo dominio mancipavit ... Quid igitur est necesse victorias et triumphos de gentibus incredulis nominatim recitasse, quas constat eum quasi sub pedibus concasse*», GPP, p. 30-32).

¹¹⁹³ Там же, с. 48 («*Heu, heu Bolezlaue, ubi tua gloria, / Ubi virtus, ubi decus, ubi rerum copia? ... / Deus talem virum utquam mori cur permiseris, / Cur non prius nobis unam simul mortem dederis*», GPP, p. 70-72).

¹¹⁹⁴ Там же, с. 110 («*Non est hostis tanto duci congregi qui valeat / Et qui parem profiteri sese palam audeat, / Vngarorum rex per eum consistit pacificus / Non est tempus, quanta fecit, enarrandi singular*», GPP, p. 220).

¹¹⁹⁵ Там же, С. 5.

¹¹⁹⁶ Там же, с. 134 («*Quid ergo? Accusamus Zbigneuum et excusamus Bolezlauum?*», GPP, p. 274).

наступающего!»¹¹⁹⁷). Приведенные высказывания хотя и соответствуют религиозному сознанию средневекового книжника, но показывают, что основная его цель – прославить подвиги князя, что характерно для средневекового жанра деяний (*res gestae*¹¹⁹⁸).

В южнорусском местном летописании сочетания риторических фигур встречаются эпизодически. Так в КЛ летописец приводит покаянную речь Игоря Святославича в КЛ, которая содержит серию из шести риторических вопросов и структура которой подчинена средневековой иерархии («**ГДѢ НЪНІѢ ВОЗЛЮБЛЕНЪИ МОИ БРАТЬ ГДѢ НЪНІѢ БРАТА МОЕГО СІѢ ГДѢ ЧАДО РОЖЕННА МОЕГО ГДѢ БОГАРЕ ДОУМАЮЩЕИ ГДѢ МОУЖИ ХРАБОРСТВОУЮЩЕИ ГДѢ РАДѢ ПОЛЪЧНЪИ ГДѢ КОНИ И ШРОУЖЬА МНОГОЦѢННАА**»¹¹⁹⁹). В ГЛ сочетания риторических высказываний читаются в сообщении о борьбе Даниила Романовича с татарами («**Ѡ ЛЕСТЬ ЗАА ЕСТЬ ТАКОЖЕ ѠМИРЪ ПИШЕТЬ ... Ѡ ЗАѢ ЗАА ЕСТЬ**»¹²⁰⁰). Их особенность – использование повтора «**заѢ заа**», который усиливает отрицательное отношение летописца к происходящему. Риторические восклицания, присутствующие в ВЛ в посмертной похвале Владимиру Васильковичу («**ВОСТАНИ НИСИ ВО ВЪМРѢЛЪ ... ѠТРАДИ СОНЪ ВОЗВЕДИ УЧИ ДА ВИДИШИ КАКО ТА ЧѢТИ ГСѢ ТАМО СПОДѢИ**»¹²⁰¹), являются, по наблюдению А.А. Пауткина, заимствованиями из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и некрологов Ростиславичей¹²⁰². Их появление в летописи обусловлено текущей политической ситуацией, а именно «тревогой и надеждами, которыми были охвачены приближенные покойного князя в начале правления его преемника»¹²⁰³. Факт заимствования не позволяет считать эти высказывания проявлением субъективности

¹¹⁹⁷ ХГА, с. 111 («*Martir Laurenti, populo succurre merenti! Quid nunc faciant christiani, quo se vertant ... Martir Laurenti, populo vim tolle furenti!*»), GPP, p. 222).

¹¹⁹⁸ Подробнее о жанре *res gestae* во Франции XI-XII вв. см.: Блок М. Феодальное общество ... , с. 99-107.

¹¹⁹⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 643 (1185).

¹²⁰⁰ Там же, стб. 770 (1233).

¹²⁰¹ Там же, стб. 923 (1288).

¹²⁰² Пауткин А.А. К вопросу о летописных источниках ... , с. 119-124.

¹²⁰³ Еремин И.П. Литература Древней Руси ... , с. 182.

волынских летописцев, однако свидетельствует об их ориентации на киевские летописные тексты.

В СЛ книжники использовали сочетания собственных риторических фигур не часто. С их помощью они объясняли смысл описываемых событий в христианском ключе («**но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предни князи крестъ ... преступати? То доколѣ Богови терпѣти надъ нами?**»¹²⁰⁴). Более распространены в этом памятнике сочетания риторических фигур, один или несколько компонентов которых отсылают к авторитетному тексту. Так фрагмент общерусского летописания, обнаруживающий сходство с Поучением о казнях Божьих, в СЛ читается в сокращенном виде («**аще во беззаконья назриши, то кто постоитъ? ... Кдѣ вѣ въ насъ въздыханье? ... Кого тако Богъ любить, якоже ны възлюбилъ есть, и възнеслъ есть?**»¹²⁰⁵). Аналогичное рассуждение встречается в последующем тексте СЛ, в котором сочетаются риторический вопрос и риторическое восклицание («**Но да никтоже можетъ решити, яко ненавидитъ насъ Богъ; не вѣди то! кого тако любить, яко же ны възлюбилъ есть, и страсть пріятъ насъ ради, да ны избавитъ отъ непріязни?**»¹²⁰⁶). Другим примером сочетания заимствованных и оригинальных риторических вопросов является сообщение о пожаре во Владимире («**Глаголетъ бо къ намъ Исаіемъ пророкомъ, глаголя: что яко алкахомъ, и не ѹзрѣ, и смирихомъ душа наша, и не ѹвѣдѣ? ... въскую ми тако алчете, гласомъ въпъете ко мнѣ, а дѣла неподобная дѣлаюче? ... еда не можетъ рука Господня спасти, или отягчалъ есть милость свою?**»¹²⁰⁷). В последнем примере риторический вопрос книжника является дополнением и своего рода толкованием предшествующего текста. Кроме того, заимствованные из Библии риторические фигуры сочетаются в СЛ с выразительными средствами, в частности, со сравнением («**Якоже Господь**

¹²⁰⁴ ПСРЛ, Т. I, с. 154 (1169).

¹²⁰⁵ Там же, с. 166 (1185).

¹²⁰⁶ Там же, с. 168-169 (1186).

¹²⁰⁷ Там же, с. 172-173 (1193).

глаголетъ: на кого призрю, не на кроткаго ли и на смѣренаго и трепещущаго словесъ монахъ? Тако и на сего ... еже и высть»¹²⁰⁸).

Стремление использовать цитаты указывает на желание летописцев «подкрепить» свою точку зрения авторитетным мнением. Это подтверждают и случаи включения подобных высказываний в прямую речь других лиц, когда за книжника «говорит» персонаж («хрестьяне ... радующесе и веселящесе глаголаху: благословенъ еси, Боже, Боже! ... Ты бо страшень, и кто противитсѧ тобѣ, и противу величества мышца твоя кто равнитсѧ?»¹²⁰⁹). Как следует из приведенных примеров, в СЛ сочетания риторических фигур обусловлены преимущественно христианским мировоззренческим вектором, а не субъективной реакцией книжника.

В НПЛ сочетания риторических высказываний встречаются нечасто. Сочетание риторических вопросов во фрагменте, созданном летописцем архиепископа Антония (1211-1226) и повествующем об убийстве Глебом Рязанским своего брата, находит соответствие в СЛ:

**«Что прія Кайнъ от бога, убивъ «не вѣси ли, оканьне, Божья
 Авеля, брата своего: не проклятье строенья, даетъ бо власть, ему же
 ли и трясение; или вашъ сродникъ хощеть, поставляетъ царя и князя
 оканьныи Святопѣлкъ, избивъ Вышній? что бо прія Кайнъ отъ
 братью свою»¹²¹⁰. Бога, убивъ Авеля брата своего? не
 проклятье ли и осуждение и
 трясенье? или Ламехъ? не казнь ли
 зловѣ? или вашъ сродникъ
 Святополкъ, избивъ братью, онѣма
 венець исходатайствова, а совѣ
 вѣчнѣю мѣку?»¹²¹¹.**

¹²⁰⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 172 (1190).

¹²⁰⁹ Там же, с. 152 (1169).

¹²¹⁰ НПЛ СИ, с. 58 (1218).

¹²¹¹ ПСРЛ, Т. I, с. 186 (1217). Первый риторический вопрос является цитатой из Дан 4:14.

Сходство приведенных сочетаний позволяет предположить, что они восходят к общему источнику. Как можно видеть, фрагмент НПЛ более краткий, тогда как в СЛ он содержит большее число риторических вопросов, структура которых напоминает разговорную речь. Отсутствие подобных сочетаний в других фрагментах НПЛ СИ подтверждает наше наблюдение о том, что новгородские книжники не стремились риторически приукрашивать текст летописи. На это указывает и отсутствие в НПЛ МИ сообщения о Глебе Рязанском вместе с сочетанием риторических вопросов¹²¹². Неоднократно риторические восклицания сочетаются друг с другом в погодных статьях 1215-1218 гг.¹²¹³ («**о, горѣ тѣгда, братье, вѣше ... о, горѣ вѣше**»¹²¹⁴, «**оле страшно чудо и дивно братье ... о, мѣного повѣды, братье, вѣщисльное число ... о, великѣ є, братье, промыслѣ вожи**»¹²¹⁵). Хронологически эти фрагменты совпадают со временем работы летописца архиепископа Антония (1213-1226)¹²¹⁶. Их особенностью является наличие количественной характеристики («**велика**», «**много**») или оценки («**горе**», «**лютѣ**»), а также отнесенность к событиям повседневной жизни. Сделанные наблюдения позволяют заключить, что сочетания риторических фигур для НПЛ нехарактерны, а их основными целями было выделение значимого для летописца фрагмента текста и повышенное эмоциональное воздействие на читателя.

§4.2. Сочетания эмотивных высказываний

Хотя средневековое историческое повествование не отличается эмоциональностью, некоторые его фрагменты содержат разнообразные

¹²¹² НПЛ МИ, с. 258-260 (1218).

¹²¹³ Не случайность того, что 6 из 12 риторических восклицаний в НПЛ СИ приходятся на «компактный интервал <6723–6725>», была отмечена ранее, см.: *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись ... , С. 191.

¹²¹⁴ НПЛ СИ, с. 54 (1215).

¹²¹⁵ Там же, с. 56-57 (1216).

¹²¹⁶ *Гиппиус А.А.* Новгородская владычная летопись ... , С. 215.

сочетания эмоций. Так в ПВЛ они присутствуют в сюжетах фольклорного происхождения, что обнаруживает соответствия в ЧХ и ХГА:

<p>Олег «посмѣясѧ и оукори кудесника ... и слѣзъ с конѧ посмѣясѧ ... и плакашасѧ по немъ вси люди плачем великом»¹²¹⁷, Белгородские старейшины «ради и вѣщашасѧ послушати ... вни же шедше ради ... Печенѣзи же радѣ бывше мнѡще тако хотѣтъсѧ передати ... и оудивишасѧ ... гаша кнѧзи Печенѣжьстии и подивишасѧ»¹²¹⁸.</p>	<p>Чех «тронутый словами друзей, стал целовать землю, обрадованный тем, что страна названа его именем»¹²¹⁹, О послах к Пржемыслу: «удивление гостей возросло еще больше, а с ним и страх ... долго не осмеливались говорить откровенно с новым господином»¹²²⁰.</p>	<p>Бедный клирик «с изумлением, широко раскрытыми глазами смотрел на такую массу денег и, вспомнив о своей нищете, громко со стоном вздохнул. Король же Болеслав, хотя и был суров, услышав жалобный вздох человека и думая, что слуги кого-то побили, рассердился и пытался узнать, кто осмелился так вздохнуть и кто отважился кого-то побить»¹²²¹.</p>
---	---	--

Приведенные примеры показывают, как средневековые книжники воспринимали далеко отстоящие от них во времени события. Древнерусский

¹²¹⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 29 (912).

¹²¹⁸ Там же, стб. 112-114 (997).

¹²¹⁹ ЧХ, с. 34 («*motus sociorum augurio, coepit terram osculari prae gaudio, gaudens eam ex suo nomine nuncupari*», ССВ, S. 33).

¹²²⁰ Там же, с. 43-44 («*hospitibus maior excrevit admiratio cum timore ... nec tamen adhuc illi nuncii ceu ad novitium dominum familiarius loqui auderent*», ССВ, S. 37).

¹²²¹ ХГА, с. 56 («*Qui cum ammiratione tante pecunie illuc oculis inhiaret, a suamque miseriam cogitaret, cum ingenti gemitu suspiravit. Bolezlauus autem rex, ut erat ferus, audiens hominem miserabiliter gemuisse et existimans aliquem camerarios percussisse, iratus sciscitatur, qui fuerit ausus sic gemere, vel quis presumpserit ibi quempiam verberare*», GPP, p. 94).

летописец обращается к фольклорной традиции и при описании эмоций ограничивается краткими устойчивыми выражениями. Сходным образом изображено и предсмертное состояние Глеба, имевшее своей целью показать праведность и смирение молодого князя («**ВЪСПИ ВЕЛМИ СЪ СЛЕЗАМИ И ПЛАЧАСА ПО ОТЦИ ПАЧЕ ЖЕ И ПО БРАТѢ И НАЧА МОЛИТИСЯ СО СЛЕЗАМИ**»¹²²²). В отличие от него Галл Аноним использует оригинальные высказывания и, продолжая повествование о временах Болеслава I Храброго, упоминает об эмоциях венгерского короля, причем изображает их подробно и противоречиво («**Когда Владислав услышал, что прибыл Болеслав, он отчасти обрадовался другу, отчасти почувствовал и гнев; обрадовался, что может принять его, как брата и друга, но пожалел о злом поступке его брата Владислава**»¹²²³). При повествовании о современных им событиях хронисты неоднократно употребляли сочетания эмотивных высказываний с целью усилить воздействие на читателя. Таково сообщение Козьмы Пражского о перенесении мощей святого Адальберта из Польши в Чехию, в котором сочетания эмотивных высказываний являются средством средства более подробного и наглядного описания важного для книжника события (Бржетислав и его люди «**с радостью отправились в церковь ... со слезами воскликнули ... князь со слезами радости на лице сказал ... [чехи] счастливые и радостные вернулись**»¹²²⁴). Аналогичные свидетельства осмысления летописцами фрагментов текста присутствуют и в древнерусских памятниках. В общерусском летописании эмотивные высказывания сочетаются с оценочными, а их комбинация построена по принципу параллелизма, в которых положительная и отрицательная оценка противопоставлены («**БДШЕ ВИДИТИ РАДОСТЬ ВЕЛИКА НА НБСИ И НА ЗЕМЛИ**

¹²²² ПСРЛ, Т. II, стб. 122 (1015).

¹²²³ ХГА, с. 58 («*Cum audisset Wladislauus Boleslauum advenire, / Partim gaudet ex amico, partim restat locus ire, / Partim ex recepto quidem fratre gaudet et amico / Sed de fratrea Wladislauo facto dolet inimico*», GPP, p. 98).

¹²²⁴ ЧХ, с. 104, 107, 109 (1039, «*exhilarati intrantes ecclessiam ... obortis clamant cum lacrimis ... his ita peractis dux prae gaudio faciem perfusus lacrimis, sic orat ... ventum ... in prosperitate et laetitia Boemiam*», ССВ, S. 68-70).

толико дшѣ спсѣамыхъ а дьяволъ стѣнаше глѣ оувы мнѣ тако ѿсюду прогонимъ есмь»¹²²⁵, «радовашесѣ Ярославъ видѣ многи цркви и люди крстныи зѣло а врагъ сѣтоваше повѣжамъ новыми людьми крстѣянымы»¹²²⁶). Сходные примеры читаются и в последующем местном летописании (ГЛ: «выѣ плачь ... и волшана же вѣ радѣсть»¹²²⁷; СЛ: «ради быша людѣе, токмо дьяволъ сѣтоваше»¹²²⁸, «высть радость велика вѣ земли сѣудальствѣи, а дьяволъ единъ плакаше своея погыбели»¹²²⁹; НПЛ: после основания Аркадиевского монастыря «высть крестѣяномъ привежище, ангеломъ радость, а дьяволу пагуба»¹²³⁰). Подобное противопоставление согласуется с принципом симметрии – одним из основных в области экспрессивного синтаксиса подготовленной (письменной) речи¹²³¹. Это указывает на продуктивность приведенной модели, которую использовали книжники разных культурных центров Древней Руси.

В КЛ комбинации устойчивых эмотивных высказываний встречаются при описании событий древнерусской истории (по случаю свадьбы бановны и Владимира «выѣ радость велика и веселие»¹²³², Вячеслав, Изяслав и Ростислав «превѣша оу велицѣ весельи и оу велицѣ любви»¹²³³). В погодных статьях 1152 и 1154 гг. книжник сочетает эмотивные топосы, благодаря чему разные фрагменты летописи оказываются построенными по одной модели (Изяслав пришел в Киев «с великою радостью и с великою чѣстью ... и превѣша оу велицѣ любви и оу велицѣ весельи ... и то слышавъ Ростиславъ шрадовасѣ велми»¹²³⁴, «с великою чѣстью и с

¹²²⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 102 (988).

¹²²⁶ Там же, стб. 141 (1037).

¹²²⁷ Там же, стб. 808 (1250).

¹²²⁸ Там же, с. 139 (1149).

¹²²⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 186 (1217).

¹²³⁰ НПЛ СИ, с. 29 (1153).

¹²³¹ *Береговская Э.М.* Экспрессивный синтаксис. Смоленск: СГПИ им. К. Маркса, 1984. С. 7-8.

¹²³² ПСРЛ, Т. II, стб. 408 (1150).

¹²³³ Там же, стб. 441 (1151), аналогичный пример стб. 461 (1152).

¹²³⁴ Там же, стб. 454-455 (1152).

великою похвалою приѣхаста къ Ѡцю своему ... и превѣша оу велицѣ любви и оу велицѣ весельи ... Ростиславъ же то все слышавъ ... възрадовасѧ радостью великою»¹²³⁵, киевляне «изидоша с радостью великою ... и тако бѣша ему ради вси и всѧ Рускаѧ землѧ и вси Чернии Клобучи върадовашасѧ вже Ростиславъ пришелъ в Киевъ ... Вѧчеславъ же видивъ Ростислава сѧа своего и върадовасѧ радостью великою»¹²³⁶).

Аналогичные сходства на уровне фразеологии в ПВЛ (фрагменты об Олеге и Игоре, в которых, однако, нет сочетаний эмотивных высказываний) П.А. Ролланд объясняла «особым способом компиляции в летописи»¹²³⁷. Мы полагаем, что подобное сходство невозможно вне единого авторства, и это позволяет рассматривать приведенные сочетания высказываний как особенность стиля конкретного летописца. Также подробно в КЛ описаны эмоции при сообщении о княжеской молитве, что находит соответствие в более позднем фрагменте СЛ:

Игорь «**поиде въ цркъвь стго Александра «разгорѣся сердцемъ, Федора и въздохнувъ из вниде въ церковь святыя Софья, глѡбингы срдца скроушеномъ падъ на колѣну предъ олтаремъ, смиреномъ смъсломъ и нача молитися со слезами»**¹²³⁹.
прослезивсѧ»¹²³⁸.

В отличие от приведенных выше переживаний польских правителей в древнерусских летописях более сильно выражен религиозный компонент. Вместе с тем в летописании круг объектов в сочетаниях эмотивных высказываний постепенно расширяется («**знамение в лунѣ страшно и дивно»**¹²⁴⁰), а также появляются случаи сопоставления эмоциональных состояний друг с другом («**бѣсѣ людемъ двоѧ радость и възкрснѣ Гне и**

¹²³⁵ ПСРЛ, Т. II, стб. 461 (1152).

¹²³⁶ Там же, стб. 470-471 (1154).

¹²³⁷ Ролланд П.А. Модели повествования в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 265.

¹²³⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 350 (1147).

¹²³⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 205 (1263).

¹²⁴⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 516 (1161).

кнѣже сѣдение»¹²⁴¹, Святослав и Ростислав **«бѣста весела пачѣ вчерашнего дни»**¹²⁴²). Это говорит о формировании элементов рефлексии летописцев по поводу происходивших событий и об изменении их представлений о том, что подлежало включению в летопись.

В галицко-волынском летописании сочетания эмотивных высказываний достаточно традиционны. Оригинальные выражения галицких книжников немногочисленны и относятся к событиям «светской» истории, что подтверждает ослабление религиозного начала в ГЛ (епископ Артемий и дворский Григорий после сдачи города **«изнидоства слезнама учина и ослабленомъ лицемъ и лижюща оуста своа»**¹²⁴³). В ВЛ – это комбинации топосов, целью которых было подчеркнуть точку зрения летописца (**«страхъ вбѣа вса члѣкы и оужастъ»**¹²⁴⁴, Кондрат **«плакаса по великоу видѣ болестъ его и оунынье тѣла его краснаго»**¹²⁴⁵, **«возвеселиса срдцмъ и возрадovasа дшѣю в кнѣженъи Краковоскомъ»**¹²⁴⁶, Владимир **«сжаливоси и расплакаса по немъ (Лестко – А.Ш.)»**¹²⁴⁷). Постепенно сочетания топосов в соответствии с авторским подчеркивают положительную (**«король же ѿ радости воскочивъ и въздѣвъ роуцѣ хвалоу воздавъ Боу ... быс радость велика королеви в здоровьи брата своего»**¹²⁴⁸) или отрицательную оценку книжника (Воишлек, сын Миндовга, **«не оубыашеть кого печаловашеть тогда коли же оубыашеть кого тогда весель вѣшеть»**¹²⁴⁹). Сделанные наблюдения позволяют заключить, что в местном южнорусском летописании происходит не только дальнейшее расширение круга событий, по поводу которых книжники упоминали об эмоциях, но и появляются элементы их осмысления, что косвенно свидетельствует об авторском присутствии.

¹²⁴¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 504 (1160).

¹²⁴² Там же, стб. 504 (1160).

¹²⁴³ Там же, стб. 777 (1235).

¹²⁴⁴ Там же, стб. 863п (1265), аналогичный пример стб. 878 (1277).

¹²⁴⁵ Там же, стб. 907 (1287).

¹²⁴⁶ Там же, стб. 909 (1287).

¹²⁴⁷ Там же, стб. 909 (1287).

¹²⁴⁸ Там же, стб. 857 (1262).

¹²⁴⁹ Там же, стб. 858 (1262).

В СЛ сочетания эмотивных высказываний читаются в погодных статьях начиная со свторой половины XII в. Обращает на себя внимание не только объяснение книжником причин эмоционального состояния персонажа (Всеволод «**печаленъ бысть велми, зане всякый хрестьяный радуется о добрѣмъ, печалуетъ же ся о злѣмъ**»¹²⁵⁰), но и обозначение эмоции как причины поступка («**на гнѣвѣхъ замысли тяготу Кіянѡмъ**»¹²⁵¹, «**дѣло стыдно и велми страшно, и хлѣвъ во уста не идяшетъ отъ страха**»¹²⁵²). Внимание книжника к эмоциональным состояниям подтверждает и его собственная реакция в летописной повести о житии Александра Ярославича («**жалостно же и слышати**»¹²⁵³), а также случаи сочетания эмоции и оценки («**створися радость дьяволу и его поспѣшнику Ахмату**»¹²⁵⁴). Неоднократно в СЛ сочетания эмотивных высказываний встречаются в погодной статье 1237 года, повествующей о нашествии татар на Русь (Всеволод и Мстислав «**плакахуся, зряще Володимера ... сжалистаси брата своего дѣля ... бысть плачь великъ въ градѣ, а не радость ... И бѣ видѣти страхъ и трепетъ, яко на хрестьянскѣ родѣ страхъ и колебанье и бѣда ұпространися ... онъ же (Юрий – А.Ш.) се слышавъ възпи гласомъ великимъ, со слезами, плача по правовѣрнѣй вѣрѣ хрестьянстѣй ... въздохнувъ изъ глѣбины сердца, рекъ ... И сице емѹ молящюся со слезами, и се вснезапѹ поидоша Татарове, онъ же отложивъ всю печаль, глаголя ... множество народа изидоша противѹ емѹ, жалостныє слезы испущающая ... рыдахѹ же народа множество правовѣрныхъ**»¹²⁵⁵). Отсутствие подобных сочетаний эмотивных высказываний в ГЛ указывает на разные источники ЛЛ и ИЛ, а также на то, что книжники северо-восточной Руси стремились и имели возможность более наглядно и живо изобразить происходившие события.

¹²⁵⁰ ПСРЛ, Т. I, с. 179 (1205).

¹²⁵¹ Там же, с. 156 (1174).

¹²⁵² Там же, с. 207 (1288).

¹²⁵³ Там же, с. 205 (1263).

¹²⁵⁴ Там же, с. 207 (1284).

¹²⁵⁵ Там же, с. 197-199 (1237).

§4.3. Сочетания оценочных высказываний

Сочетания оценочных высказываний в летописи позволяют получить более полное представление о системе ценностей средневековых книжников, чем отдельные фразы. В начальной части ПВЛ они встречаются при описании нравов племен славян-язычников. Обращает на себя внимание, что летописное сообщение отличается от аналогичных известий в хрониках:

<p>«По ѡдне бо своихъ щѣ въ бычан имѡху тихъ и кротокъ и стыдѣнье къ снохамъ своимъ ... Деревлани живѡху звѣрьскимъ въ образѣ ... си же въ бычан творѡху и Кривічи и прочии погани не вѣдуще закона Бжїа но творѡху сами себѣ законъ»¹²⁵⁶.</p>	<p>«скромность, умеренность и сдержанность были им присущи ... люди довольствовались скромной жизнью и не ведали напыщенного тщеславия ... не было для них тяжелей преступления, чем кража разбой»¹²⁵⁷.</p>	<p>«Это край, где воздух целителен, пашня плодородна, леса изобилуют медом, воды - рыбой, где воины бесстрашны, крестьяне трудолюбивы, кони выносливы, волы пригодны к пашне, коровы дают много молока, а овцы много шерсти»¹²⁵⁸.</p>
--	--	--

Если в ПВЛ основное внимание уделяется отсутствию у племен христианской веры, то авторы хроник представляют дохристианское состояние как «неповрежденное», отчего оно несколько идеализируется.

¹²⁵⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 10.

¹²⁵⁷ ЧХ, с. 34-35 («*modestiae, sobrietatis, continentiae ... modico contenta sumptu nec tumido inflata fastu ... nullum scelus apud eos furto graves et latrocinio*»), ССВ, S. 33-34). Ф. Граус полагал, что в этом фрагменте Козьма Пражский сократил и отредактировал древние предания, см.: ЧХ, с. 248.

¹²⁵⁸ ХГА, с. 28 («*Patria ubi aer salubris, ager fertilis, silva melliflua, aqua piscosa, milites bellicosi, rustici laboriosi, equi durabiles, boves arabiles, vacce lactose, oves lanose*»), GPP, p. 14). В этом фрагменте присутствуют отсылки к описанию Земли Обетованной, см.: Исх 3:8.

Похожий смысл присутствует и в высказываниях книжников о нынешнем состоянии своего народа, которое противопоставлено нравам племен:

«Но мы же хрстітане	«Благополучие	«Еще не было столь
єлико земля нже	превратилось	в могущественно
вѣр҃ють въ ст҃ію	противоположное	княжество польское,
Троцю и въ єдино	[явление], общее	и князь этой страны
кр҃щение и въ єдину	уступило [место]	не кичился такой
вѣр҃у» ¹²⁵⁹ .	собственности» ¹²⁶⁰ .	спесивой гордостью
		и, выступая, не был
		еще окружен столь
		многочисленной
		клиентелой» ¹²⁶¹ .

Отмеченное различие связано с целевыми установками книжников, и, как следствие, с разным соотношением церковного и светского начал в историческом повествовании.

Другим распространенным объектом, при характеристике которого книжники использовали сочетания оценочных высказываний, являются князья и лица из их окружения. Внимание летописца к христианским качествам (или их отсутствию) проявляется в усилении оценки посредством повторов и последующего рассуждения (Святополк Владимирович¹²⁶² «и по смѣрти вѣчно мучимъ есть и свѣзанъ есть же могила его в пустыни тои и до сихъ днѣи исходитъ же ѿ неѣ смрадъ золъ се же Бѣ́ показа на показани княземъ Рускимъ»¹²⁶³, Святослав «сѣде в Кывѣ прогнавъ брата своего преступивъ заповѣдь штьню паче же и Бжїю великъ во есть грѣхъ

¹²⁵⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 12.

¹²⁶⁰ ЧХ, с. 35 («*prospera in contraria, communina in propria cedunt*»), ССВ, S. 34).

¹²⁶¹ ХГА, с. 30 («*Nondum enim ducatus Polonie erat tantus, neque princeps urbis tanto fastu superbie tumescebat, nec tot cuneis clientele stipatus ita magnifice procedebat*»), GPP, p. 22).

¹²⁶² ПСРЛ, Т. II, стб. 118 (1015). Подробнее о роли имен Каина и Святополка в Древней Руси см.: Ранчин А.М. Каин и Святополк: прецедентные имена в древнерусской культуре // Россия XXI. 2021. № 1. С. 136 – 147.

¹²⁶³ ПСРЛ, Т. II, стб. 132 (1019).

преступати заповѣдь ѡца своего»¹²⁶⁴, Олег и Борис «мнѡще ѡдолѣвше а земли Рускои много зла створившим ꙗ прольгаше кровь хрестыаньскую ꙗже кровь възыщеть Бѣ ꙗ рꙋкꙋ еѡ ꙗвѣтъ дати за погнѣлыѡ дшѡ хрестыаньскѣ»¹²⁶⁵). Подобные рассуждения указывают на важность для книжника идеи отрицания междоусобных распрей и усиливают дидактизм общерусской летописи. При описании убийц Бориса и Глеба летописец несколько раз подчеркивает их отрицательную оценку («**ѡканьнии же оубиинци ... безаконьници сꙋтъ же имена симъ законопрестꙋпникомъ Пꙋтъша Талець ловичь Лѡшько ѡць же нꙋхъ сотона**»¹²⁶⁶). Подобные сочетания оценок позволяют сделать вывод о стремлении книжника не только зафиксировать некоторое событие в летописи, но и изложить свою точку зрения на него.

В западнославянских хрониках сочетания оценочных высказываний при описании князей представлены несколько иначе. Хронисты редко рассуждают непосредственно о добре и зле, однако неоднократно повторяют положительные или отрицательные характеристики на протяжении некоторого фрагмента текста. Так в начальной части ЧХ и ХГА изображены первые правители древних чехов и поляков:

Крок «располагал большим Пяст и его жена Репка «отличались имуществом, а при рассмотрении большим гостеприимством ... тяжб вел себя рассудительно»¹²⁶⁷, старались удовлетворить Пржемысл «за свою храбрость потребности гостей», при этом Бог заслужил звание мужа; с «не отказывается вознаграждать помощью законов он укротил это гостеприимство даже дикое племя и необузданный язычников»¹²⁶⁹.

¹²⁶⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 173 (1073).

¹²⁶⁵ Там же, стб. 191 (1078).

¹²⁶⁶ Там же, стб. 121 (1015).

¹²⁶⁷ ЧХ, с. 35-36 («rerum secularium opulentia praeditus, iudiciorum in deliberatione discretus», ССВ, S. 34).

народ усмирил»¹²⁶⁸.

Такие сочетания обусловлены не столько реальным положением дел, сколько представлениями о них хронистов¹²⁷⁰. При повествовании о современных книжнику событиях сочетания оценок несколько изменяются. Общие характеристики князя дополняются в хрониках описаниями конкретных ситуаций (Бржетислав «радел о христианской религии ... он объявил войну против суеверных обрядов»¹²⁷¹) или пояснениями самого книжника («многими достоинствами и хорошими качествами отличался король Болеслав, особенно же тремя: правосудием, справедливостью и благочестием, и благодаря им достиг вершины величия. Правосудием, так как разбирал судебные дела, не обращая внимания на положение лиц; справедливостью, так как он одинаково уважал и вельмож и простой народ; благочестием, поскольку ревностно почитал Христа и его невесту»¹²⁷²). В некоторых случаях оценка хронистами содержится в подтексте¹²⁷³ и не выражена эксплицитно:

Чешские послы в Риме «не «Во времена Болеслава не только рассчитывая на красноречие, комиты, но и все рыцари носили дары щедро давали ... с золотые цепи огромного веса и

¹²⁶⁹ ХГА, с. 29 («cum magno cordis affectu pro posse suo hospitem necessitati ministrare sathagebant ... hospitalitatem etiam gentilium remunerare non recusat», GPP, p. 18, 20).

¹²⁶⁸ Там же, с. 45 («vere ex virtutis merito dicendus est vir, hanc efferam gentem legibus frenavit, et indomitum populum imperio domiunt», ССВ, S. 38).

¹²⁷⁰ Об устных источниках повествования об основателях династии Пястов в ХГА см.: Щавелев А.С. Еще раз о мифопоэтических устных источниках средневекового историописания: рассказы об основателях династии у Галла Анонима и Снорри Стурлусона // Древнейшие государства Восточной Европы: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 567-582.

¹²⁷¹ ЧХ, с. 172-173 (1093, «principatus sui in exordio christianae religionis zelo succensus nimio ... abhominaciones et alias sacrilegas adinventionis dux bonus, ne ultra fierent in populo Dei, exterminavit», ССВ, S. 102).

¹²⁷² ХГА, с. 41 («Virtutibus siquidem multis ac probitatibus longe lateque Bolezlauus emicuit, tribus tamen virtutibus: iusticia, equitate, pietate specialiter ad tantum culmen magnitudinis ascendit. Iusticia, quia sine respectu persone causam in iudicio discernibat, equitate, quia principes et populum cum discrecione diligebat, pietate, quia Christum eiusque sponsam modis omnibus honorabat», GPP, p. 56).

¹²⁷³ О соотношении понятий «подтекст» и «имплицитность» см.: Александрова М.И. Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. С. 8-9.

помощью денег они подкупили кардиналов, Придворные же дамы выступали строгой золотой склонили до такой степени отягощенные посредством золота склонили до такой степени отягощенные правосудие, вознаграждениями золотыми диадемами, добились снисхождения, ожерельями, браслетами, парчой подарками смягчили судебное и драгоценными камнями, что решение»¹²⁷⁴. если бы их не поддерживали другие, то они не могли бы выдержать тяжести металла»¹²⁷⁵.

Отметим упоминание в обоих случаях денег как свидетельства могущества и власти, что указывает на выраженное светское начало в хрониках. Это нехарактерно для древнерусского летописания (вспомним слова представителей византийского двора о Святославе: «**лютьъ сѣи мужь хощеть быти яко имѣнниа невржетъ а оружье кметъ**»¹²⁷⁶), в котором могущество правителя подчеркивалось не его имуществом, а великолепием созданных им церковей и их убранства¹²⁷⁷. На преобладание в ХГА светского начала над церковным указывают слова хрониста о Болеславе I Храбром (он «**поставил епископов при помощи папы или, вернее, их поставил папа при его поддержке**»¹²⁷⁸), а также то обстоятельство, что высказывания книжника по поводу ослепления Болеславом III своего брата Збигнева¹²⁷⁹ является чуть ли

¹²⁷⁴ ЧХ, с. 111 (1039, «*ferentes mandata magis muneribus oblita, quam facundiae verbis polita ... circueuntes corruperunt pecunia cardinalium astuciam, auro subplantant iusticiam, mercantur precio clementiam, muneribus leniunt iudiciale sententiam*», ССВ, S. 71).

¹²⁷⁵ ХГА, с. 42 («*Eius namque tempore non solum comites, verum eciam quique nobiles torques aureas immensi ponderis baiolabant, tanta superfluitate pecunie redundabant. Mulieres vero curiales coronis aureis, monilibus, murenulis, brachialibus, aurifrisiis et gemmis ita onuste procedebant, quod ni sustentarentur ab aliis, pondus metalli sustinere non valebant*», GPP, p. 56).

¹²⁷⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 59 (971).

¹²⁷⁷ О внимании древнерусских книжников к элементам архитектуры см.: Пауткин А.А. «Столпы красни несказанни»: О некоторых особенностях древнерусских архитектурных описаний // Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М., СПб: Нестор-История, 2017. С. 70-75.

¹²⁷⁸ ХГА, с. 33 («*ecclesias ibi multas et episcopos per apostolicum, ymmo apostolicus per eum ordinavit*», GPP, p. 32).

¹²⁷⁹ Галл Аноним прямо не называет это преступление, о нем упоминает Козьма Пражский, см.: ЧХ, с. 211 (1110).

не единственным примером дидактического рассуждения в этом памятнике («Но грех, совершенный под влиянием гнева, случайно, является меньшим, чем грех, совершенный в результате зрелого размышления. И мы не будем отрицать раскаяния по поводу преступления, если оно сделано даже осмысленно, но при этом примем во внимание личность [виновного], возраст и положение»¹²⁸⁰). Приведенные примеры свидетельствуют о более слабо выраженном церковно-дидактическом начале в хрониках по сравнению с древнерусскими летописями.

В КЛ рассуждений летописцев о добре и зле меньше, чем в общерусском летописании. В этом памятнике нередко оценочные высказывания употребляются парами и относятся к конкретной ситуации (Святополк «и здѣ живота лишеть а шнамо моучимъ есть вѣчно»¹²⁸¹, Всеволод «переди много гливъ а послѣди много заплативъ»¹²⁸²). Часто киевские книжники уделяли внимание отношениям в семье, в частности между братьями («не имѣаше лиха въ срѣци но зли члвци не хотѣче добра межи братѣю видити»¹²⁸³, «всекозненьи же дьяволъ не хотѣ любви межи братѣю и вложи срѣце злымъ свѣтъкомъ»¹²⁸⁴). С этим согласуются соотнесение дел отца и сына (Мстислав «наслѣди ѿца своего потъ Володимера Мономаха великаго Володѣмиръ самъ собою постога на Доноу и много пота оутеръ за землю Роускоую»¹²⁸⁵) и мотив молитвенной помощи родителей (Андрей «имѣше надежу велику на Ба ... и на ѿца своего млтву надѣвашеться»¹²⁸⁶, Андрей «посовнемъ Биємъ и силою хрѣстною и млтвою дѣда своего»¹²⁸⁷). Подобное упоминание родственников, а также местных

¹²⁸⁰ ХГА, с. 134 («Sed minus est peccatum ira precipitacionis ex occasione data perpetrare, quam illud faciendum ipsa deliberatione pertractare. Nos vero nec peccato deliberationis penitentiam denegamus, sed in penitentia tamen personam, etatem, oportunitatem perpendamus», GPP, p. 274).

¹²⁸¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 305 (1140).

¹²⁸² Там же, стб. 316 (1144).

¹²⁸³ Там же, стб. 513 (1161).

¹²⁸⁴ Там же, стб. 324 (1146).

¹²⁸⁵ Там же, стб. 303 (1140).

¹²⁸⁶ Там же, стб. 287 (1123).

¹²⁸⁷ Там же, стб. 390 (1149).

святых (супруга Глеба Всеславича **«великѹ имѣаше любовь съ кнѣзем своимъ къ стѣи Бци и къ Ѡцю Федосью ревнѹючи Ѡцю своему Ярополкѹ»**¹²⁸⁸) подчеркивает важность этих аспектов в сознании киевских летописцев. В то же время приведенные наблюдения позволяют сделать вывод о некотором ослаблении дидактического начала в местном летописании по сравнению с общерусским. Мы полагаем, что это связано с изменением задач исторического повествования, которое все меньше воспринималось как текст, обучающий моральным качествам.

Сочетания оценочных высказываний в галицко-волынском летописании не всегда являются проявлением субъективности. Это подтверждается тем, что средством усиления отрицательной оценки в ГЛ нередко является повтор¹²⁸⁹ устойчивых высказываний (**«грѣхъ ради нашихъ ... за прегрешение крѣтньское»**¹²⁹⁰, **«с великою гордынею ... гордость его»**¹²⁹¹, **«исполнившимсѧ зависти и лъсти»**¹²⁹², **«со чѣстью и славою»**¹²⁹³, **«за его добро и правдоу»**¹²⁹⁴). Подобные комбинации читаются при упоминании княжеских детей (**«нашедъ зло племени своему и дѣтемъ своимъ»**¹²⁹⁵) и почитаемых святых (**«Бѣ же чюдъ створи и стѣи Иванъ и стѣи Никола»**¹²⁹⁶). Отсутствие в ГЛ эксплицитно выраженной авторской оценки говорит о том, что ее создатели стремились выразить свою точку зрения иными средствами. В ВЛ положительная оценка, приведенная в начале княжения Владимира Васильковича, обнаруживает сходство с упоминанием братолюбия в некрологической похвале Даниилу Романовичу, однако здесь имеет место расширение круга объектов оценки (волынский князь **«правдолюбьемъ**

¹²⁸⁸ ПСРЛ, Т. II, стб. 492 (1158).

¹²⁸⁹ Подробнее о функциях повтора в художественно-прозаическом тексте см.: *Сковородников А.П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1981. С. 119-132.

¹²⁹⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 745 (1224).

¹²⁹¹ Там же, стб. 790 (1240).

¹²⁹² Там же, стб. 828 (1255).

¹²⁹³ Там же, стб. 835 (1256).

¹²⁹⁴ Там же, стб. 906 (1287).

¹²⁹⁵ Там же, стб. 731 (1211).

¹²⁹⁶ Там же, стб. 842 (1259).

свѣтѣса ко всеи своеи братѣи и к богаромъ и ко простымъ людемъ»¹²⁹⁷).

Ряд сочетаний оценочных высказываний волынских книжников традиционен («**вложи Бѣ во срѣце мысль бл҃гоу ... Бѣ воздвигноу ю млстѣю своею»¹²⁹⁸**), а начальные фразы некоторых погодных записей перекликаются с получившим распространение сюжетом о казнях Божиих¹²⁹⁹ («**Посла Бѣ на насъ мѣчь свои ... за оумножение грѣховъ нашихъ»¹³⁰⁰**). Сделанные наблюдения указывают на уменьшение в местном летописании сочетаний оценочных высказываний, которые являются проявлениями субъективности книжников.

По сравнению с южнорусским летописанием, комбинации оценочных выражений в СЛ более разнообразны. К особенностям этого памятника относятся сочетания трех («**посовѣемъ Божьимъ, и силою крестною, и молитвою дѣда своего»¹³⁰¹**, «**славяще Бога и святую Богородицу и крестную силу»¹³⁰²**) или четырех оценочных высказываний («**Се же есть посовѣемъ Божьимъ, и силою честнаго креста, и заступленьемъ святаго Михаила, и молитвами святыхъ Богородица»¹³⁰³**, «**силою креста честнаго и молитвою святоѣ Богородици и архангела Михаила и Гаврила»¹³⁰⁴**). В СЛ неоднократно упоминаются местные реалии, такие как Десятинная церковь в Киеве («**чюдо створи Богъ и святая Богородица церкви Десятинныя въ Киевѣ»¹³⁰⁵**) и образ Владимирской Богоматери («**чюдо створи Богъ и святая Богородица Володимерьская»¹³⁰⁶**). Это указывает на постепенное формирование традиции местного летописания, для которой были важны местные святыни. Вместе с тем в СЛ встречаются сочетания отрицательных высказываний по отношению к лицам духовного звания (епископ Леон «**не**

¹²⁹⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 870 (1272).

¹²⁹⁸ Там же, стб. 875 (1276).

¹²⁹⁹ Подробнее о происхождении Поучения о казнях Божиих см.: Добровольский Д.А. «Теория казней Божьих» ... , С. 147-153.

¹³⁰⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 897 (1287).

¹³⁰¹ ПСРЛ, Т. I, с. 140 (1149), аналогичный пример с. 151 (1168).

¹³⁰² Там же, с. 162 (1177).

¹³⁰³ Там же, с. 136 (1146).

¹³⁰⁴ Там же, с. 190 (1225).

¹³⁰⁵ Там же, с. 152 (1169), аналогичный пример с. 154 (1169).

¹³⁰⁶ Там же, с. 151 (1169), аналогичный пример с. 160 (1176).

по правдѣ поставися ... перехвativъ Нестеровъ столъ»¹³⁰⁷, епископ Перфурий «инако рѣчь изироча къ нимъ, не яко святительскы, но яко перевѣтникъ и ложь»¹³⁰⁸, Изосима «то бѣ мнихъ образомъ точно, сотонѣ съсудъ; бѣ бо пьяница и стѹдословець, празднословець и кощюньникъ ... вступивъ въ прелестъ лжаваго пророка Махмѣда ... бѣ тело его ядъ псомъ и ворономъ»¹³⁰⁹). Положительная оценка в СЛ подчеркивается традиционными выражениями, однако не только при сообщении о смерти (что типично для общерусского летописания), но и в начале правления князя (Андрей Юрьевич «бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ ... церкви украси, и монастыри постави, и церковь сконча, юже бѣ заложилъ преже отецъ его»¹³¹⁰). Это говорит о расширении круга ситуаций, в которых летописцы могли дать князю подробную характеристику. Другой особенностью СЛ является то, что отрицательная и положительная оценка неоднократно противопоставляются. В одних случаях летописцы дополняли оценочные топосы указанием на место («оканьный дьяволъ въздвиже нѣкюю котору злу ... но паки Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я въ великую любовь»¹³¹¹), а в других преобладают оригинальные высказывания, что продиктовано стремлением книжника самому объяснить смысл описываемой ситуации (Ольговичи «прольяти кровь хотяще хрестьянскую, хвалящися въ гордости своей; и Богъ не вда имъ того створити»¹³¹², «Богъ наказавшю князій креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити, а злыхъ чловѣкъ не слѹшати, иже не хотятъ межи братьею добра»¹³¹³). Приведенные примеры позволяют заключить, что

¹³⁰⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 150 (1164).

¹³⁰⁸ Там же, с. 170 (1187).

¹³⁰⁹ Там же, с. 204 (1262).

¹³¹⁰ Там же, с. 149 (1157).

¹³¹¹ Там же, с. 186 (1217).

¹³¹² Там же, с. 133 (1136).

¹³¹³ Там же, с. 160 (1176).

помимо усиления оценки и обусловленности влиянием агиографического жанра сочетания оценочных высказываний актуализируют важную для книжника предпосылку (знание о мире). Наличие такой предпосылки является одним из необходимых условий связности текста¹³¹⁴.

В сочетаниях оценочных высказываний НПЛ также присутствуют черты местного летописания. Новгородские книжники неоднократно выражают положительную оценку ссылками не только на Бога, но и на святую Софию как на значимый образ для сознания новгородцев («Новгородъ же заступи богъ и святая великая и зборная апостольская церкви святая Софья и святини Кюрилъ»¹³¹⁵, «честнаго креста сила и святон Софьи всегда низлагаетъ неправду имѣющихъ»¹³¹⁶). Особенностью НПЛ являются многочисленные высказывания, в которых положительная и отрицательная оценка проивопоставлены («жаляху по немь въ Новгородѣ добрини, а злини радовахуся»¹³¹⁷, «всю бо землю ихъ оружиемъ поплѣни, а по христьяньскон земли веселие бысть всюда»¹³¹⁸). Подобные противопоставления наблюдаются в рассуждениях новгородских книжников о добре и зле («богъ бо не хощеть зла въ человекѣхъ, но блага, а дьяволъ радуется злому убийству и кровопролитию»¹³¹⁹, «Аще бы кто добро другу чинилъ, то добро бы было; а копая подъ другомъ яму, сам ся в ню въвалить»¹³²⁰), а также при описании происходивших в Новгороде пожаров («мнози от того разбогатѣша, а нини мнози обнищаша»¹³²¹, «олна на свѣтѣ богъ и добри люди ұяша, а злини человекѣци падоша на грабежи»¹³²²). Такие противопоставления свидетельствуют не только о лаконизме стиля

¹³¹⁴ Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 173-175.

¹³¹⁵ НПЛ СИ, с. 76 (1238).

¹³¹⁶ Там же, с. 83 (1262).

¹³¹⁷ Там же, с. 43 (1196).

¹³¹⁸ Там же, с. 85 (1265).

¹³¹⁹ Там же, с. 76 (1238).

¹³²⁰ Там же, с. 82 (1257).

¹³²¹ Там же, с. 85 (1267).

¹³²² Там же, с. 90 (1272).

новгородских летописцев, но и об их стремлении более наглядно и живо выразить свою оценку. В ряде случаев соотнесение оценочного высказывания и некоторой ситуации указывает на существование в сознании летописца иерархии оценок («**НЕ ТО БЯШЕ ЗЛО, НЪ БОЛЕ ПОЧЯСТА КОПИТИ ВОИ**»¹³²³). Некоторые сочетания оценочных высказываний в НПЛ начинают погодную запись, представляя собой тезис летописца, который иллюстрирует последующее изложение («**НЕ ХОТЯ ИСПЕРВА ОКАНЬНЫИ, ВСЕПАГУВНЫИ ДЬВОВЪ РОДУ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ ДОБРА, ВЪЗДВИЖЕ КРАМОЛУ МЕЖИ РУСЬСКИМИ КНЯЗИ, ДА БЫША ЧЕЛОВѢЦИ НЕ ЖИЛИ МИРНО: О ТОМЪ БО СЯ ЗЛИИ РАДУЕТЪ КРОВОПРОЛИТІЮ КРЕСТЬЯНСКУ**»¹³²⁴). Использование подобного приема позволяет сделать вывод об осмыслении летописцем фрагмента летописи и подтверждает его стремление не только сообщить о событии, но и объяснить его смысл. Однако в отличие от киевского летописания в НПЛ такие фрагменты более краткие и не выходят за пределы погодной записи.

§4.4. Сочетания сравнений

В ПВЛ летописцы употребляли несколько сравнений во фрагментах прославляющих первых русских святых. Таково похвальное слово после сообщения о смерти княгини Ольги, в котором А.А. Шайкин отмечал «совмещение фольклорных и книжно-клерикальных фрагментов и мотивов»¹³²⁵ («**АКИ ДѢВНИЦА ПРЕД СЛНЦЕМЪ И АКИ ЗАРАДЪ ПРЕДЪ СВѢТОМЪ СИ БО СИНАШЕ АКИ ЛУН В НОЩИ ... СВѢТЛШСѦ АКИ ВИСЕРЪ ВЪ КАЛѢ**»¹³²⁶). Другим примером являются сравнения в погодной статье 1015 г, повествующей об убийстве князей Бориса и Глеба («**ЗОЛЪ ЧЛВКЪ ТЩИТЬСѦ НА ЗЛОЕ НЕ ХУЖЪ**

¹³²³ НПЛ СИ, с. 23 (1135).

¹³²⁴ Там же, с. 73 (1235).

¹³²⁵ Шайкин А.А. «Повесть временных лет» ... , С. 87. О проявлении в ПВЛ фольклорного и христианского кодов см.: Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 103-105.

¹³²⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 56 (969).

есть бѣса бѣси во вогатьсѧ Бѧ а золь члѣкъ ни Бѧ сѧ вонть ни члѣкъ стыдятьсѧ бѣси во крѣта Гснѧ вотьсѧ а золь члѣкъ ни крѣта вонтьсѧ»¹³²⁷, «яко потока точита ѿ кладазѧ водѣ живоносныѧ ... гвистасѧ яко свѣтилѣ wzарѧюща всю землю Рускюю»¹³²⁸**). Подобные сочетания сравнений проникали в летопись под влиянием агиографической традиции. Как отмечал Д.С. Лихачев, «соседство многих сравнений ослабляет каждое из них в отдельности и всю их совокупность в целом»¹³²⁹. В последующем тексте ПВЛ сочетания сравнений становятся более разнообразными. Так в повествовании о монахах Киево-Печерского монастыря они выполняют скорее изобразительную функцию («**подаваше wконьцѣмъ емѹ яко сѧ вмѣстѧшесѣ рука ... внезапно свѣтъ воспа яко слнѣце въ пещерѣ яко зракомъ внимаѧ члѣкъ и пондоста двѣ оуноши к нему прекрасна и блистасѧ лице има яко и слнѣце»¹³³⁰**). Подобная комбинация говорит о трансформации функций сравнений в общерусском летописании, когда традиционные образы дополнялись оригинальными высказываниями.**

В рассатриваемых хрониках сочетания сравнений еще более разнообразны. В ЧХ их можно условно разделить на две группы. Первую группу составляют сочетания сравнений, которые описывают отдельный эпизод хроники. В этом случае Козьма Пражский использовал безобразные сравнения («**Подобно тому, как громадная глыба, будучи сорвана с высокой горы ураганом, падает по обрыву и сметает все на своем пути, так и Тыр, храбрый герой, ринулся на плотные ряды врагов. Подобно тому, как в саду срезают ножом головки мака, так и Тыр резал своим мечом головы врагов, пока не упал в гуще сечи на большую грудку мертвых тел, будучи утыкан, как еж, вражьими стрелами»¹³³¹**).

¹³²⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 121 (1015).

¹³²⁸ Там же, стб. 125 (1015).

¹³²⁹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы ... , С. 180.

¹³³⁰ ПСРЛ, Т. II, стб. 183-184 (1074).

¹³³¹ ЧХ, с. 53 («*Moxque prosiliens ceu maxima moles rupis, quae fulmine rupta de summitate alti montis fertur per abrupta loca, sternens omnia obstacula haud aliter ruit fortissimus heros Tyro in confertissimos hostium cuneos. Ac veluti, si quis in horto tenera papavera succideret ferro, ita*

Большинство сочетаний сравнений в ЧХ – это сопоставления с животными, которые могли быть краткими (Неклан **«был трусливее зайца, а в бегстве проворнее парфа»**¹³³²) или развернутыми (**«Подобно тому, как леопард хватает зайца, или лев – ягненка, так и Яромир, схватив обеими руками своего брата епископа за волосы, высоко полнял его и бросил на пол, как пучок соломы»**¹³³³, **«Борживой, этот кроткий, подобно ягненку, человек, лишился княжества, а Святополк – более жестокий, чем тигр, и более алчный, чем лев, вошел на престол»**¹³³⁴). Цель подобных сочетаний – более сильное выражение оценки книжником описываемого лица в конкретной ситуации. Вторую группу образуют сочетания сравнений, которые характеризуют некоторое положение дел в целом. В этом случае Козьма использовал образные сравнения, например, при характеристике чешского князя Болеслава I Жестокого (он **«по своей жестокости превосходил Ирода, по кровожадности — Нерона, по бесчеловечности своих преступлений — Деция, а по беспощадности — Диоклетиана»**¹³³⁵). Этот фрагмент не только свидетельствует о знакомстве Козьмы с основными деятелями библейской и римской истории, но и является примером осмысления деятельности правителя, что делает его сходным с некрологическими княжескими похвалами в древнерусских летописях. Напротив, в ХГА несколько сравнений образуют пространный фрагмент текста, целью которого является прославление деяний князя. Такого сравнение Болеслава III с Ганнибалом, построенное по принципу противопоставления (**«собираясь завоевать Рим, первый проложил путь**

obstantium metit ense capita hostium; donec plenus astitibus, quasi herinatius, in media strage super magnam struem occisorum cecidit», ССВ, S. 42).

¹³³² ЧХ, с. 51 (**«lepore pavidior et pardo fuga velocior»**, ССВ, S. 41). Парфяне – иранский народ, представители которого славились быстрой ездой на конях, см. там же, С. 255.

¹³³³ Там же, с. 138 (1073, **«ceu leopardus lepusculum aut leo agniculum rapit, ita ille furibundus hospes ambabus manibus per capillos fratrem suum episcopellum alte sustulit, et ut manipulum proiecit in pavementum»**, ССВ, S. 85).

¹³³⁴ Там же, с. 192 (1107, **«Ergo Borivoy mitis ut agnus, regno privatur, et Suatopluk, saevior tigride, ferocior leone, intronizatur»**, ССВ, S. 111).

¹³³⁵ Там же, с. 61 (**«qui fuit impius atque tyrannus saevior Herode, truculentior Nerone, Decium superans scelerum immanitate, Diocletianum crudelitate»**, ССВ, S. 47).

через гору Юпитера, так и Болеслав, намереваясь вторгнуться в Чехию, прошел через места непроходимые, по непроторенному пути. Тот, перейдя с трудом через одну гору, достиг большой славы и оставил о себе память; Болеслав же с большим трудом взошел не на одну, а на очень много гор, окутанных облаками. Тот, долбя гору, только старался выровнять горные вершины; этот, валя стволы деревьев и скалы, всходя на крутые горы, не переставал прокладывать путь по густым лесным зарослям и настилать гати в глубоких болотах»¹³³⁶). В приведенном фрагменте присутствует одна из основных идей Галла – сопоставление римских и польских правителей, что говорит о светском мировоззрении автора первой польской хроники.

В КЛ наряду с дидактической функцией у сочетаний сравнений появляется изобразительная функция. Так, в рассуждении книжника о владыке Феодорце библейские сопоставления сочетаются с оригинальными сравнениями («**еюже мѣрою мѣрите възмѣритсѧ вамъ имже судѣмъ судите судитсѧ вамъ ... тако же и сии бес покоа пребѣсѣ и до послѣднѧго издыханнѧ оуподобивсѧ злымъ еретикомъ ... такоже чтѣтѣ вѣси чтѣщаѧ нѣ такоже и сего доведоша вѣси**»¹³³⁷), а сопоставление абстрактных понятий при сообщении об Андрее Боголюбском говорит об образованности книжника («**естествомъ во цѣрѣ земнымъ подобенъ есть всѧкомѣ члѣкоу властью же сана вышши тако Бѣ**»¹³³⁸). В сообщении о деятельности Андрея Боголюбского по устройению княжеской резиденции Боголюбово преобладает стремление летописца описать деяния владимирского князя («**такъ полатѣ краснѣ дшю оукрасивъ Всими добрыми нравы оуподобисѧ цѣрю Соломанѣ**

¹³³⁶ ХГА, с. 125 («*Nam sicut ille Romam impugnaturus per montem Iouis primus viam fecit, ita Bolezlauus per locum horribilem, intemptatum prius, Bohemiam invasurus penetravit. Ille montem unum laboriose transeundo tantam famam et memoriam acquisivit, Bolezlauus vero non unum sed plures nubiferos quasi supinus ascendit. Ille solummodo cavando montem, coequando scopulos laborabat, iste truncos et saxa volvendo, montes arduos ascendendo, per silvas tenebrosas iter aperiendo, in paludibus profundis pontes faciendo, non cessabat*», GPP, p. 254).

¹³³⁷ ПСРЛ, Т. II, стб. 553 (1172).

¹³³⁸ Там же, стб. 591 (1175).

яко домъ Г҃ѣ Бс҃ѣ и цр҃квь преславнѣ ст҃ѣа Б҃ца рж҃ства посредѣ города каменѣ создавѣ Б҃голюбомѣ и оудивнѣ ю паче вснхъ цр҃квин подобна тоѣ ст҃ѣа ст҃хъ юже вѣѣ Соломонѣ цср҃ь премудрин создавѣ тако и снн князь благовѣрнын Андр҃ѣи и створи цр҃квь сню»¹³³⁹). Аналогично при описании природных явлений сочетания сравнений употребляются с целью более образно их представить, как в случае описания изменения вида луны («**Б҃ГЛС҃ ѡБРАЗЪ Е҃Я ЯКО СК҃ДНО ЧЕРНО И ПАК҃ТЛ Б҃ГЛС҃ ЯКО КРОВАВА И ПОТОМЪ Б҃ГЛС҃ ЯКО ДВѢ ЛИЦИ ИМУЩИ ѡДИНО ЗЕЛЕНО А ДРУГОЕ ЖЕЛТО И ПОСРЕДѢ Е҃Я ЯКО ДВА РАТЬНАГА С҃ВК҃УЩЕСА МЕЧЕМА И ѡДИНОМУ Е҃Ю ЯКО КРОВЬ ИДѢШЕ ИЗЪ ГЛАВ҃ТЛ А ДРУГОМУ ВѢЛО АК҃ТЛ МЛЕКО ТЕЧАШЕ**»¹³⁴⁰). Наличие в приведенном фрагменте наглядных образов и обозначений цветов говорит не только о внимании летописца к необычным небесным явлениям, но и о его стремлении подробно и живо рассказать о них в летописи.

В галицко-волынском летописании сочетания сравнений встречаются реже, чем в ПВЛ и КЛ, однако в некоторых случаях они нетипичны для предшествующего повествования. Таковы сравнения в похвале князю Роману Ростиславичу («**оустремил во сѣ бѣше на поганьца яко и левъ сердитъ же Б҃ГЛС҃ яко и р҃ьсь и гоубѣше яко и коркодилъ и прехожаше землю ихъ ѡко и шрелъ храворъ во вѣѣ яко и тоуръ**»¹³⁴¹). В этом фрагменте обращает на себя внимание не только оригинальность объектов сопоставления¹³⁴², но и качества князя, которые книжник считает нужным сравнить. В отличие от ПВЛ, в них преобладают не христианские добродетели, а воинские качества, что сближает ГЛ с рассматриваемыми хрониками. Это подтверждают и выбранные книжником в качестве объектов сопоставления исторические

¹³³⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 580-581 (1175).

¹³⁴⁰ Там же, стб. 516 (1161).

¹³⁴¹ Там же, стб. 716 (1201).

¹³⁴² Одним из способов появления в летописи упоминаний необычных объектов могли быть заграничные походы князя. А.А. Пауткин отмечает, что о Романе Мстиславиче сообщают некоторые зарубежные источники, в частности «Великопольская хроника» и «История» Никиты Хониата, см.: Пауткин А.А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 12.

деятели («**везаконьникъ тако и Антиухъ Соурьскыи Иродъ Ерѣмъсьскыи и Перонъ Римъскыи**»¹³⁴³). К особенностям стиля галицких книжников относится сочетание трех и более сравнений («**такъ дѣти ко шчю тако пчелы к матцѣ тако жажющи воды ко источнику**»¹³⁴⁴, «**щитѣ же ихъ тако зард бѣ шоломъ же ихъ тако слнцю восходщюу копиемъ же ихъ дръжацимъ в роукаѣ тако трѣсти мнози**»¹³⁴⁵). Приведенные сравнения отличает наглядность и их небиблейское происхождение, что нетипично для предшествующего южнорусского летописания. Примечательно, что в ВЛ подобные сопоставления отсутствуют, а читающиеся сочетания сравнений являются, скорее, результатом влияния агиографического жанра, чем проявлениями субъективности («**цркви дивна и славна всѣмъ шкроужнымъ сторонам акаже ина не шбрѣщетьсѧ во всей полунощии землѧ ѿ востока и до запада и славныи городъ твои Володимерь величествомъ акы вѣнчемъ швложенъ**»¹³⁴⁶). Это подтверждает наши наблюдения об ориентации волынских книжников на традицию киевского летописания.

В СЛ при сочетании сравнений объектами являются библейские образы. С целью усилить отрицательную оценку владыки Феодорца использованы образы дьявола и ада («**такоже и надъ симъ сътвори Богъ, отъя отъ него умъ ... бѣ не сытъ акы адъ ... шподобивъся злымъ еретикомъ ... погыбе память его съ шюмомъ: такоже чтутъ вѣси чтущая ихъ ... шстроивша въ немъ 2-го Сотонаила**»¹³⁴⁷). В то же время апелляция к библейским образам имеет целью подчеркнуть христианские добродетели человека, как в случае сообщения об Александре Ярославиче («**възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, и гласъ его акы труба въ народѣ, и лице его акы лице Ѣсифа ... даль бѣ ему Богъ премудрость Солomonю, и храбрьство акы**

¹³⁴³ ПСРЛ, Т. II, стб. 869 (1270).

¹³⁴⁴ Там же, стб. 777 (1235).

¹³⁴⁵ Там же, стб. 813 (1251).

¹³⁴⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 923 (1289).

¹³⁴⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 152 (1169).

**царя Римскаго Суспасьяна ... Якоже древле царица Ужская приходи къ
Соломонѹ, хотящи слышати премѹдрость его; такоже и се»¹³⁴⁸).**

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что сочетания сравнений в СЛ обусловлены влиянием агиографического жанра. Вместе с тем летописцы могли дополнить сравниваемый библейский сюжет событиями древнерусской истории, что говорит об устоявшейся оценке некоторых исторических событий в летописной традиции («**якоже въ прежняя дни
Каина на Авеля брата своего, а потом Святополка на Бориса и Глѣба
власти ради ... тако и сихъ подоостри»¹³⁴⁹**). Помимо характеристики человека, книжники северо-восточной Руси использовали библейские образы при описании событий, как при сообщении о торжествах по случаю освящения церкви святого Михаила во Владимире («**Якоже Соломонъ царь
створи пиръ на священъе церкви своея ... Тако и блаженный Костянтинъ
створи пиръ на священъе церкви своея ... Дастъ бо Господь смыслъ и
премѹдрость Соломонѹ, такоже и Костянтинѹ, многѹ zelo въ разлитьи
сердца, яко песок иже при море, и распространися премѹдрость его паче
смысла всѣхъ чловѣкъ»¹³⁵⁰**). Использованный книжником прием синтаксического параллелизма имел своей целью «повысить статус» древнерусского князя, подчеркнуть его сходство с ветхозаветным царем. Кроме сопоставлений с библейскими образами сочетания сравнений выполняют в СЛ изобразительную функцию. Таковы описания солнечного затмения и появления необычной звезды («**высть знаменье въ солнци, и
морочно высть велми, яко и звѣзды видети, чловѣкомъ въ очью яко
зелено вѣше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко ѹгль
жаровъ исхожаше»¹³⁵¹**, «**явися звезда на западѣ, и бѣ отъ нея лѹча не
възракъ чловѣкомъ, но яко къ полѹденью по двѣ въсходящи съ вечера по**

¹³⁴⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 204-205 (1263).

¹³⁴⁹ Там же, с. 169 (1186).

¹³⁵⁰ Там же, с. 183 (1207).

¹³⁵¹ Там же, с. 167 (1186).

заходѣ солнечнѣмъ, и бѣ величствомъ паче инѣхъ звѣздъ»¹³⁵²). Это говорит о постепенном расширении случаев использования комбинаций сравнений в летописном тексте.

Для новгородского летописания сочетания сравнений нехарактерны. Некоторые примеры относятся к описанию погодных условий и не образуют целостного в смысловом отношении повествовательного фрагмента («**2 недѣли пълне, яко искря гүце ... вода бы больши третьяго лѣта на тү осень»¹³⁵³**, «**бысть яко мѣсяць 5 ночии, и тма бысть яко в зимнюю ночь»¹³⁵⁴**). Подобные сообщения свидетельствуют о стремлении новгородских книжников к документальности и отличают НПЛ от других летописей западнославянских памятников. Исключение составляет описание разграбления Константинополя фрягами («**злата и сребра, яко нетү числа ... инѣхъ же церкви не может человекъ сказати, яко вѣщисла»¹³⁵⁵**). Цель подобного сочетания сравнений – усиление отрицательной оценки новгородским летописцем деяний крестоносцев, что имело значение в условиях жизни Новгорода и окрестных земель в первой половине XIII в., когда в этом регионе активизировалась деятельность латинских орденов.

§4.5. Сочетания эпитетов

В ПВЛ сочетания эпитетов встречаются для более подробной характеристики важных для книжника лиц (русские воины «**многы и храбры»¹³⁵⁶**, «**бѣ бо великъ и тѣжкѣ Болеславъ тако ни на кони не могли сѣдѣти но бѣше смысленъ»¹³⁵⁷**, Редедя «**великъ и силенъ»¹³⁵⁸**, Иларион

¹³⁵² ПСРЛ, Т. I, с. 189-190 (1223).

¹³⁵³ НПЛ СИ, с. 27 (1145).

¹³⁵⁴ Там же, с. 96 (1321).

¹³⁵⁵ Там же, с. 49 (1204).

¹³⁵⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 46 (946), стб. 52 (964).

¹³⁵⁷ Там же, стб. 130 (1018).

¹³⁵⁸ ПСРЛ, Т. I, с. 63 (1022). В Ипатьевском списке ПВЛ читается сокращенный вариант этого высказывания: «**Бѣ бо великъ Редедя»**, ПСРЛ, Т. II, стб. 134 (1022).

«**МУЖЪ БЛГЪ И КНИЖЕНЪ И ПОСТНИКЪ**»¹³⁵⁹, Демьян «**ПОСТНИКЪ И ВЪЗДЕРЖЬНИКЪ**»¹³⁶⁰). В приведенных высказываниях видно стремление предложить развернутое описание человека, выйти за рамки сформировавшихся топосов. Сочетания эпитетов встречаются в ПВЛ в летописных княжеских некрологах, которые часто имеют устойчивую структуру («**ВЪ ЖЕ МЪСТИСЛАВЪ ДЕВЕЛЪ ТЪЛОМЪ ЧЕРМНОМЪ ЛИЦЕМЪ ВЕЛИКОМА УЧИМА ХРАБРЪ НА РАТИ И МЛЪТВЪ И ЛЮБШЕ ДРУЖИНУ ПО ВЕЛИКУ**»¹³⁶¹). В них внимание летописцев привлекают не только качества князя, но и черты его внешнего облика, которому сочетания эпитетов придают дополнительные черты¹³⁶². Подобные летописные похвалы являются, по выражению А.А. Пауткина, «одним из проявлений первых робких попыток раскрытия духовного мира исторической личности в нашей древней литературе»¹³⁶³. Такие фрагменты появляются в погодных статьях 1030-х гг., т.е. при описании событий, хронологически близких времени жизни летописца.

В отличие от общерусского летописания, в западнославянской хронографии сочетания эпитетов служат для усиления оценки. Примером является повествование Козьмы Пражского о том, как слуга-серб обезглавил своего господина – чешского князя, когда тот был еще ребенком («**преступный серб, будучи хуже неверного ... злой умысел, который он вынашивал уже давно в своем дурном уме и в своей дурной душе**»¹³⁶⁴). Иногда в ЧХ имеет место парное употребление эпитетов («**неверующие, и поэтому более склонные ко всему дурному люди**»¹³⁶⁵, «**дурные сыновья**

¹³⁵⁹ ПСРЛ, Т. II, стб. 144 (1051).

¹³⁶⁰ Там же, стб. 180 (1074).

¹³⁶¹ Там же, стб. 138 (1036). Аналогичные похвалы Ростиславу, Глебу и Изяславу см.: ПСРЛ, Т. II, стб. 155 (1066), стб. 190-191 (1078), стб. 193-194 (1078). Подробнее см.: *Еремин И.П.* Литература Древней Руси ... , С. 46-47.

¹³⁶² *Шайкин А.А.* Тропы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. М.: Наука, 2004. С. 511.

¹³⁶³ *Пауткин А.А.* Характеристика личности ... , С. 245.

¹³⁶⁴ ЧХ, с. 54 («*scelestus Zribin ille, deterior infidele ... suam nequiciam, quam dudum mala mente, malo amino conceperat in domini sui necem*», ССВ, S. 43).

¹³⁶⁵ Там же, с. 50 («*infideles homines, et eo ad malum prioniores*», ССВ, S. 41).

негодных отцов»¹³⁶⁶, Коган «особенно преступный и самый худший из всех дурных людей»¹³⁶⁷). В приведенных примерах обращает на себя внимание характеристика не конкретного поступка, а человека «в целом», что наблюдается и в ХГА. Подобным образом описаны основной персонаж хроники Болеслав III («*был он зорок, храбр и смел, жаждал славы воинской ... щедр, был доступен, милостив*»¹³⁶⁸) и польские воины («*храбрые и искусные в битвах*»¹³⁶⁹, «*храбрые и испытанные*»¹³⁷⁰). Других лиц польский хронист мог изобразить противоречиво, что говорит о его стремлении истолковать события определенным образом, вероятно, в интересах заказчика хроники (главный воевода Сецех «*умный, знатный и красивый, но ослепленный жадностью*»¹³⁷¹, наследный князь Моравии Святополк «*родом он, правда, был знатен, но по натуре жесток; воин был храбрый, но по душе хитрый и мало заслуживающий доверия*»¹³⁷²). Подобное стремление подтверждает описание качеств Болеслава III после ослепления им своего брата Збигнева («*Мы видим такого мужа ... соблюдающим великий пост, постоянно лежащим на земле в пыли, одетым во власяницу, залитым слезами и испускающим вздохи, сторонящимся человеческого общества и разговора, пользующимся землей вместо стола, травой вместо скатерти, черным хлебом вместо изысканных яств, водой вместо нектара*»¹³⁷³). Несмотря на отрицательную оценку (о которой хронист прямо не говорит), в этом фрагменте приведены христианские образы с целью подчеркнуть раскаяние польского правителя.

¹³⁶⁶ ЧХ, с. 72-73 («*partum iniquorum pessimi filii*»), ССВ, S. 53).

¹³⁶⁷ Там же, с. 80 (999, «*sceleratissimus et omnium malorum hominum pessimus*»), ССВ, S. 57).

¹³⁶⁸ ХГА, с. 109-110 («*vertit eos usquequaque providus, / Ut vir audax, bellicosus atque laudis avidus ... Erga cunctos cum honore dator est munificus*»), GPP, p. 218, 220).

¹³⁶⁹ Там же, с. 38 («*fortissimi et ad bella doctissimi*»), GPP, p. 46, 48).

¹³⁷⁰ Там же, с. 102 («*probi milites*»), GPP, p. 200).

¹³⁷¹ ХГА, с. 68 («*nobilis et formosus erat, sed avaricia excecatus*»), GPP, p. 122).

¹³⁷² Там же, с. 122 («*genere quidem nobilis, natura ferox, militia strenuus, sed modice fidei et ingenio versutus*»), GPP, p. 248).

¹³⁷³ Там же, с. 135 («*Vidimus enim talem virum ... iuvenem primam karinam ieiunantem, assidue in cinere et cilicio humi provolutum, lacrimosis suspiriis irrigatum, ab humano consortio et colloquio separatam, humum pro mensa, herbam pro mantili, panem atrum pro deliciis, aquam pro nectare reputantem*»), GPP, p. 274). Выделенный фрагмент заимствован из Матф 11:21.

В местном летописании сочетания эпитетов становятся более разнообразными. Наряду с их использованием в княжеских некрологах (Роман «**БѢ ВОЗРАСТОМЪ ВЪСОКЪ ПЛЕЧИМА ВЕЛИКЪ ЛИЦЕМЪ КРАСЕНЪ И ВСЕЮ ДОБРОДѢТЕЛЮ ОУКРАШЕНЪ СМЕРЕНЪ КРОТОКЪ НЕЗЛОВИВЪ ПРАВДИВЪ**»¹³⁷⁴) в КЛ встречаются парные описания качеств (убили Владимира Давыдовича «**ДОБРОГО И КРОТКОГО**»¹³⁷⁵, Изяслав Мстиславич «**ЧСТНЪИ ВСОВѢРНЪИ И ХУСЛОВИВЪИ СЛАВНЪИ**»¹³⁷⁶, Глеб Юрьевич «**КРОТОКЪ БЛГОНРАВЕНЪ**»¹³⁷⁷). При характеристике качеств князя при жизни книжники использовали повтор одного эпитета (Ярополк «**БЛГОВѢРНОГО КНЗД КОРЕНЬ И БЛГОВѢРНАГА ШРАСЛЬ**»¹³⁷⁸) или комбинацию разных (Изяслав «**ХРАБОРЪ КРѢПОКЪ НА РАТЬ**»¹³⁷⁹). Сочетания эпитетов при описании других лиц в КЛ традиционны и указывают на определенную точку зрения книжника (жители Киева «**ВЕЗАКОННИИ НЕСЪМЪСЛЕННИИ ШСЛѢПЛЕННИИ ШЦИМА СВОИМА**»¹³⁸⁰). Также в КЛ проявляется интерес летописца к описанию церковного убранства, для чего также использованы сочетания эпитетов (Андрей Боголюбский украсил церковь Богородицы «**МНОГОРАЗЛИЧНЫМИ ИКОНАМИ, И ДРАГИМЪ КАМЕНЬЕМЪ**»¹³⁸¹). Сходство приведенного фрагмента в КЛ и СЛ¹³⁸² указывает на его принадлежность общему источнику, из которого он попал в Ипатьевский и Лаврентьевский списки.

Как и в КЛ, в ГЛ неоднократно наблюдается парное употребление эпитетов (Даниил Романович «**ДЕРЗЪ И ХРАБОРЪ**»¹³⁸³, Семенко «**ВЕЗАКОНЪНЪИ ЛУХЪИ**»¹³⁸⁴, Василько «**КРѢПОКЪ И ХРАБОРЪ**»¹³⁸⁵, Кондрат

¹³⁷⁴ ПСРЛ, Т. II, стб. 617 (1180).

¹³⁷⁵ Там же, стб. 438 (1151).

¹³⁷⁶ Там же, стб. 469 (1154).

¹³⁷⁷ Там же, стб. 563 (1173).

¹³⁷⁸ Там же, стб. 290 (1126).

¹³⁷⁹ Там же, стб. 336 (1146).

¹³⁸⁰ Там же, стб. 353 (1147).

¹³⁸¹ Там же, стб. 511 (1161).

¹³⁸² ПСРЛ, Т. I, с. 150 (1160).

¹³⁸³ ПСРЛ, Т. II, стб. 744 (1224).

¹³⁸⁴ Там же, стб. 758 (1229).

¹³⁸⁵ Там же, стб. 765 (1231).

«**СЛАВЕНЪ И ПРЕДОБРЪ**»¹³⁸⁶). Это указывает на стремление галицких книжников усилить как положительную, так и отрицательную оценку. Иногда сочетания эпитетов в ГЛ предваряют повествование фразой, которая вынесена в прозаголовок («**МНОГИИ МЛТЕЖЬ ВЕЛИКИА ЛЬСТИ ВЕЩИСЛЕНЬГА РАТИ**»¹³⁸⁷) или читается в основном тексте («**ВЕЩИСЛЕНЬГА РАТИ И ВЕЛИКЪЛА ТРОУДЪ И ЧАСТЪЛА ВОИНЪ И МНОГИА КРАМОЛЪ И ЧАСТАА ВОСТАНИА И МНОГИА МЛТЕЖИ**»¹³⁸⁸). Такие сочетания относятся к элементам рефлексии по поводу созданного текста и нехарактерны для ПВЛ, в которой повторы присутствуют в основном во фрагментах агиографического характера¹³⁸⁹. Особенностью ГЛ является интерес ее создателей к описанию не только лиц, но и артефактов или природных объектов, в которых также присутствуют сочетания эпитетов. Так при описании даров, посланных к рижскому мастеру Андрею, упоминаются «**СОСОУДЪ СЕРЕБРЕНЫИ И ЗЛАТЫИ И КРАСНЫИ**»¹³⁹⁰, а место, на котором Даниил Романович решил основать город Холм, характеризуется как «**КРАСНО И ЛЪСНО**»¹³⁹¹. Наиболее наглядно интерес галицких летописцев к внешним чертам артефактов, их цветам и материалам проявился при описании архитектуры и убранства церкви (Даниил Романович создал церковь святого Иоанна Златоуста «**КРАСНОУ И ЛЪПОУ ... ДВЪРИ ЖЕ ЕИ ДВОА ОУКРАШЕНЫ КАМЕНЬЕМЪ ГАЛИЧКЫМЪ БЪЛЫМЪ И ЗЕЛЕНЫМЪ ХОЛМЪСКИМЪ ТЕСАНЪМЪ ... ОУКРАСИ ЖЕ ИКОНЫ ЕЖЕ ПРИНЕСЕ ИС КЬЕВА КАМЕНЬЕМЪ ДРАГЫМЪ И БИСЕРОМЪ ЗЛАТЫМЪ ... СТОЛПЪ Ѡ ЦЪЛА КАМЕНИ ИСТЕСАНАГО ... ПРЕДЪ ВОЧНЫМИ ДВЪРМИ КРАСЕНЪ ПРИНЕСЕНЪ ИЗДАЛЕЧА СТОИТЬ ЖЕ СТОЛПЪ ПОПРИЩА Ѡ ГОРОДЪ ^ КАМЕНЪ А НА НЪМЪ ШРЕЛЪ КАМЕНЪ ИЗВАГАНЪ**»¹³⁹², а церковь Богородицы украсил «**ПРЕЧЮДНАМИ ИКОНАМИ ПРИНЕСЕ ЖЕ ЧАШЮ Ѡ ЗЕМЛА ОУГОРСКЫА МРАМОРА ВАГРДНА ИЗВАГАНУ МОУДРОСТЬЮ**

¹³⁸⁶ ПСРЛ, Т. II, стб. 810 (1251).

¹³⁸⁷ Там же, стб. 762 (1230).

¹³⁸⁸ Там же, стб. 750 (1227).

¹³⁸⁹ Там же, стб. 56 (969), стб. 124-126 (1015).

¹³⁹⁰ Там же, стб. 816 (1252).

¹³⁹¹ Там же, стб. 842 (1259).

¹³⁹² Там же, стб. 843-845 (1259).

чюдноу и змѣвѣи главы вѣша вкρούгъ еѣ ... створи же в неѣ вѣжнѣи пискоупъ Иванъ ѿ древа красна точенъ и позлащенъ днѣ и внѣ дивленію подовенъ»¹³⁹³). В приведенных фрагментах сочетания эпитетов употреблены с изобразительной целью, что более отвечало политическим целям, чем христианской морально-дидактической традиции. Это указывает на стремление книжников прославить деяния галицкого князя, подчеркнуть изысканность и великолепие церквей в основанном им городе.

В ВЛ парные сочетания эпитетов подчеркивают не только качества человека (слуга Ратьша «**добрѣи вѣрныи**»¹³⁹⁴), но и его состояние в определенный момент времени (Ратиславко Мстиславич «**нагъ и востъ**»¹³⁹⁵). Помимо парных сочетаний, в ВЛ читаются и более пространные фрагменты из эпитетов, что говорит о стремлении книжников преодолеть рамки сложившихся устойчивых сочетаний (Даниил Романович «**добрѣи хоробрыи и моудрѣи**»¹³⁹⁶, литовский князь Тройден «**вканьнѣи и безаконьнѣи проклатѣ немѣстѣнѣи**»¹³⁹⁷, Болеслав Краковский «**добрѣи тихи смиренѣи незловивѣи**»¹³⁹⁸, Лев «**доуменъ и хороборъ и крѣпокъ на рати**»¹³⁹⁹). Весьма подробна в ВЛ некрологическая характеристика Владимира Васильковича, в которой присутствуют агиографические мотивы и сочетания эпитетов (волинский князь роздал «**каменіе дорогое и поясы золотѣи ѿца своеѣ и серебрянѣе ... и блюда великаа серебрянаа и коубькы золотѣе и серебрянѣе**»¹⁴⁰⁰, он сам «**возрастомъ вѣ высокъ плечима великъ лицемъ красенъ волосы имѣѣа желты коудравы бородоу стригын роуки же имѣѣа красны и ногы рѣчь же вѣшетъ в немъ толѣста и оустна исподнаѣа добела глаголаше ясно ѿ книгъ зане вѣсѣ философъ великъ и ловечъ хитръ**

¹³⁹³ ПСРЛ, Т. II, стб. 845-846 (1260).

¹³⁹⁴ Там же, стб. 912 (1288).

¹³⁹⁵ Там же, стб. 877 (1277).

¹³⁹⁶ Там же, стб. 862 (1264).

¹³⁹⁷ Там же, стб. 869 (1270).

¹³⁹⁸ Там же, стб. 880 (1279).

¹³⁹⁹ Там же, стб. 935 (1291).

¹⁴⁰⁰ Там же, стб. 914 (1288).

хороворъ кротокъ смиренъ не зловивъ правдивъ не мьздомѣць не лживъ»¹⁴⁰¹). Такой фрагмент позволяет получить представление не только о качествах, но и о внешнем облике князя, который был идеалом правителя для волынского книжника. К косвенным характеристикам Владимира Васильковича относятся описания церквей и их убранства, в которых также неоднократно читаются эпитеты (место Гай **«красно вѣдѣниемъ ... цркви же баше в немь предивна красотою снгающи»**¹⁴⁰², церковь Богородицы украшена **«каменьемъ драгимъ и сосоуды чѣстными таже цркви дивна и славна всѣмъ шкроужнымъ сторонамъ»**¹⁴⁰³). Подобные приемы говорят о развитии волынскими книжниками традиций своих предшественников (как галицких, так и киевских). Это согласуется с наличием в ВЛ заимствований из КЛ и «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, отмеченными А.В. Каравашкиным¹⁴⁰⁴ и А.А. Пауткиным¹⁴⁰⁵.

По сравнению с южнорусскими летописями, в памятниках северо-восточной Руси сочетаний эпитетов несколько больше. В СЛ это относится к некрологическим княжеским похвалам, в которых набор эпитетов постепенно расширяется (Владимир Мономах **«благовѣрный и великий князь Русский украшенный добрыми нравы, прослѣвый въ побѣдахъ ... чюдный ... милостивъ же баше»**¹⁴⁰⁶, Андрей Владимирович **«благовѣрный и христолюбивый князь добрый»**¹⁴⁰⁷, убили Владимира Давыдовича **«добраго и кроткаго князя Черниговскаго»**¹⁴⁰⁸). Наглядно изменение формы некрологической княжеской похвалы можно показать на примере сообщения о смерти князя Константина Всеволодовича (**«преставися**

¹⁴⁰¹ ПСРЛ, Т. II, стб. 920-921 (1289).

¹⁴⁰² Там же, стб. 908 (1287).

¹⁴⁰³ Там же, стб. 923 (1289).

¹⁴⁰⁴ Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI-XVII вв.). М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 662.

¹⁴⁰⁵ Пауткин А.А. К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (31). С. 119 – 126.

¹⁴⁰⁶ ПСРЛ, Т. I, с. 129 (1125).

¹⁴⁰⁷ Там же, с. 134 (1141).

¹⁴⁰⁸ Там же, с. 144 (1151).

христолюбивый великий князь Костянтинъ ... съ бѣ блаженный князь ... не помрачи ума своего пустошною славою прелестнаго свѣта сего ... и преиде въ ону нестарѣющуюся бесконечную жизнь ... бѣ блаженный съ князь правдивъ, щедръ, кротокъ, смѣренъ ... паче же всего дивную любя и славную милостыню и церковное строенье ... одаровалъ бѣ Богъ кротостью Давыдовою, мудростью Соломонею, исполнь сы апостолскаго правовѣрья»¹⁴⁰⁹). В приведенном фрагменте видны отступление от традиционной структуры некрологической похвалы общерусского летописания и влияние агиографического жанра. При этом сама похвала в СЛ становится более пространной, а устойчивая структура постепенно исчезает («Бѣ же Василко лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ ... бѣ во всему хытръ и гораздо умѣя»¹⁴¹⁰**). Помимо некрологических похвал сочетания эпитетов встречаются в СЛ при характеристике князя при жизни («**великий, милосердъ сы»¹⁴¹¹**, «**благочестивому и христолюбивому»¹⁴¹²**, «**христолюбивый благовѣрный»¹⁴¹³**, «**благочестиваго и правовѣрнаго великаго»¹⁴¹⁴**). В некоторых случаях книжники сочетали эпитеты друг с другом («**Володимеру сущю Новгородѣ, дѣтѣску сущю еще и погану, и бѣ у его Добрына воевода, и храборъ и наряденъ мужъ»¹⁴¹⁵**), а также использовали библейские образы (епископ Пахомий «**истинный бѣ пастырь, а не наинникъ; се бѣ агня, а не волкъ ... милостивъ зѣло къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому убогому»¹⁴¹⁶**). Это указывает на наличие фрагмента летописного текста, объединенного авторским замыслом.**

¹⁴⁰⁹ ПСРЛ, Т. I, с. 187-188 (1218).

¹⁴¹⁰ Там же, с. 199 (1237).

¹⁴¹¹ Там же, с. 182 (1207).

¹⁴¹² Там же, с. 183 (1209).

¹⁴¹³ Там же, с. 184 (1211).

¹⁴¹⁴ Там же, с. 200 (1239).

¹⁴¹⁵ Там же, с. 131 (1128).

¹⁴¹⁶ Там же, с. 185 (1216).

Другой особенностью СЛ является расширение круга лиц, для характеристики которых летописцы использовали сочетания эпитетов. Подобные высказывания присутствуют в сообщениях о смерти не только князя, но и княгини («**правовѣрная княгини великая**»¹⁴¹⁷, варианты «**великая княгини и блаженная**»¹⁴¹⁸, «**благовѣрная великая**»¹⁴¹⁹). Помимо правителей, в СЛ сочетания эпитетов читаются в описаниях качеств архиереев (епископ Лука «**благовѣрный и блаженный**»¹⁴²⁰, епископ Симон «**блаженный и милостивый, учительный**»¹⁴²¹). Если в приведенных некрологических фрагментах преобладают устойчивые выражения, то при описании качеств церковных иерархов при жизни топосы встречаются не так часто (Лука «**мужь молчаливъ, милостивъ к ѹбогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богаты и ѹбогу, смѣренъ же и кротокъ**»¹⁴²², Кирилл Гречин «**учителенъ зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ**»¹⁴²³, Кирилл «**вѣ исполненъ денми, въ старости гл҃воцѣ и въ честнѣй добродѣтелнѣй сѣдинѣ**»¹⁴²⁴). Отметим нетипичный для древнерусского летописания пример отрицательной оценки, который говорит об осознании книжником принадлежности себя и описываемого иерарха к разным группам («**злаго и пронырливаго и гордаго лестыца, лжаго владыкѹ Феодорца**»¹⁴²⁵). Приведенные примеры свидетельствуют о более широкой сфере употребления сочетаний эпитетов в местном летописании, которая не ограничивалась только некрологическими похвалами князьям.

Как уже отмечалось выше, владычнйй характер новгородского летописания проявился в том, что книжники редко соотносили друг с другом сведения разных погодных статей или известия внутри одной погодной

¹⁴¹⁷ ПСРЛ, Т. I, с. 175 (1201).

¹⁴¹⁸ Там же, с. 176 (1203).

¹⁴¹⁹ Там же, с. 185 (1216).

¹⁴²⁰ Там же, с. 171 (1189).

¹⁴²¹ Там же, с. 190 (1226).

¹⁴²² Там же, с. 165 (1185).

¹⁴²³ Там же, с. 190 (1224).

¹⁴²⁴ Там же, с. 203-204 (1261).

¹⁴²⁵ Там же, с. 151 (1169).

записи. Это подтверждают и случаи сочетания эпитетов в НПЛ. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие некрологов светским лицам (убили посадника «**м҃жа храбра зѣло ... и много добрыхъ м҃ж**»¹⁴²⁶), а описание качеств церковных иерархов новгородские книжники предлагали не в конце, а в начале служения – при поставлении («**поставиша архієпископа Нифонта, м҃жа свята и зѣло боящася бога**»¹⁴²⁷). В обоих случаях летописцы дают краткую характеристику, что говорит о следовании ими устоявшейся традиции. Сочетания эпитетов при описании погодных явлений в НПЛ также немногочисленны («**стояста 2 недѣли пълне ... теплѣ велии ... а на зимѹ не бысть снѣга велика, ни ясна дни**»¹⁴²⁸). Отметим, что приведенные высказывания читаются во фрагменте НПЛ, предположительно составленном летописцем архиепископа Нифонта (пономарем Тимофеем). Это говорит в пользу того, что сочетания эпитетов являются особенностью стиля конкретного книжника и не относятся к отличительным чертам новгородского летописания в целом.

* * *

Анализ сочетаний авторских проявлений показал, что в памятниках исторического повествования XI-XIII вв. они образуют семантически насыщенные фрагменты текста, функция которых определяется авторской интенцией. Сочетания риторических вопросов и восклицаний привлекают повышенное внимание читателя и представляют собой попытку выделить важный для книжника фрагмент, объединенный общей темой или оценкой. Так мысль книжников о необходимости сильной княжеской власти является одной из основных тем сочетаний риторических фигур в ПВЛ, ЧХ и ХГА. Уменьшение подобных сочетаний в местном летописании связано как с ослаблением учительного характера исторического повествования, так и с

¹⁴²⁶ НПЛ СИ, с. 23 (1134).

¹⁴²⁷ Там же, с. 22 (1130).

¹⁴²⁸ Там же, с. 27 (1145).

поиском новых форм выражения авторской точки зрения. Кроме того, в местном летописании осознание книжником себя и места своего народа сменяется более частными задачами, для решения которых сочетания риторических фигур не требовались.

Изменение характера летописания отразилось и в сочетании других авторских проявлений. Так в эмотивных высказываниях появляются упоминания не одной, а нескольких черт, их сочетания усиливают выразительность определенного фрагмента летописи в соответствии с авторским намерением. Этой же цели служат и сочетания оценочных высказываний, в которых помимо усиления одной оценки встречаются противопоставления разных оценок. Их компактное расположение в определенных фрагментах памятника говорит в пользу единого авторства (в этом отношении показателен текст НПЛ). Сочетания сравнений и эпитетов соотносятся с изменением характера летописания и социальным положением летописцев. Если в общерусском летописании они читаются преимущественно в агиографических фрагментах и некрологических похвалах (что типично для сознания монаха), то в местных памятниках они нередко присутствуют в сообщениях о поступках князей и архитектурных описаниях (что больше соответствует летописцу, приближенному ко двору князя). Это указывает на расширение круга фрагментов, осмысляемых летописцами как единое целое, их смысловое выделение на пространстве всего текста и позволяет предположить наличие в них элементов рефлексии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует сказать, что выявление и интерпретация авторских экспликаций в тексте произведения как способ познания создателя этого текста позволяет получить важную информацию, которая часто ускользает от внимания исследователей. Основной задачей настоящей работы были рассмотрение и анализ основных форм авторского присутствия в древнерусских летописях XI-XIII вв. Выбранный хронологический период обусловлен общностью принципов создания и бытования памятников домонгольского летописания, а разнообразие источников, созданных (или отредактированных) в разных культурных центрах Древней Руси обеспечило репрезентативность выборки. В качестве внешнего контекста привлекались синхронные ПВЛ западославянские хроники, что позволило определить специфический или типологически общий характер авторских экспликаций. В ходе исследования удалось прийти к следующим выводам.

Изучение высказываний книжников от первого лица в летописях и хрониках позволяет рассматривать эту формальную категорию как основную при изучении биографических свидетельств и проявлений самосознания. Несмотря на ограниченное количество сообщений о событиях своей жизни, они помогают получить представление о статусе и социальном окружении историописателей, которые влияли на выбор тем и способ их представления в тексте. Наиболее часто подобные высказывания встречаются в летописи монаха Печерского монастыря в Киеве (ПВЛ) и в хронике настоятеля Пражского собора (ЧХ), а в труде иноземца показательно их отсутствие (ХГА). Помимо событий своей жизни книжники упоминали от первого лица о том, что сами видели, сообщали об использованных письменных и устных источниках, а также выражали свое отношение к описываемым событиям. Упоминания о себе как об очевидцах или ссылки на «информантов» в общерусском летописании актуализируют достоверность повествования в его восприятии книжником, тогда как в местных памятниках преобладали

сообщения о недавних событиях и подобные отсылки были излишними. Эмотивные и оценочные высказывания от первого лица также наиболее часто встречаются в ПВЛ (летописцы предлагают свою трактовку событий, в ряде случаев совмещая цитаты из авторитетных текстов с собственными высказываниями), а в ХГА они обусловлены жанром и задачами создания памятника (прославлением деяний современного хронисту князя). Оценочные высказывания неоднократно встречаются в контексте причинно-следственных связей, а их сочетания составляют отдельное рассуждение о причинах наступления события и являются проявлением провиденциализма сознания летописцев. Для новгородского владычного летописания высказывания от первого лица важны для атрибуции фрагмента летописи конкретному книжнику, что возможно, когда они присутствуют в одних фрагментах и отсутствуют в других. Это позволяет различать в НПЛ индивидуальную манеру конкретных летописцев и проявление самосознания жителя средневекового города (т.е. «среднего индивида» своего времени). Высказывания хронистов от третьего лица имеют форму самоуничижительных фраз и читаются в предисловиях к книгам ЧХ и ХГА (что подтверждает их этикетный характер), а в южнорусской летописной традиции они единичны и являются заимствованиями (как в случае галицкого летописца, который называет себя «хронографом»).

Другим важным средством характеристики средневековых книжников являются косвенные формы авторского присутствия, такие как риторические фигуры, эмотивные и оценочные высказывания, а также выразительные средства. Риторические вопросы и восклицания в летописи проникали из произведений других жанров (например, похвальных слов). Часто они включены в прямую речь описываемых лиц (т.е. не принадлежат собственно летописцам). Однако их наличие обусловлено авторской интенцией и указывает на следование книжной традиции. Их замена эмоционально нейтральными высказываниями в НПЛ свидетельствует о стремлении уменьшить экспрессивность погодных статей 1220–1250-х гг. (впрочем,

редакторская правка могла относиться к любому фрагменту летописи). Эмотивные высказывания в летописях имеют своей целью вызвать у реципиента определенные ассоциации, которые в общерусском летописании имеют христианско-мировоззренческий вектор, а в местных памятниках посвящены более частным вопросам и отражают точку зрения книжника. Оценочные высказывания летописцев отличает единство авторских предпочтений, однако круг оцениваемых (в том числе отрицательно) объектов в местном летописании несколько расширяется. Рассмотрение сравнений и эпитетов в летописях показало, что в образных сравнениях южнорусской традиции преобладают сопоставления с библейскими персонажами или обращения к прецедентной ситуации, а безобразные сравнения с животными или явлениями природы большей частью краткие и имеют вид устойчивых выражений. Напротив, в ЧХ и ХГА безобразные сравнения широко распространены, они пространные и обнаруживают в хронистах знатоков повадок животных. В НПЛ чаще встречаются сопоставления с явлениями природы, а сравнений с правителями других государств существенно меньше, что свидетельствует о слабом стремлении местных книжников вписать события средневекового Новгорода в контекст священной или европейской истории. Приведенные различия объясняются как особенностями книжной традиции разных культурных центров, так и мировосприятием самих книжников.

Рассмотрение сочетаний авторских проявлений позволило заключить, что они часто представляют собой комбинацию устойчивых выражений, их появление в тексте осознано и обусловлено интенцией книжников. Сочетания риторических фигур и выразительных средств в летописях и хрониках объединены общей темой и представляют собой связный фрагмент, что позволяет рассматривать их как примеры осмысления книжниками своего труда. Такова мысль о необходимости сильной княжеской власти, которая является одной из основных тем при использовании сочетаний риторических вопросов и восклицаний в ПВЛ, ЧХ и ХГА и является

проявлением типологического сходства. Частые сочетания в хрониках риторических вопросов и восклицаний с выразительными средствами (эпитетом, сравнением, гиперболой) нехарактерны для летописей, в которых количество риторических фигур несколько меньше, они часто являются библейскими цитатами и дополняются собственными высказываниями летописцев. Это объясняется тем, что к рубежу XI-XII вв. на латинском языке было создано множество текстов, содержащих различные риторические фигуры, в то время как письменная форма языка и книжная традиция в Древней Руси только формировались. Сочетания эмотивных высказываний обусловлены стремлением книжников выделить важную в их представлении ситуацию и более явно выразить свое отношение к ней. Комбинации оценочных высказываний также являются средством усиления оценки и указывают на различное проявление светского и церковного начал в летописном тексте. Эту же тенденцию отражают изменения в употреблении сочетаний сравнений и эпитетов: если в общерусском летописании в них сильны агиографические мотивы, то в дальнейшем повествовании этот аспект ослабляется, и на его место приходят описания событий местной истории, природных явлений и артефактов. Сделанные наблюдения указывают на наличие у рассмотренных в настоящей работе сочетаний объединяющей функции в структуре текста, которая по-разному проявляется в зависимости от авторской установки и жанровой природы памятника.

Проведенное исследование не только показало продуктивность традиционных подходов литературоведения (историко-литературного изучения летописей, текстологии и герменевтики), но и позволило оценить методологию смежных областей медиэвистики. Использование подходов истории ментальностей при изучении форм авторского присутствия привело к заключению, что наиболее продуктивным представляется социологическое направление. Оно позволяет определить влияние социального положения книжника и характерных черт его сознания на способ изображения описываемых событий и другие особенности повествовательной манеры

(следование предшествующей традиции, проявление эмоций и оценок, выбор выразительных средств). В случаях, когда сохранившийся текст памятника не содержит упоминаний книжника о себе или о событиях своей жизни, применимость этого подхода снижается (что справедливо в отношении ХГА). Использование психологического направления истории ментальностей затруднено малым количеством эмотивных высказываний в рассматриваемых источниках, поэтому при определении типологического характера единичных авторских проявлений необходимо применение компаративных методик. Подход истории повседневности применительно к изучаемому периоду существенно ограничен из-за недостаточности источников, однако внимание к бытовым условиям (социальным практикам), нашедшим отражение в тексте, оказывается важным дополнением при интерпретации форм авторского присутствия. К нерешенным проблемам настоящей работы следует отнести соотношение индивидуального человека и «среднего индивида» своего времени, что связано со сложностью для большинства источников выделения и атрибуции фрагментов повествования конкретным книжникам. Использование микроисторического подхода исторической антропологии (изучение не человека «вообще», а конкретных людей в микросообществах) позволило выявить особенности употребления выразительных средств и показать, в каких случаях книжники следовали канону, а когда могли выйти за их пределы и использовать в летописи свой жизненный опыт. Сделанные в настоящей работе наблюдения уточняют наши представления об авторах средневековых летописей и хроник, их социальном окружении, мировоззрении и методах работы и позволяют более корректно интерпретировать созданные ими тексты.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси
ВЛ	Волынская летопись
ВГМ	Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола)
ГЛ	Галицкая летопись
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
ЖФП	Житие Феодосия Печерского
ИЛ	Ипатьевская летопись
КЛ	Киевская летопись
ЛЛ	Лаврентьевская летопись
НПЛ МИ	Новгородская первая летопись младшего извода
НПЛ СИ	Новгородская первая летопись старшего извода
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СЛ	Суздальская летопись
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы
ХГА	Хроника Галла Анонима
ХИГ	Хождение игумена Даниила
ХИМ	Хроника Иоанна Малалы
ХЭ	Хроника Эрика
ЧХ	Чешская хроника
CCB	Cosmae Chronica Voemorum
GPP	Gesta principum Polonorum
MGH SS	Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (in Folio)

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) / Русский текст, комментарии, указатели В. Матвеевко, Л. Щеголевой. М.: Богородский печатник, 2000. – 544 с.
2. Гай Саллюстий Крисп. Заговор Катилины / Примеч. С.П. Гвоздева; вводн. статья и общ. ред. М.М. Покровского. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1947. – 87 с.
3. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Вступ. статья, перевод и коммент. Л.М. Поповой; под. ред. В.Д. Королюка. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 172 с.
4. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. – 600 с.
5. Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII-XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 71 – 135.
6. Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. статья, перевод и коммент. Г.Э. Санчука; под. ред. Л.В. Разумовской, В.С. Соколова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 296 с.
7. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. – 540 стб.
8. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. – 937 стб.
9. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.
10. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцвѣтный: в 3-х т. Подготовка текста и комментариев Антони Хипписли и Лидии И. Сазоновой. Köln – Weimar – Wien: Böhlau Verlag, 1999.

11. Хождение Даниила, игумена земли Русской // Книга хождений: Записки русских путешественников XI-XV вв. М.: Советская Россия, 1984. С. 27 – 79.
12. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Подг. изд., вст. ст. и примеч. М.И. Чернышевой. М.: «Джон Уайли энд Санз», 1994. – 473 с.
13. Хроника Эрика / Сост. и отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: РГГУ, 1999. – 254 с.
14. Cosmae Chronica Voemorum. Ed. R. Koeperke // MGH SS. Hannover, 1851. T. IX. S. 1 – 132.
15. Gesta principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / Transl. and annotated by P.W. Knoll and F. Schaer with a preface by Th.N. Bisson. Budapest: Central European University Press, 2003. – 318 p.

Исследования

16. Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М.: Наука, 1973. С. 43 – 52.
17. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 488 с.
18. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 188 с.
19. Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 81 – 106.
20. Александрова М.И. Подтекст в повествовании от первого лица: когнитивно-прагматический аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.
21. Алпатов С.В. Фольклор как составляющая средневековой культуры (к проблеме школьного курса) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 109 – 121.

22. Аникин Д.В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. – 20 с.
23. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Перевод О. Гавришиной и А. Олейникова, под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
24. Антонов Д.И. Самосознание древнерусского книжника в эпоху смуты. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006. – 24 с.
25. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука, Смысл, 1999. – 349 с.
26. Асмолов А.Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
27. Атарова К.Н., Лессикс Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 343 – 356.
28. Баранова Т.М. Типология индивидуальных образных сравнений с позиции их восприятия реципиентом в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 13 (5). С. 274 – 280.
29. Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. – 348 с.
30. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вст. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс. 1989. – 616 с.
31. Барт Р. S/Z / Под ред. Г.К. Косикова. М.: URSS, 2001. – 232 с.
32. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – 445 с.
33. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.

34. Бегунов Ю.К. Речь Моисея Выдубицкого как памятник торжественного красноречия XII в. // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 60 – 76.
35. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948.
36. Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 172 – 207.
37. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис. Смоленск: СГПИ им. К. Маркса, 1984. – 92 с.
38. Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб.: Алетейя, 1998. – 317 с.
39. Блок М. Апология истории или ремесло историка / Перевод Е.М. Лысенко, примечания А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. – 230 с.
40. Блок М. Феодальное общество / Пер. М.Ю. Кожевниковой. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
41. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. – 529 с.
42. Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. 1983. Т. 37. С. 3 – 13.
43. Буюнова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: Механизмы экспликации и концептуализации. М.: Флинта, Наука, 2016. – 232 с.
44. Вагнер Г.К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. 1995. Сб. 8. С. 16 – 23.
45. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 402 – 421.

46. Вежбицкая А. Описание или цитация // Новое зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). Сост., ред. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой. М.: Радуга, 1982. С. 237 – 262.
47. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.
48. Виноградов А.Ю. Освящения храмов в письменной традиции Византии и Руси (середина IX – первая половина XIII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Выпуск 32: Сравнительные исследования социокультурных практик. М., 2020. С. 45 – 50.
49. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941. – 620 с.
50. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. – 613 с.
51. Виролайнен М. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. – 503 с.
52. Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 928 с.
53. Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI-XV вв.). СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2008. – 488 с.
54. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55 – 75.
55. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 2002. – 280 с.
56. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общая редакция и вступительная статья Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
57. Гене Б. История и историческая культура на средневековом Западе. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

58. Гимон Т.В. Работа новгородского летописца XV века: Комиссионный список Новгородской первой летописи // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М. 1998. С. 91 – 93.
59. Гимон Т.В., Гиппиус А.А. Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 174–200.
60. Гимон Т.В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII-XIII вв) // Древнейшие государства Восточной Европы. Политические институты Древней Руси: [сб. ст.]. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 291 – 333.
61. Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 112 – 125.
62. Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 696 с.
63. Гимон Т.В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 748 – 800.
64. Гимон Т.В. Рубеж XII-XIII вв. в новгородском летописании // Slověne. 2017. № 2. С. 163 – 187.
65. Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. №6 (16). М. 1997. С. 3 – 72.

66. Гиппиус А.А. История и структура оригинального древнерусского текста (XI-XIV вв): комплексный анализ и реконструкция. Автореф. ... докт. филол. наук. М.: 2006. – 44 с.
67. Гиппиус А.А. Новгородская владычня летопись XII-XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004-2005>. М.: Древлехранилище, 2006. С. 114 – 251.
68. Гиппиус А.А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 47 – 54.
69. Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
70. Горский А.А. Янь Вышатич: Проводник по истории Руси XI века. М., СПб.: Нестор-История, 2022. – 192 с.
71. Горский А.А. Янь Вышатич «против» Петра Бориславича: упоминали ли себя авторы древнерусских литературных произведений в третьем лице? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 7 – 15.
72. Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. – 416 с.
73. Гудзий Н.К. Сравнительное изучение литератур в русской науке // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 439 с.
74. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. – 349 с.
75. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М. 1989. Вып. 1. С. 75 – 89.
76. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 424 с.

77. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
78. Девятова Н.М. Об образном сравнении и его типологии // Болгарская русистика. 2010. № 3-4. С. 56 – 64.
79. Дёмин А.С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 760 с.
80. Дёмин А.С. Взаимосвязь разных жанровых форм в памятниках XII-XVII вв. и умонастроения древнерусских авторов // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 1-2. С. 239 – 255.
81. Демичева Н.А. Древнерусские произведения о присоединении Северо-Западных земель к Великому княжеству Московскому: к вопросу о влиянии места создания произведения на его содержание // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 309 – 311.
82. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. / Под ред. А.С. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
83. Дмитриев М.В. *Poloni* и *Rutheni*, католики и православные, *Natio* и *Confessio* в летописании средневековой Восточной Европы // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 1. С. 5 – 18.
84. Добровольский Д.А. Личностное начало в летописании: проблемы выявления и изучения в источниковедческих исследованиях // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. Доклады и тезисы XIV научной конференции. М. 2002. С. 196 – 198.
85. Добровольский Д.А. Этническое самосознание древнерусских летописцев XI – начала XII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 2009. – 24 с.
86. Добровольский Д.А. «Теория казней Божьих»: от Начального свода к Повести временных лет // Локальные исторические культуры и

- традиции историописания. М.: Институт всеобщей истории, 2011. С. 144 – 154.
87. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. – 317 с.
88. Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 50 – 58.
89. Еремин И.П. Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.–Л.: Наука, 1966. – 263 с.
90. Живов В.М. Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 170 – 186.
91. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и запад. М.: Наука, 1979. – 493 с.
92. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
93. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с.
94. Иванайнен О.В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. Сборник 16 – 17. С. 389 – 582.
95. Ивинский Д.П. История русской литературы. Введение. М.: Р.Валент, 2019. – 208 с.
96. Ивков Д.Э. Сопоставление исторических персонажей с библейскими в летописании домонгольской Руси // Аналитика культурологии: Электронное научное издание. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 1 – 5.
97. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
98. Иконников В.С. Опыт русской историографии. В 2 т. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1891-1908.

99. Канафьева А.В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М. 2011. – 49 с.
100. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси (XI-XVII вв.). М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 720 с.
101. Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015. – 386 с.
102. Керова А.В. Восклицательные предложения как средства выражения эмотивности // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 21 (760). С. 174 – 181.
103. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М.: Наука, 1980. – 312 с.
104. Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 года (ПСРЛ, том III). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 5 – 11.
105. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Перевод и комментарии Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. – 485 с.
106. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 152 с.
107. Комендова Й. Историографический метатекст в «Повести временных лет» и «Чешской хронике» Козьмы Пражского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 55.
108. Комендова Й. «Летопись Монаха Сазавского» и Киевская летопись: сравнение методов историописания // Slověne. 2017. № 1. Р. 256 – 272.
109. Конявская Е.Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). М.: Языки русской культуры, 2000. – 199 с.
110. Конявская Е.Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 65 – 75.
111. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Избранные труды по теории и истории литературы. Предисл. и сост. В.И. Чулкова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 59 – 67.
112. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

- 113.Королюк В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X-XI вв. М.: Наука, 1964. – 383 с.
- 114.Котляр Н.Ф. О возможной природе нетрадиционной структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 36 – 54.
- 115.Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. СПб.; М.: Квадрига, 2010. – 214 с.
- 116.Кузьменко О.Н. Повтор как способ лингвостилистической организации старофранцузского текста. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1980. – 207 с.
- 117.Лавренченко М.Л. Титулы и эпитеты правителей в русских летописях и польских хрониках XI-XIII вв. // Colloquia Russica. 2019. Series I. V. 9. P. 183 – 196.
- 118.Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2-х т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- 119.Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI-XIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. – 26 с.
- 120.Лаушкин А.В. Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI-XIII вв. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2019. – 304 с.
- 121.Левинсон К.А. Ментальности в средневековье: Концепции и практика исследований // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. Сост. Е.М. Михина. М.: РГГУ, 1996. С. 79–96.
- 122.Левшун Л.В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 101 – 116.
- 123.Левшун Л.В. Эмотивный компонент категории жанра и стиля в художественном каноне христианской культуры (на материале

- произведений средневековой книжности) // Stephanos. 2021. V. 6 (50). P. 21 – 29.
124. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового запада / Пер. и ред. В.А. Бабинцева; послесловие А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
125. Леонтьев А.Н. Избранные психологические сочинения: В 2 т. М.: Педагогика, 1983.
126. Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967. – 199 с.
127. Литаврин Г.Г., Флоря Б.Н. Общее и особенное в процессе христианизации стран региона и Древней Руси // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. С. 235 – 262.
128. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. – 208 с.
129. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. А.Н. Николюкина М.: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
130. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 499 с.
131. Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 36 – 56.
132. Лихачев Д.С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк). В кн.: Повесть временных лет. Часть 2. Приложения. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 5 – 148.
133. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. – 360 с.
134. Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). СПб: Алетейя, 2001. – 759 с.

- 135.Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. – 384 с.
- 136.Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. – 172 с.
- 137.Лурье Я.С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. 1972. Т. 27. С. 76 – 93.
- 138.Лурье Я.С. Лаврентьевская летопись – свод начала XIV в. // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 50 – 67.
- 139.Львов А.С. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1974. – 367 с.
- 140.Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1955. – 369 с.
- 141.Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / Пер. К.А. Левинсон; под общ. ред. и с предисл. С.В. Журавлева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 271 с.
- 142.Макарцев М.М. Эвиденциальность в пространстве Балканского текста. М., СПб.: Нестор-История, 2014. – 444 с.
- 143.Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М.: Диалог-МГУ, 1999. – 177 с.
- 144.Мельников Г.П., Петрухин В.Я. Чешское «язычество» и «Славянские древности»: чешская средневековая традиция // Славяноведение. 2020. № 2. С. 11 – 17.
- 145.Мельничук О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста (на материале современной франкоязычной литературы). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. – 42 с.
- 146.Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание: сб. ст. Ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 14 – 27.

- 147.Метлицкая З.Ю. Историческое самосознание англосаксонских анналистов IX-XI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. – 20 с.
- 148.Мецгер Б.М., Эрман Б.Д. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М.: Издательство ББИ, 2013. – 405 с.
- 149.Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. – 280 с.
- 150.Николаева И.Ю. Проблематика ментальности традиционных обществ и современная западная историография // К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли. Под ред. Б. Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1994. С. 53 – 98.
- 151.Никулин Н.И. К типологии взаимосвязей средневековой исторической прозы // Типология и взаимосвязи средневековых литератур востока и запада. М.: Наука, 1975. С. 117 – 151.
- 152.Оболевич В.Б. История польской литературы (средневековье, ренессанс). Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 168 с.
- 153.Орлов А.С. Владимир Мономах. М.: Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. – 191 с.
- 154.Орлов А.С. О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 15 – 35.
- 155.Орлова Е.И. Формы присутствия автора в литературном произведении: Учеб. пособие. М.: Факультет журналистики МГУ, 2017. – 48 с.
- 156.Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
- 157.Пауткин А.А. «Рекоша новгородци» (О стиле новгородских летописей) // Русская речь. 1987. № 3. С. 122 – 126.

158. Пауткин А.А. Характеристика личности в летописных княжеских некрологах // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М.: Наука, 1989. С. 231 – 246.
159. Пауткин А.А. Галицкая летопись как памятник литературы Древней Руси. М.: Издательство Московского университета, 1990. – 76 с.
160. Пауткин А.А. Южнорусские летописцы XIII века и переводная историческая литература // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наука, 1998. С. 127 – 134.
161. Пауткин А.А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Изд-во Моск. унт-та, 2002. – 285 с.
162. Пауткин А.А. Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М., СПб.: Нестор-История, 2017. – 324 с.
163. Пауткин А.А. К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (31). С. 119 – 126.
164. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 327 с.
165. Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Птг: Academia, 1922. – 164 с.
166. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003. – 703 с.
167. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1994. – 147 с.
168. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. – 669 с.
169. Православная энциклопедия: в 64-х т. (продолжающееся издание). М.: Православная энциклопедия, 2000-.

- 170.Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.) / Перевод А.В. Назаренко, под ред. К.К. Аментьева. СПб: Византинороссика, 1996. – 572 с.
- 171.Потебня А.А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст. и комм. А.Б. Муратов. М.: Высшая школа, 1990. – 342 с.
- 172.Приселков М.Д. Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Петербург: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923. – 112 с.
- 173.Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. СПб: Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
- 174.Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Академия, 1999. С. 11 – 21.
- 175.Прозоровский Д.И. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // ЖМНП. 1852. Ч. 75. С. 1 – 28.
- 176.Пропп В.Я. Морфология сказки. М., Наука, 1969. – 168 с.
- 177.Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158 – 166.
- 178.Ранчин А.М. Оппозиция «природа – культура» в историософии Повести временных лет // Натура и культура: Славянский мир. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 180 – 190.
- 179.Ранчин А.М., Лаушкин А.В. К вопросу о библеизмах в древнерусском летописании // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 125 – 137.
- 180.Ранчин А.М. Вертоград златословный. М.: НЛО, 2007. – 576 с.
- 181.Ранчин А.М. О топике древнерусской словесности: к проблеме разграничения топов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 21 – 32.
- 182.Ранчин А.М. Каин и Святополк: прецедентные имена в древнерусской культуре // Россия XXI. 2021. № 1. С. 136 – 147.
- 183.Ранчин А.М. Нестор Летописец. М.: Молодая гвардия, 2022. – 352 с.
- 184.Регель В.Э. О хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Ч. 270. С. 221 – 261.

- 185.Рифтин Б.Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1974. – 575 с.
- 186.Робинсон А.Н. Древнерусская литература в литературном процессе средневековья XI – XIII вв. (очерки литературно-исторической типологии). М.: Наука, 1980. – 336 с.
- 187.Ролланд П.А. Модели повествования в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 2009. Т. 60. С. 259 – 266.
- 188.Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. – 520 с.
- 189.Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. (материалы и исследования). М.: Наука, 1978. – 240 с.
- 190.Савельев В.С. Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // Герменевтика древнерусской литературы. 2010. Сб. 14. С. 484 – 516.
- 191.Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М.: Русская панорама, 2007. – 664 с.
- 192.Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1981. – 255 с.
- 193.Сковородников А.П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М.: Флинта, 2011. 480 с.
- 194.Скотт В. Собрание сочинений: В 20 т. / Под общ. ред. Б.Г. Реизова, Р.М. Самарина, Б.Б. Томашевского. Том 8. Айвенго. Пер. Е.Г. Бекетовой. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 570 с.
- 195.Соболева М.Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический проект, 2013. – 151 с.
- 196.Степанова Е.Б. О значении риторического вопроса // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9: Филология. 1980. № 2. С. 36 – 42.

197. Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Исследования по древней русской литературе акад. М.И. Сухомлинова. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб: Типография М.А. Александрова. 1908. Т. 85. № 1. С. 1 – 247.
198. Сухомлинов М.И. О псевдонимах в древней русской словесности // Исследования по древней русской литературе акад. М.И. Сухомлинова. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб: Типография М.А. Александрова. Т. 85. № 1. С. 441 – 493.
199. Тамарченко Н.Д. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Издательство Кулагиной, Интрада, 2008. – 358 с.
200. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. 1964. Т. 20. С. 29 – 40.
201. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. – 576 с.
202. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 37 – 113.
203. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 450 – 463.
204. Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X – XIII вв. СПб: Алетейя, 2003. – 296 с.
205. Толстой Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет” // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 441 – 447.
206. Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М.: Искусство, 1959. – 279 с.

207. Топоров В.Н. Предыстория литератур у славян: Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М.: РГГУ, 1998. – 318 с.
208. Трепавлов В.В. Государственный строй монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. – 168 с.
209. Трофимова Н.В. Автор в древнерусских воинских повестях // Вестник славянских культур. 2011. Т. XX. №. 2. С. 56 – 65.
210. Трофимова Н.В. Библейские цитаты в Новгородской первой летописи // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 4. С. 180 – 197.
211. Ужанков А.Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 3. М.: Наука, 1992. С. 149 – 180.
212. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
213. Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 456 с.
214. Февр Л. Бои за историю / Пер. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича, Ю.Н. Стефанова; статья А.Я. Гуревича; комм. Д.Э. Харитоновича. М.: Наука, 1991. – 629 с.
215. Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986. – 180 с.
216. Фуко М. Археология знания / Пер. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вст. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. – 416 с.
217. Хайкова И.А. Отрицание в риторическом вопросе // Контрастная лингвистика: Межвузовский тематический сборник. Калинин: Калинин. Гос. Ун-т, 1983. С. 145 – 153.
218. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.
219. Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах /

- Сост., пред. и пер. Д.В. Сильвестрова; комм. и указ. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.
- 220.Хромова Е.Б. А.Я. Гуревич и история ментальностей // Вестник Пермского университета: История. 2014. Вып. 1 (24). С. 163 – 168.
- 221.Чекова И. Генезис и поэтика на летописный текст (вверху материал от старорусские летописи) // Славистични изследвания. София. 2005. Б. 7. С. 135 – 152.
- 222.Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. М.: URSS, 2020. – 270 с.
- 223.Чернец Л.В. О типологическом изучении литературных персонажей // Stephanos. 2016. Т. 15. № 1. С. 80 – 90.
- 224.Черторицкая Т.В. Ораторское искусство Древней Руси // Сокровища древнерусской литературы. Красноречие Древней Руси (XI-XVII вв.). М.: Советская Россия, 1987. С. 5 – 30.
- 225.Шавеко Н.А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси под влиянием христианской мировоззренческой парадигмы (XI-XV вв.) // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 10 – 33.
- 226.Шайкин А.А. Тропы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. М.: Наука, 2004. С. 505 – 525.
- 227.Шайкин А.А. «Повесть временных лет»: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. 613 с.
- 228.Шартье Р. Новая культурная история // Homo Historicus: в 2-х кн. Кн. I. М.: Наука, 2003. С. 271–284.
- 229.Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб: Типография М.А. Александрова, 1908. – 686 с.
- 230.Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 9 – 150.
- 231.Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 206 с.

232. Шевырев С.П. История русской словесности. М.: Русская цивилизация, 2017. – 1088 с.
233. Шенкао М. Изучение ментальностей во французской школе «Анналов» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1. С. 60 – 72.
234. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Перевод с немецкого А.Л. Вольского. СПб.: Европейский дом, 1977. – 242 с.
235. Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1809. – 475 с.
236. Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. Сост., ред. и вст. ст. Т.М. Николаевой. М.: Прогресс, 1978. С. 89 – 108.
237. Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М.: Северный паломник, 2007. – 273 с.
238. Щавелев А.С. Еще раз о мифопоэтических устных источниках средневекового историописания: рассказы об основателях династии у Галла Анонима и Снорри Стурлусона // Древнейшие государства Восточной Европы: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 565 – 592.
239. Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. М.: Наука, 1990. – 210 с.
240. Юрганов А.Л. Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. Альманах I. М. 2003. С. 325 – 350.
241. Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Оломоуц: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. С. 65 – 77.
242. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.

243. Adler W. *Time Immemorial: Archaic History and its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellus*. Washington D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1989. – 253 p.
244. Aikhenvald A. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004. – 452 p.
245. Bloch M., Febvre L. *Text d'ouverture // Annales d'histoire économique et sociale*. 1929. №1. P. 3.
246. Curtius E.R. *European Literature and the Latin Middle Ages / Tr. Trask W.R. Bollingen Series 36*. Princeton: Princeton University Press, 1953. – 662 p.
247. Franklin S. *The Empire of Rhomaioi as Viewed from Kievan Russia: Aspects of Byzantino-Russian Cultural Relations // Byzantion*. 1983. V. 53. F. 2. P. 507 – 537.
248. Hellmann S. *Ausgewählte Abhandlungen zur Historiographie und Geistesgeschichte des Mittelalters*. Darmstadt: Beumann, 1961. – 397 s.
249. *Historiography in the Middle Ages*. Ed. D.M. Deliyannis. Leiden, Boston: Brill, 2003. – 464 p.
250. Jackson W.T.W. *The Literature of the Middle Ages*. New York: Columbia University Press, 1960. – 432 p.
251. Plezia M. *Kronika Galla na tle historiografii XII wieku*. Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejetności, 1947. – 206 s.
252. Sidwell K. *Reading Medieval Latin*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 398 p.
253. Timberlake A. *Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении*. 2001. №1. С. 196 – 218.
254. Třeštík D. *Kosmova kronika: Studie k počátkům českého dějepisectví a politického myšlení*. Praha: Academia, 1968. – 253 s.
255. Zeissberg H. *Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters*. Leipzig: S. Hirzel, 1873. – 439 s.